UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324623 8

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/podorozhe00remi

5386

PG
3470
R4P58
1913a

LIBRARY
OCT 28 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1017726

РЕМИЗОВ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОДОРОЖІЕ

MCMXIII

2

3

Изд. СИРИНЪ

Пушкинская, 10.

5

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОДОРОЖІЕ

Типографія Акц. Общ. Тип. Дѣла въ СПб.
7 рота 28.

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довгелло.

8

9

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РАЗСКАЗЫ

//

ПѢТУШОКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

На Ильинъ день у Петьки корова пятиалтынный съѣла.

Послѣ всенощной, какъ спать ложиться, дала бабушка мальчонкѣ денежку серебряную — пятнадцать копѣекъ на гостинцы. Въ Ильинъ день изъ Кремля крестный ходъ къ Иліи Пророку ходитъ на Воронцово поле, большой съ корсунскими крестами, и жандармовъ на коняхъ много ѣдетъ, а за обѣдней на церковномъ дворѣ въ садикѣ, у церкви подъ хоругвями гулянье: квасъ клюквенный продаютъ, игрушки, ягоды всякія, кружовникъ, груши и мороженное. Петька до ягодъ охотникъ и мороженное страсть любитъ, — пятиалтынный ему на руку. Такъ съ пятиалтыннымъ и ночь спалъ.

Вернулась бабушка отъ ранней обѣдни отъ Николы Кобыльскаго, а Петька ужъ на ногахъ: и самоваръ приготовилъ и сапожонки себѣ ваксой начистилъ, принарядился, — въ пору хоть со двора сейчасъ. И сколько разъ, ждавши бабушку, юла картузъ себѣ примѣрялъ — картузъ у Петьки съ козырькомъ лаковымъ; раньше-то соломенную шляпу таскалъ, а

какъ поступилъ въ городское училище, картузъ ему бабушка купила. И ремень подтянулъ до самой послѣдней дырочки, тоже лаковый, оправилъ свою черную суконную курточку съ двумя серебряными пуговками на воротѣ, только съ штанишками плохо— штанишки парусиновыя, вымыты начисто, вымыла ихъ бабушка сама и выгладила, да коротеньки: голенища пальца на два видны, — ну, и Петька растетъ, и штанишки въ мойкѣ сѣли.

— Я, бабушка, тебѣ самоваръ въ одну минуту поставилъ! — встрѣтилъ Петька бабушку, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Умникъ ты у меня, Пѣтушокъ! — заморилась за обѣдней бабушка и чаю попить ей хочется.

Бабушка сама самоваръ ставитъ долго, такъ Петькѣ всегда казалось, что долго: бабушка сперва золу вытряхнетъ, наложитъ немного угольковъ, на уголья лучинки, а потомъ, какъ уголья зашипятъ, еще подложитъ, и такъ раза два подложитъ. А Петька прямо съ золой, не вытряхивая, полонъ самоваръ напихаетъ углями, зажжетъ лучинки-щепочки и на щепочки угольковъ еще положитъ, и самоваръ будто бы сразу гудѣть принимается.

— Умникъ ты! — повторяетъ бабушка: рада она, что самоваръ на столѣ шумитъ, и неспѣша попьетъ она чайку, отдохнетъ малость до крестнаго хода.

Бабушка богомольная, не пропускала она ни одной службы и, когда случался покойникъ у Николы Кобыльскаго, пойдетъ и за обѣдню и на панихиду со свѣчкой постоять, во всѣ крестные ходы съ Петькой ходила.

Сѣла бабушка за столъ чай пить, но и кусочка просвирки не прожевала, Петька ужъ торопитъ, тормошитъ бабушку итти крестный ходъ встрѣчать.

А куда рань такую! Крестный ходъ, поди, изъ Кремля не тронулся, крестный ходъ только-только что собирается, и у забора Морозовскаго, поди, и и дворники не стоятъ еще, сидятъ себѣ въ теплой дворницкой, чай пьютъ.

Бабушка съ Петькой обыкновенно встрѣчали крестный ходъ въ Введенскомъ переулкѣ на Морозовскомъ рѣшетчатомъ заборѣ. Устраивались просто: сначала полѣзетъ Петька, а за Петькой и бабушка вскарабкается; лазала старуха на заборъ, и хоть трудно ей было, да зато виднѣе съ забора, и не раздавятъ.

— А то я, бабушка, одинъ пойду! — Петька надѣлъ свой картузъ съ козырькомъ лаковымъ и ужъ къ двери.

Боится бабушка Петьку одного безъ себя пускать, боится раздавятъ ея Петьку.

— Тебя, Пѣтушокъ, еще раздавятъ!

— Не раздавятъ, бабушка, меня, мнѣ, бабушка, въ прошломъ году жандармъ конемъ на палецъ наступилъ, больно ка-къ! А ничего. Я пойду, бабушка.

Страшно бабушкѣ и ровно обидно: всякій годъ вѣдь, вмѣстѣ ходили — впереди Петька, за Петькой бабушка въ своей старенькой тальмѣ и съ зонтикомъ, зонтикъ бабушка отъ солнца не раскрывала и носила его, держа не за ручку, а за кончикъ, такъ что ручка земли касалась. И отпустить ей безъ себя

не хочется Петьку и передохнуть хочется, чаю неспѣша напиться!

Что подѣлаешь, не удержать мальчонку!

Пошелъ одинъ Петька.

Утро выдалось хорошее, свѣжее, будетъ нежаркій день. Петька ли намолилъ у Бога такой славный денекъ или самъ праздникъ — Илія Пророкъ послалъ такую благодать, хорошо будетъ крестному ходу итти, заблестятъ всѣ хоругви золотыя, и батюшкамъ хорошо будетъ итти, сухо, и пѣвчимъ пѣть.

Петька вышелъ на крылечко, пятиалтынный у него въ кулачкѣ, — много онъ купитъ кружовнику краснаго волосатаго и мороженнаго съѣстъ на пятачекъ шоколаднаго. Петька прислушивался: гдѣ-то далеко звонили, но очень далеко. Должно быть, вышелъ крестный ходъ изъ Кремля и въ тѣхъ церквахъ, мимо которыхъ шелъ крестный ходъ, звонили.

„На Илаинкѣ или на Маросейкѣ... у Николы — Красный звонъ!" — смекнулъ себѣ Петька и вдругъ увидалъ корову.

По двору ходила дьяконова корова, постановная сытая рыжая корова.

Петькѣ всегда было пріятно, когда встрѣчалъ онъ дьяконову корову, молочную, буренушку, какъ называла бабушка корову.

— Здравствуй, буренушка!—Петька вприпрыжку подскочилъ къ коровѣ, протянулъ руку, чтобы погладить... денежка заиграла на солнцѣ, выскользнулъ пятиалтынный, а корова языкомъ денежку и слизнула, отрыгнула и проглотила.

Туда-сюда — проглотила.

Покопался Петька въ травѣ, пошарилъ камушки, походилъ вокругъ коровы, постоялъ, подождалъ не выйдетъ ли денежка... Нѣтъ, серебряной нѣтъ его денежки, съѣла буренушка, отняла она у Петьки его ильинскій пятиалтынный.

Съ пустыми руками пошелъ Петька къ Иліи Пророку.

Вернуться ему, сказать бабушкѣ? Бабушка скажетъ: „Вотъ не послушался, пошелъ одинъ, корова и съѣла!" Да и не дастъ ужъ никогда серебряную денежку. „Куда, скажетъ, такому давать, — все одно, корова съѣстъ!" Нѣтъ, лучше не говорить бабушкѣ. А какъ же кружовникъ и мороженное? Да такъ ужъ, придется обойтись безъ кружовника и мороженнаго... А замѣтитъ бабушка? Ну, не замѣтитъ. Скажетъ онъ бабушкѣ, что цѣлый пудъ кружовнику съѣлъ и мороженнаго сто стаканчиковъ... А не повѣритъ бабушка? Повѣритъ! Кружовникъ дешевый — дешевка, такъ сама бабушка говоритъ, и что-жъ тутъ такого: купилъ пудъ и съѣлъ. И денегъ у него не мало, серебряная вѣдь денежка, не пятачекъ, — пятиалтынный! Да нѣтъ у него никакого пятиалтыннаго, корова съѣла!

„Экая корова, — упрекалъ Петька свою любимую буренушку, — зачѣмъ ты у меня денежку съѣла! А какой кружовникъ красный, волосатый, мороженное шоколадное вкусное... сто стаканчиковъ!"

Шелъ Петька и все думалъ о своемъ пятиалтынномъ, который нельзя вернуть. И былъ одинъ способъ: признаться бабушкѣ и чтобы бабушка новый дала. Но откуда взять бабушкѣ? Деньги не

растутъ, говоритъ сама бабушка, серебряныхъ у ней наперечетъ, копѣекъ вотъ, тѣхъ много... Петька шелъ мимо Курскаго вокзала, мимо Рябовскаго дома дикаго, въ которомъ, думалъ Петька, никто никогда не живетъ, а стоятъ однѣ золотыя комнаты, шелъ на Воронцово поле къ Иліи Пророку.

Весь Введенскій переулокъ травой устлали, всю мостовую покрыли свѣжей накошенной травой, тутъ была и Хлудовская трава и отъ Найденовыхъ и отъ Мыслина, все прихожанъ богатыхъ. Ноги скользили по травѣ, и Петька ухитрился озеленить штанишки. Въ травѣ попадались цвѣты, и отъ цвѣтовъ пахло полемъ, напоминало о богомольѣ — Петька съ бабушкой всякое лѣто ходилъ на богомолье. Петька вдругъ забылъ о своемъ съѣденномъ пятиалтынномъ, зажмурился: такъ чутко, такъ ясно почувствовалъ онъ землю-траву подъ ногами и перенесся подъ Звенигородъ на дорогу полемъ — тамъ цвѣты-колокольчики, и лѣсомъ — тамъ кукуетъ кукушка, къ Саввинскому монастырю, а отъ Звенигорода, отъ Саввы Преподобнаго къ Николо-Угрѣшѣ, а отъ Николо-Угрѣши къ Троице-Сергію.

По переулку ужъ спѣшилъ народъ въ церковь, задерживались на тротуарѣ, выбирали поудобнѣе, повиднѣе мѣстечко стать. Звонили ближе, кажется, совсѣмъ близко: у Троицы на Грязяхъ. Нѣтъ, Петька ошибся, еще далеко: это звонили у Косьмы и Демьяна.

На Морозовскомъ заборѣ еще никого не было, никто не сидѣлъ. Только дворники у воротъ стояли, да кучеръ Морозовскій въ плисовой безрукавкѣ, черный, волоса коровьимъ масломъ смазаны. Петька

тоже когда-нибудь, когда будетъ большой, смажется коровьимъ масломъ, и у него волоса такіе же будутъ черные, какъ у кучера, а пока ему бабушка, послѣ бани только, смачиваетъ ихъ квасомъ.

Петька взобрался на Морозовскій заборъ и сталъ глазѣть, дожидаться и крестнаго хода и бабушки.

„Гдѣ-нибудь на дворѣ сышу, — нѣтъ-нѣтъ да и вспоминалась Петькѣ его несчастная денежка, — не пропадетъ!"

Отъ денежки къ крестному ходу — гдѣ, въ какой церкви звонятъ, все прислушивался Петька, отъ крестнаго хода къ Морозовскому кучеру, отъ кучера къ травѣ и богомолью, такъ переходили коротенкія мысли маленькаго Петьки, Пѣтушка, какъ звала мальчонку бабушка.

Пришла бабушка съ своимъ зонтикомъ, вскарабкалась къ Петькѣ на Морозовскій заборъ, ударили у Введенія въ Барашахъ, показался крестный ходъ загорѣлись золотымъ огнемъ тяжелыя хоругви, зазвонили у Иліи Пророка, и утѣшился Петька.

„Дастъ ему бабушка новую денежку, а не дастъ, и безъ кружовника, и безъ мороженнаго сытъ будетъ!"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У бабушки никого нѣтъ, кромѣ Петьки. Петька — сынъ племянника ея, внученокъ. Племянникъ — пропащій, былъ въ полотерахъ, въ чемъ-то попался, долго ходилъ по Москвѣ безъ мѣста, нашелъ, наконецъ, должность въ пивной у Николы на Ямахъ, прослужилъ зиму въ пивной, отошелъ отъ мѣста поступилъ на заводъ къ Гужону и отъ Гужона ушелъ и, должно быть, въ золоторотцы попалъ на Хитровку, а тамъ и пропалъ. Хоть изрѣдка, заходилъ онъ къ бабушкѣ, заходилъ денегъ просить, хмельной. Бабушка племянника боялась и называла его разбойникомъ.

Петька съ бабушкой жили на Земляномъ валу у Николы Кобыльскаго, комнату снимали въ подвалѣ. Прежде, когда силы были, бабушка безъ дѣла не сидѣла и не могла пожаловаться, безъ булки за столъ не садилась, какъ говорили сосѣди, а теперь глаза ослабѣли, работать больше не можетъ, да и годы большіе — бабушкѣ шесть лѣтъ было, когда Александра Павловича государя черезъ Москву провозили изъ Таганрога, вотъ ужъ ей сколько! Поддер-

живали бабушку добрые люди, изъ попечительства выдавали ей всякій мѣсяцъ, и Петьку ея въ городское опредѣлили. Бабушку Ильинишну Сундукову на Земляномъ валу всѣ знали, знали и на Воронцовомъ полѣ и въ Сыромятникахъ. Кое-какъ перебивалась бабушка съ Петькой.

Комнатенка ихъ тѣсная. До Сундуковыхъ жили въ ней двѣ старушки Сметанины, богомольныя, какъ бабушка, померли Сметанины, на ихъ мѣсто и перебралась бабушка съ Петькой. А прежде занимала бабушка комнату попросторнѣе, теперь тамъ маляры живутъ.

Комнатенка бабушкина вся заставлена. Стоитъ у бабушки комодъ, отъ ветхости въ родѣ секретнаго— средній ящикъ никакъ не отворить, только съ праваго бока и то на палецъ, а про это знаетъ одна бабушка, спрятаны въ ящикѣ серебряный подстаканникъ съ виноградами, двѣ серебряныя ложки — на ручкахъ цвѣты выгравлены мелкіе съ чернью, все добро Петькино, будетъ ему послѣ бабушки. Есть у бабушки гардеробъ и тоже не безъ секрета: открыть дверцу отворишь, но тутъ и попался, дверца такъ и отвалится, — одна бабушка умѣетъ какъ-то такъ въ дырку какую-то шпынекъ вставить, и дверца на мѣсто станетъ и гардеробъ запрется. Есть у бабушки сундучокъ дубовый, желѣзомъ обитый, смертный, хранитъ въ немъ бабушка сорочку, саванъ, туфли безъ задниковъ, холстинку, на смерть себѣ приговила; въ этотъ самый сундучокъ, какъ-то осенью, когда на дворѣ капусту рубили, складывалъ Петька тайкомъ капустныя кочерышки: думалъ, пострѣлъ,

бабушкѣ угодить — полакомить ее на томъ свѣтѣ кочерыжкой. Ну диванчикъ стоитъ, съ виду совсѣмъ еще ничего, только если неосторожно сядешь, о деревяжку такъ и стукнешься. Въ углу кіотъ, три образа: верхній — маленкія иконки отъ святыхъ мѣстъ и всякіе мѣдные крестики и образки, пониже образъ Московскіе чудотворцы — Максимъ блаженный, Василій блаженный, Іоанъ юродивый, стоятъ одинъ за другимъ, Василій нагъ, Максимъ съ опояскою, Іоаннъ въ бѣломъ хитонѣ, руки такъ, молебно передъ Кремлемъ московскимъ, надъ Кремлемъ Святая Троица, а надъ блаженными дубрава — мать-пустыня — пещерныя горы, горы языками, огненныя, какъ думалъ Петька, икона древняя, и другая икона, по золоту писанная. Четыре праздника — четыре Богородицы — Покровъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырскія, Знаменіе, еле держится, тоже древняя. Подъ кіотомъ три клубка веревокъ: клубокъ толстой веревки, тонкой и разноцвѣтныхъ шнурочковъ, за многіе годы собранные бабушкой. Наконецъ, индюшка, — вотъ и все добро.

Бабушка Петьку накормитъ и индюшку не забудетъ. Индюшка жила на дворѣ въ сараѣ, сарай рядомъ съ коровникомъ, чахла индюшка и ужъ такая старая, какъ бабушка, и только за бабушкой повторять не можетъ бабушкино „Господи Іисусе!“ — а такъ, кажется, все понимаетъ, жизнью своей дошла, старостью.

Петька, когда былъ совсѣмъ маленькій, индюшку боялся, но съ годами привыкъ и любилъ ее разсматривать: сядетъ въ сараѣ на корточки передъ индюш-

кой и смотритъ — занимала Петьку голова индюшки, розовая въ мелкихъ розовыхъ бородавкахъ. А индюшка стоитъ-стоитъ, наежится и тоже присядетъ. И сидятъ такъ оба: Петька и индюшка.

„У куръ дьяконовыхъ цыплята, у Пушка котятки, а у индюшки нѣтъ ничего, — почему?" — не разъ задумывался Петька.

И не разъ, сама съ собою раздумывая, говорила бабушка:

— Хоть бы послалъ Богъ яичко нашей индюшкѣ, вышли бы пѣтушки-индюшонки!

„Все отъ яичка, пошлетъ Богъ индюшкѣ яичко, выйдутъ пѣтушки!" — смекнулъ себѣ Петька.

— Бабушка, а если Богъ пошлетъ индюшкѣ яичко?

— Дай Богъ!

— А дальше что? — провѣрялъ бабушку мудреный Петька.

— Сядетъ.

— Какъ, бабушка, сядетъ?

— На яйцо, Пѣтушокъ, сядетъ, вотъ такъ, — бабушка присѣла, ну точь-въ-точь, какъ сама индюшка, — двадцать одинъ день сидитъ, три недѣли, только поѣсть встанетъ и то черезъ день, а то и черезъ два, потомъ куранъ-пѣтушокъ выйдетъ.

— Бабушка, а куда же мы пѣтушка дѣваемъ?

— Съ нами жить будетъ.

— Бабушка, мы его въ клѣтку посадимъ, онъ пѣть будетъ? Какъ соловей, бабушка, да?

— Да, Пѣтушокъ, маленькій такой, желтенькій съ хохолкомъ...

— Бабушка, мы воздушный шаръ сдѣлаемъ, полетимъ, бабушка!

— Что ты, Пѣтушокъ!

— Полетимъ, бабушка, тамъ съ пѣтушкомъ поселимся на шарѣ, мы въ шарѣ будемъ жить. Хорошо?

Бабушка долго молчала. А Петька, тараща глаза, смотрѣлъ куда-то черезъ бабушку, ужъ видя, должно быть, тотъ шаръ воздушный, на которомъ жить будутъ: онъ, пѣтушокъ и бабушка.

— Не согласна, — сказала бабушка, — я ужъ тутъ помру, на шарѣ не согласна.

— Бабушка, — Петька о своемъ думалъ, не слыхалъ бабушку, — все отъ яичка?

— Пошли ей Господи! — бабушкѣ страсть хотѣлось, чтобы снеслась индюшка, и о пѣтушкѣ она замечтала не меньше, чѣмъ самъ Петька.

Забылъ Петька о ильинской денежкѣ, не пенялъ коровѣ, что съѣла его денежку, не надо ему никакой денежки, надо ему пѣтушка индѣйскаго. Но какъ достать яичко, какъ устроить, чтобы Богъ послалъ индюшкѣ яичко, изъ котораго все выйдетъ, пѣтушокъ выйдетъ?

„У дьякона взять, дьяконово, подложить его подъ индюшку, — ломалъ себѣ голову Петька, — у дьякона куръ много, яицъ куры кладутъ много... И всего-то, вѣдь, одно, только одно и надо! А ну какъ хватится дьяконъ, мѣченныя они у него, — Петька ужъ и въ ларь дьяконовъ лазалъ! — съ мѣткою: число и день написаны, поймаютъ, и сдѣлаюсь воромъ. Придется воромъ на Хитровку итти. А бабушка? Какъ она одна жить будетъ? „Я только для тебя и живу,

Пѣтушокъ, а то помирать давно бы пора!" — вспоминались слова бабушки, — нѣтъ, у дьякона не надо брать. Но гдѣ же, гдѣ добыть яйцо? И всего-то вѣдь одно, только одно яичко!"

Случай вывелъ Петьку на путь. Задумала бабушка побаловать своего Пѣтушка, угостить его яичницей-глазуньей, послала Петьку въ лавочку за яйцами, три яйца купить. Петька два яйца бабушкѣ принесъ, а третье утаилъ, сказалъ, что яйцо разбилось.

— Вотъ, Пѣтушокъ, корова у тебя денежку съѣла, а яйцо ты разбилъ! — жалко было бабушкѣ разбитаго яйца.

А Петькѣ... да въ другое время онъ и къ яичницѣ не притронулся бы отъ досады, но теперь, когда въ карманѣ у него лежало яйцо, изъ котораго все выйдетъ, пѣтушокъ выйдетъ, ему горя мало: пускай бабушка что хочетъ, то и говоритъ про него. Наскоро съѣлъ онъ свою яичницу, губъ не обтеръ, прямо въ сарай къ индюшкѣ. Подложилъ ей яйцо подъ хвостъ, ждетъ, что будетъ, а индюшка и не смотритъ, будто и яйца никакого нѣтъ, не садится.

„Что же это значитъ? А ну какъ не сядетъ?"

— Садись, индюшка, садись, пожалуйста! — Петька присѣлъ на корточки, уставился въ индюшачьи розовыя бородавки и такъ замеръ весь на корточкахъ, не дыша, не шевелясь, съ одной упорною мыслью, съ однимъ жаркимъ желаніемъ, съ одной просьбою: „садись, индюшка, садись, пожалуйста!"

Индюшка наежилась и присѣла, прямо на яйцо, такъ на самое яйцо и сѣла.

И Петька долго еще сидѣлъ, не сводилъ глазъ съ индюшки съ одной упорною мыслью, съ однимъ жаркимъ желаніемъ...

Индюшка сидѣла спокойно, крѣпко на яйцѣ куриномъ.

Тихонько поднялся Петька, тихонько вышелъ изъ сарая, забѣжалъ за сарай, прилипъ къ щелкѣ: индюшка сидѣла спокойно, крѣпко на яйцѣ куриномъ.

Бабушкѣ сказать? Нѣтъ, пускай бабушка сама увидитъ. А какъ бабушка обрадуется, когда увидитъ на яйцѣ индюшку!

Весь день Петька караулилъ за сараемъ у щелки: слѣдилъ за индюшкой, поджидалъ бабушку. Пришла бабушка въ сарай, принесла корму дать индюшкѣ.

— Слава Тебѣ, Создателю! — шептала старуха, крестилась, тычась по сараю, не вѣря глазамъ, ничего не понимая: индюшка снесла яйцо, индюшка на яйцѣ сидѣла!

Вечеромъ, послѣ долгаго дня, чудеснаго, легъ спать Петька, легла и бабушка. Вертѣлся, не спалъ Петька, все ждалъ, когда начнетъ бабушка о индюшкѣ. Съ бока-на-бокъ поворачивалась бабушка: и хотѣлось ей новость сказать и боялась, не сглазить бы.

Крѣпилась, крѣпилась старуха, не вытерпѣла:

— Пѣтушокъ! — покликала бабушка.

— Бабушка! — догадался пострѣлъ, въ чемъ дѣло, и будто со сна откликнулся.

— Ты не спишь, Пѣтушокъ?

— Что тебѣ, бабушка?

— Богъ милости послалъ! — бабушка даже засмѣялась, задохнулась отъ радости, — яичко, индюшка сѣла...

— Сѣла, бабушка?

— Сѣла, Пѣтушокъ, сидитъ... — бабушка тоненько протянула и закашлялась.

— Что-жъ, бабушка, куранъ у насъ будетъ, пѣтушокъ?

— Куранъ-пѣтушокъ, онъ самый индѣйскій, — шептала бабушка, словно въ куранѣ-пѣтушкѣ индѣйскомъ заключалась вся тайна, все счастье жизни ея и Петьки.

— Онъ у насъ жить будетъ?

— Съ нами, Пѣтушокъ, гдѣ-жъ еще?

— А мы его, бабушка, не съѣдимъ?

Бабушка не подала голосу, заснула бабушка, обласканная, обрадованная милостію Божіей — кураномъ-пѣтушкомъ индѣйскимъ, который черезъ двадцать и одинъ день выйдетъ изъ яйца куринаго.

Чуть потрескалъ огонекъ лампадки передъ образками и крестиками, передъ Четырьмя праздниками — Покровомъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырской, Знаменіемъ, передъ Московскими чудотворцами — Максимомъ блаженнымъ, Василіемъ блаженнымъ, Іоанномъ юродивымъ. Горы матери-пустыни, огненныя отъ огонька ночного, пламенными языками врѣзались въ Кремль московскій.

— Я, бабушка, пѣтушка любить буду! — и заснулъ Петька, Пѣтушокъ бабушкинъ.

Всякій день, и надо и не надо, навѣдывалась бабушка въ сарай къ индюшкѣ, всякій разъ благодарила она Бога за милость, ей ниспосланную, считала дни. И Петька дни считалъ и безпокоился не меньше бабушки, забылъ онъ запускать змѣевъ своихъ, забросилъ змѣиныя трещетки, забылъ онъ, что яйцо имъ самимъ подложено, и вѣрилъ въ него, куриное, какъ въ настоящее, индюшкой самой кладеное.

А индюшка, вопреки всякимъ индюшинымъ обычаямъ, безъ поры, какъ сѣла, такъ и сидѣла на яйцѣ куриномъ спокойно и крѣпко, и не думала вставать съ яйца, погулять по сараю. Оттого ли, что сроду никогда до старости своей глубокой не неслась она и понятія не имѣла ни о какихъ яйцахъ ни о своихъ, ни о куриныхъ, или Петька тутъ дѣйствовалъ желаніемъ своимъ, или бабушкино терпѣніе услышано, жаръ насѣдочный загорѣлся у ней, какъ у заправской насѣдки, и розовыя бородавки на головѣ ея поблѣднѣли.

И прошло двадцать дѣей и одинъ день.

Петька ночи не спалъ, — „а ну-какъ пѣтушка не выйдетъ, болтунъ выйдетъ?" — куда тамъ спать! И чуть свѣтъ, прямо въ сарай смотрѣть къ индюшкѣ.

— Пѣтушокъ идетъ, красно солнышко несетъ! — подскакивалъ Петька на одной ножкѣ, грѣя, дыша на пѣтушка и тамъ, въ сараѣ, и тамъ, въ бабушкиной комнатенкѣ подвальной, словно въ пѣтушкѣ хранилась вся тайна, все счастье жизни его и бабушки.

— Слава Тебѣ, Создателю! Слава долготерпѣнію Твоему! — обезножила бабушка отъ радости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Осень въ тотъ годъ выдалась сухая и теплая. Солнце, хоть и короткое, оперило пѣтушка индѣйскаго: росъ, хрипло покрикивалъ пѣтушокъ, хорохорился, наскакивалъ на вешнихъ дьяконовыхъ пѣтуховъ, дрался, какъ пѣтухъ заправскій. Все сулило въ немъ пунцовый острый гребень, крѣпкія шпоры, голосистый голосъ — куранъ-пѣтушокъ индѣйскій!

Не индюшка, куда ей? — индюшка чахла, околѣвала, — бабушка ходила за пѣтушкомъ, и, когда тепло повернуло на стужу, взяли пѣтушка изъ сарая въ комнату. Сбережетъ бабушка Петькино счастье—выходитъ пѣтушка, какъ выходила Петьку—сберегла свое счастье на старость себѣ.

Съ холодомъ и октябрьской слякотью наступило тревожное время, памятные дни жертвъ народныхъ и вольности.

То, что на большихъ улицахъ въ городѣ погасло электричество, а подъ бокомъ на Курскомъ вокзалѣ стояли и мерзли блестящіе, начищенные паровозы, а за Покровской заставой у Гужона не дымили страшныя красныя трубы, не пыхало за-

рево за Андроніевымъ монастыремъ, все это, казалось бы, мимо шло бабушкиной подвальной комнаты: не нуждалась бабушка въ электричествѣ, по ночамъ не выходила за ворота, и въ дорогу ей некуда было собираться, и съ Гужономъ она никакихъ дѣлъ не водила. Но бабушка не одна въ подвалѣ: сосѣди, такіе же, какъ она, подвальные, простой рабочій народъ, туго крѣпкою цѣпью были связаны и съ гужоновскими красными трубами и съ блестящими курскими паровозами, и то, что трубы не дымили и паровозы стояли, вышибло ихъ изъ рабочей ихъ колеи, перевернуло укладъ ихъ трудовой жизни, зашатало землю, стало въ ихъ жизни свѣтопреставленіемъ. И чувство, обуявшее улицы, ворвавшись въ будничные дни и мысли свѣтопреставленіемъ, переносясь отъ заставы до заставы, съ улицы на улицу, изъ переулка въ переулокъ, изъ тупика въ тупикъ, съ фабрики на фабрику, изъ подвала въ подвалъ смутнымъ предчувствіемъ бѣды какой-то, напасти неминуемой, охватило старую душу бабушки у порога ея смерти.

Пропадавшій гдѣ-то на Хитровкѣ, сгинувшій было совсѣмъ племянникъ бабушкинъ, Разбойникъ, вдругъ появился у Николы Кобыльскаго въ бабушкиной подвальной комнатенкѣ.

Сведенная ревматизмомъ рука, носъ будто въ три носа одинъ на другомъ — слоновая болѣзнь, черный потрепаный плащъ, а подъ плащемъ — ничего, одно еле-еле поддерживающееся немытое, закорузлое бѣлье, рвань и тряпки, навели на бабушку страхъ и трепетъ. И не того стало страшно

бабушкѣ, что Разбойникъ будетъ денегъ просить, съ ножомъ къ горлу пристанетъ, дастъ ему бабушка послѣднія, хоть и трудно ей, наголодаются они съ Петькой послѣ, стало ей страшно въ предчувствіи какомъ-то, будто племянникъ, отецъ Петьки, Разбойникъ, съ Петькой что-то сдѣлаетъ. А что такое сдѣлаетъ и что можетъ Разбойникъ сдѣлать съ Петькою, бабушка не умѣла себѣ сказать, и только гдѣ-то, въ ея старой душѣ, ясно сказалось, что Петькѣ грозитъ бѣда, ужъ вышла бѣда изъ своего бѣдоваго костяного царства, идетъ, близится, подкрадывается къ маленькому немудреному пѣтушиному сердцу, безпощадная, неумолимая, немилосердная.

Племянникъ не пивши, не ѣвши, голодный, — самоваръ ему бабушка поставила. Вернулся изъ училища Петька, сѣли къ столу чайничать.

Петька, наслушавшись отъ странниковъ на богомольѣ о жизни подвижниковъ, какъ дошли угодники до своей святости, мечталъ когда-то поступить въ разбойники, грѣхъ принять на душу, а потомъ и къ Богу отойти, въ монастырѣ—въ пещерѣ жить. И вотъ онъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ разбойникомъ, изъ одного самовара чай пилъ, и этотъ разбойникъ, племянникъ бабушки, самъ отецъ его. Петька не отрывалъ глазъ отъ отца, смотрѣлъ на него трехступенный носъ и такъ, съ тѣмъ пожирающимъ любопытствомъ, съ какимъ смотрѣлъ въ сараѣ на розовыя индюшичьи бородавки. И не зная, чѣмъ угодить отцу, передъ разбойникомъ удаль свою показать, соскочилъ онъ со стула, пой-

малъ забившагося подъ диванчикъ пѣтушка, поднесъ его за крылышки.

— Вотъ онъ какой,—сказалъ Петька, —индѣйскій!

— Намъ съ Петькой только бы пѣтушокъ цѣлъ былъ, намъ съ Петькой больше ничего не надо! словно бы оправдывалась въ чемъ-то бабушка, руки ея тряслись и голова потряхивалась.

Разбойникъ подмигнулъ пѣтушку — славный пѣтушокъ! — Разбойникъ утолялъ голодъ, торопился, заѣдалъ проголодь свою, — отъ рябчика-то какъ подведетъ! — ѣлъ, весь Петькинъ обѣдъ съѣлъ и бабушкинъ, принялся за чай. Горячій чай распарилъ его, разморилъ, развязалъ языкъ. И онъ принялся что-то путанно разсказывать, смотря куда-то черезъ Петьку и бабушку, какъ смотрѣлъ Петька, разсказывая о своемъ воздушномъ шарѣ, на которомъ поселятся онъ, пѣтушокъ и бабушка. По словамъ Разбойника выходило, что ужъ чуть ли не все стало можно, не стало никакихъ законовъ, нѣтъ больше закона, и не сегодня, такъ завтра капиталы всѣ перейдутъ въ его руки, и тогда начнется расправа, бой кровавый...

— Интелигенщина... революція... — повторялъ Разбойникъ непонятное, мудреныя слова и пальцемъ крутилъ себѣ около шеи, — я на графинѣ женюсь!

И чѣмъ больше Разбойникъ разогрѣвался, тѣмъ мудренѣе становились разсказы его и неподобнѣе. Петька съ разинутымъ ртомъ, смотря въ трехступенный разбойничій носъ, слушалъ отца. Бабушка головой потряхивала.

— Намъ съ Петькой только бы пѣтушокъ цѣлъ былъ, намъ съ Петькой больше ничего не надо! — шамкала бабушка, словно бы оправдывалась въ чемъ-то и за себя и за Петьку.

Опрокинувъ послѣднюю чашку, ушелъ Разбойникъ съ бабушкиной послѣдней мелочью въ кулакѣ. Осталась бабушка съ Петькой и пѣтушкомъ индѣйскимъ. Прибрались, — прибрали самоваръ, вымыли чашки, смели крылышкомъ въ мѣшечекъ крошки, выучилъ Петька урокъ, посидѣли, позѣвали, поиграли въ молчанки и скоротали вечеръ. Потомъ, помолясь Богу, заглянули подъ диванчикъ къ пѣтушку: спитъ или не спитъ? — пѣтушокъ ужъ давно спалъ, и сами легли спать.

Вертѣлся, не спалъ Петька. Съ бока-на-бокъ поворачивалась бабушка: безпокойство гнело ее, и страхъ.

— Пѣтушокъ! — покликала бабушка: стало ей не въ мочь терпѣть свой страхъ.

А Петька, ворочаясь съ открытыми глазами, разбойникомъ себя видѣлъ, и изъ слышанныхъ мудреныхъ отцовскихъ разбойничьихъ словъ городилъ себѣ разбойничьи дѣла, разбойную жизнь.

— Пѣтушокъ, а Пѣтушокъ! — еще тише, ласковѣе покликала бабушка.

— Что тебѣ, бабушка? — вскочилъ Петька, онъ услышалъ бабушку: показалось ему, бабушка окрикнула его голосомъ.

— Это я, Пѣтушокъ, не бойся, — бабушка со страха едва голосъ переводила, — ты, Пѣтушокъ, не уходи никуда...

— Въ разбойники, бабушка, — живо отвѣтилъ Петька, — разбойникомъ буду жить! И ты, бабушка тоже... въ разбойники!

— Не уходи, Пѣтушокъ! — тоненько, чуть слышно пропищала бабушка, не слышно для Петьки, и лежала такъ пластомъ въ страхѣ смертномъ: всякій стукъ, всякій трескъ былъ ей теперь угрожающимъ, лай собачій грознымъ, словно ужъ подкрадывался кто-то къ дому ихъ, пробирался къ крылечку подвальному, воръ — недобрый человѣкъ, за Петькой, за Пѣтушкомъ ея.

Съ открытыми глазами лежалъ Петька, не Петька, разбойникъ настоящій, черный, голова смазана коровьимъ масломъ, какъ у Морозовскаго кучера, носъ — три носа, одинъ на другомъ, рука скрючена, онъ заберетъ съ собою бабушку, пѣтушка индѣйскаго, полетятъ они на Хитровку въ воздушномъ шарѣ, будутъ тамъ разбойничать, будетъ тамъ бой кровавый...

Чуть потрескивалъ огонекъ лампадки передъ образками и крестиками, передъ Четырьмя праздниками — Покровомъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырской, Знаменіемъ, передъ Московскими чудотворцами — Максимомъ блаженнымъ, Василіемъ блаженнымъ, Іоанномъ юродивымъ. Горы матери-пустыни, огненныя отъ огонька ночного, пламенными языками врѣзались въ Кремль московскій.

— Я, бабушка, въ разбойники поступилъ! — бормоталъ сквозь сонъ Петька.

Неспокойная кончилась осень, наступила зима.

Не улеглась тревога у бабушки, а Петька просто отъ рукъ отбился: нападетъ на сорванца йкота, и онъ, — что бы Отче нашъ читать, прежде всегда Отче нашъ читалъ, помогало, — Калечину-Малечину считаетъ! Не успокоилась бабушка, не утишились улицы, холодомъ, лютью не остудилась Москва, не вошла жизнь въ свою полосу буденъ съ ихъ трудомъ день-деньскимъ и заботами.

По невѣдомымъ путямъ, нечуемымъ, шла, наступала бѣда на русскій народъ, безпощадная, неумолимая, немилосердная, загнала его въ чужія дальнія земли къ чужому народу и тамъ разметала на позоръ и глумленіе, вывела въ неродной Океанъ и тамъ потопила грознѣе бури, непроносной грозы, и темная, ненасытная изъ чужой желтой земли шла, подступала къ самому сердцу въ облихованную горе-горькую землю, на Москва-рѣку. По грѣхамъ ли нашимъ, какъ любила говорить бабушка, въ вразумленіе ли неразумію, какъ говаривалъ братецъ босой изъ чайной съ Зацѣпы отъ Фрола и Лавра, или за всего міра безумное молчаніе свое, русская земля, русскій народъ, онѣмѣвшій, безгласный, некрѣпкій, еще и еще разъ караемый, отбывъ три бѣды, отдавался на новую напастную.

И вотъ ровно горы пещерныя огненныя московскихъ чудотворцевъ, и въ явѣ огненныя, огненными языками плàнули на Кремль московскій, и въ ночи дымящее зарево разлилось надъ Москвою.

Послѣ Николина дня, въ субботу сѣла бабушка съ Петькой за столъ, время было обѣденное, при-

нялись за ѣду, чѣмъ Богъ послалъ — не до бабушки стало въ такіе дни, забывали старуху, и нерѣдко ужъ по цѣлымъ недѣлямъ сидѣла бабушка съ Петькой впроголодь.

— Бабушка,—Петька вскочилъ изъ-за стола,— слышишь?

Бабушка положила ложку, пощипала корочку.

— Бабушка... — Петька просунулся къ форточкѣ.

Бабушка не шевелилась, только голова тряслась, какъ тряслась при Разбойникѣ.

— Стрѣляютъ, бабушка! — и Петька выскочилъ за дверь.

Стрѣляли въ городѣ далеко, стрѣляли на Тверской гдѣ-то, и ровно изъ-подъ земли доносило на Земляной валъ глухой ахающій гулъ, — дрожали стекла.

Бабушка не слышала. Петька услыхалъ. И теперь бабушка слышала и крестилась, какъ при громѣ.

Наступили мятежные дни. Каждый уголъ, каждый перекрестокъ сталъ обѣдованъ: ненасытная, темная, карающая, поджидала лихая бѣда и ночью и днемъ, и на безлюдьѣ и на людяхъ.

Страшно бабушкѣ Петьку отъ себя отпускать. Долго ли до грѣха: ужъ одни разбойники и видѣлись бабушкѣ и въ съемщикахъ, снимающихъ съ работы по фабрикамъ и заводамъ рабочихъ, и въ дружинникахъ, и въ драгунахъ, и въ казакахъ, проѣзжающихъ по Садовой къ Курскому вокзалу. И се палятъ, бабушка ужъ ясно слышитъ, на Твер-

ской гдѣ-то, въ Кудринѣ, на Прѣснѣ и тутъ, два шага, на Мѣщанской гдѣ-то, все палятъ и палятъ, и съ каждымъ часомъ все громче доносится гулъ до подвала, — толи хлопаетъ бичъ, ломаютъ сухія вѣтки.

Съ Николина дня бабушка ночи не спала, караулила Петьку, какъ караулила въ первыя недѣли пѣтушковой жизни пѣтушка индѣйскаго, какъ караулилъ однажды самъ Петька за сараемъ у щелки индюшку на куриномъ яйцѣ.

Рвется на волю мальчонка, не сидится ему въ комнатѣ, непосѣда.

Побѣжалъ Петька съ мальчишками на Сухаревку и бабушка за нимъ.

То-то Петькѣ развлеченіе: въ прежнее время такъ ребятишки горку на льду строили, а теперь улицу загораживали.

Петька схватился за телеграфный столбъ.

— Тащи! — кричитъ неугомонъ бабушкѣ.

То-то горе бабушкѣ: отъ страха руки трясутся, какіе тамъ столбы таскать! лучинка въ рукахъ не держится, — подняла бабушка щепочекъ, такъ стружекъ всякихъ, понесла за ребятишками щепочки и положила ихъ, даръ свой, въ мірскую заставу — въ груду нагроможденнаго добра къ ящикамъ, рѣшоткамъ, телеграфнымъ столбамъ, вывѣскамъ.

— Ай-да бабка! — подтрунивали надъ старухой, и какой-то разбойникъ изъ дворниковъ зубоскалилъ, покалачивая сапогъ-о-сапогъ.

— По грѣхамъ нашимъ! — шептала бабушка, уморилась она съ своими щепочками, а отстать не отставала отъ Петьки.

Экій, вѣдь, молодецъ онъ у ней, взобрался куда, на самую-то вышку подъ кумачный флагъ, заломилъ картузъ, какъ лихой казакъ, козырекъ лаковый, а флагъ надъ нимъ кумачный, какъ воздухи...

— Залѣзай, бабушка! — кричитъ Петька своей бабушкѣ, пѣтушокъ-пѣвунъ.

Ну и какъ тутъ отстать, на самую Сухареву на башню полѣзешь!

Вечеромъ, когда зазвонили ко всенощной и жутко, на перебой со звономъ, врываясь въ колокола, разносилась пальба, бабушка стала собираться ко всенощной. Петька впередъ побѣжалъ и на дворѣ съ ребятишками возился у дьяконова коровника: въ казаковъ затѣяли игру и въ забастовщиковъ.

Бабушка, ужъ одѣтая въ свою ватошную стеганую кофту, повязанная угломъ, въ своемъ черномъ шерстяномъ платкѣ, заглянула подъ диванчикъ къ голодному пѣтушку: спитъ или не спитъ? — спалъ пѣтушокъ. Поправила лампадку, — глядѣли на нее изъ сумерекъ праздные лики: Чудотворцы, Божія Матерь, — и смутно ей стало.

Потужила она, что бѣдно у нихъ, очень ужъ бѣдно стало, праздники подходятъ, нечѣмъ праздникъ встрѣтить!.. трудно ей и въ могилу пора и Петьку жалко... маленькій, дѣтенышъ, хоть бы на ноги сталъ! несмышленый дѣтенышъ.

— Пресвятая Богородица, Всепѣтая, Господи, Заступница... — бабушка сложила пальцы крестъ сдѣлать...

— Кончайте! — сказалъ кто-то за стѣнкой не то

у маляровъ, не то у шапочниковъ, должно быть, съемщикъ какой.

Бабушка вздрогнула, обернулась, а въ дверяхъ племянникъ — разбойникъ стоитъ.

— Давай, старуха, денегъ! — наступаетъ.

Бабушка затрясла головой: хоть голову рѣжь, нѣтъ у ней ничего.

— Нѣтъ, говоришь? — наступалъ Разбойникъ.

— Истинный Богъ... нѣтъ.

Разбойникъ бабушку за шиворотъ, носомъ ткнулъ въ комодъ.

— Ищи, говорю!

Бабушка пошарила подъ кіотомъ и молча, — языкъ отъ страха не слушался, — подала Разбойнику три клубка веревокъ: клубокъ толстой веревки, тонкой и разноцвѣтныхъ шнурочковъ, скопленное добро за много лѣтъ... Разбойникъ стукнулъ кулакомъ старуху, покатился клубокъ, присѣла бабушка, какъ индюшка передъ Петькой, и такъ застыла на корточкахъ.

Разбойникъ расправлялся: опрокинулъ онъ бабушкинъ дубовый, желѣзомъ обитый, смертный сундучокъ, повыбрасывалъ смертное добро — сорочку, саванъ, туфли, холстинку, полѣзъ въ гардеробъ, оторвалъ дверцу, и тамъ нѣтъ ничего, схватился за комодъ, всѣ ящики перерылъ, все вывернулъ, нѣтъ ничего! Одинъ средній ящикъ не отворяется, возился, возился, не отворяется...

Подкатившійся клубокъ разбудилъ пѣтушка, вышелъ пѣтушокъ изъ-подъ диванчика и, захлопавъ крыльями, хрипло запѣлъ, запѣлъ, какъ въ пол-

ночь, на свою голову, маленькій такой, желтенькій, съ хохолкомъ...

Разбойникъ поймалъ пѣтушка, свернулъ ему шею, шваркнулъ бабушкѣ:

— Подавись! — и пошелъ.

А тамъ, на дворѣ у коровника, содомъ стоялъ, разыгрались ребятишки. Съ крикомъ выскочилъ Петька со двора на улицу — одна ватага другую преслѣдовала, — перебѣгалъ черезъ улицу. Проѣзжавшій патруль отъ Сухаревки, миновавъ Хишинскую фабрику, расчищая путь, открылъ огонь по улицѣ. Петька кувыркнулся носомъ въ снѣгъ, схватился за картузъ и больше ужъ не всталъ.

Съ разорванной грудью, пробитымъ сердцемъ, окоченѣлаго вернули Петьку въ подвалъ къ бабушкѣ, и картузъ Петькинъ съ козырькомъ лаковымъ.

Вотъ какъ, вотъ гдѣ, вотъ откуда бѣда пришла, принимай!

Все приняла бабушка. Какая она старая, а все въ комнатенкѣ своей подвальной живетъ, живетъ себѣ, не пропускаетъ ни одной службы и, когда случится покойникъ у Николы Кобыльскаго, пойдетъ и за обѣдню и на панихиду со свѣчкой постоять. Нѣтъ никого у бабушки. Отдала она племяннику подстаканникъ серебряный съ виноградами и двѣ ложки серебряныя, для Петьки берегла, ну, теперь ему ничего не надо! Пропалъ племянникъ съ подстаканникомъ и ложками, не заходилъ ужъ къ бабушкѣ, околѣла индюшка.

Пѣтушокъ идетъ, красно солнышко несетъ! — вспоминается бабушкѣ, какъ Петька

пѣлъ, часто-часто вспоминаетъ она Петьку, Пѣтушка своего. И тихо разсказываетъ, такъ тихо, будто спятъ въ комнатѣ или боленъ кто и боится она разбудить, потревожить голосомъ своимъ, все разсказываетъ и о индюшкѣ, и о яйцѣ чудесномъ, о пѣтушкѣ индѣйскомъ, о Разбойникѣ, и какъ строила она съ Петькой заставу на Сухаревкѣ, и какъ вернули ей Петьку съ разорванной грудью, пробитымъ сердцемъ, окоченѣлаго, и картузъ Петькинъ съ козырькомъ лаковымъ...

— Пошла я, батюшка, — тихо, еще тише, разсказывала бабушка, — пошла я свѣчечку поставить Божьей Матери обидяющей, хочу поставить, а рука не подымается, — и подымала бабушка свою трясущуюся руку, но опускалась рука, это обида безвинная, горькая, смертельная опускала ей руку, горечью темнила глаза ей, и рука тряслась, все подняться хотѣла и не давалась, а синія пустыя жилы крѣпко напруживались, крѣпко сжимались сухіе пальцы, это сжимала она свѣчечку Богородицѣ обидяющей, Матери Божіей, которая обиды принимаетъ безвинныя, горькія, смертельныя, всѣ... — и поставила! — бабушка кивала головой и ужъ легко подымала руку такъ... у чудотворцевъ московскихъ, у Максима блаженнаго, Василія блаженнаго, Іоанна юродиваго такъ руки, молебно подняты, и рука не тряслась, это свѣчку держала она, свой горящій, неугасимый огонекъ, сжигающій въ сердцѣ послѣднюю, безвинную, горькую, смертельную обиду, и глаза ея тихо теплились, это вѣра свѣтилась въ глазахъ ея крѣпкая, нерушимая, до-

носящая до послѣднихъ дней свѣчечку, огонекъ святой черезъ всѣ бѣды, черезъ всякую напасть, черезъ всѣ лишенія, когда ужъ все отнято: пѣтушокъ индѣйскій, Петька, Пѣтушокъ.

1811 г.

ПЯТАЯ ЯЗВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЛЮДСКОЙ ПУТЬ.

Въ Студенцѣ можно жить всякому, смотря по карману.

Въ Студенцѣ Бобровъ не новичекъ: двадцать лѣтъ безъ малаго служитъ Бобровъ слѣдователемъ. Двадцать лѣтъ — не годъ, за такой срокъ къ чему не привыкнешь, а, между тѣмъ, изъ всѣхъ жителей студенецкихъ едва ли найдется еще кто, ну самый послѣдній, ну какой-нибудь Пашка-Папàнъ — изъ бывшихъ пажей босякъ мѣстный, о комъ бы говорилось съ такимъ раздраженіемъ, — о слѣдователѣ Бобровѣ всякій разъ такъ говорилось, словно впервые онъ на зубъ попался.

Александръ Ильичъ Антоновъ, студенецкій исправникъ, на что ужъ, кажется, крутъ, а ничего.

— Баринъ ничего, только коготкомъ бьется! — говоритъ про своего барина Филиппъ кучеръ.

А старикъ городовой Лукьяновъ столь же благодушно и не безъ достоинства шевелитъ своею щетиною:

— Я устоялъ, потому что подъ Шипкою былъ.

Исправникъ бьетъ по шеѣ — такой пріемъ — и виновный отъ неожиданности тутъ прямо носомъ и тыкался, или, выставивъ костяшки средняго пальца, хватитъ тебя подъ подбородокъ, что ужъ вѣрнѣе и самого лагутинскаго кулака, а становой Лагутинъ — крѣпкорукъ, если въ сердцахъ, такъ тарарахнетъ, черезъ стѣнку пролетишь.

Слѣдователь Бобровъ за всю свою службу пальцемъ никого не тронулъ, ну хоть бы такъ видъ сдѣлалъ — погрозилъ кому, и даже такихъ пустяковъ не слышно: у слѣдователя, когда онъ допрашиваетъ, руки всегда на столѣ, — пальцы сухіе, долгіе, какъ пристыли.

Тоже и пить — пьянымъ Боброва никто не видалъ.

А въ Студенцѣ кто не пьетъ! Полицейскій докторъ Торопцовъ Иванъ Никанорычъ, человѣкъ еще и совсѣмъ не старый, а за веселые деньки ноги у него, какъ тумбы, не сгибаются. Петруша Грохотовъ — Райская птица, ветеренаръ, ну этому что триста, то и три рубля, все одно, самый главный заводило, да и благодѣтель его, провизоръ Адольфъ Францевичъ Глейхеръ, — Петруша, угождая, величаетъ нѣмца свѣтиломъ учености, — пьетъ аптекарь собственнаго изготовленія, составленную изъ отравнаго зелья да изъ микстуръ горькихъ, какую-то такую крѣпость, пойло, что ужъ безъ всякихъ шутокъ чтитъ себя первымъ мудрецомъ и химикомъ — кругосвѣтнымъ Менделѣевымъ. Александръ Ильичъ, исправникъ, тоже не дуракъ выпить, правда, съ

пріобрѣтеніемъ у Жердева Чортовыхъ садовъ клятвенное обѣщаніе исправничихѣ далъ, Марьѣ Северьяновнѣ, ничего и ни подъ какимъ видомъ въ ротъ хмельного не брать и, пока что, съ самаго Воздвиженья стойко обѣтъ несетъ. А кладбищенскій попъ Спасовходскій — Сокрушенный, впавъ во искушеніе отъ пьянственнаго бѣса, до того допился, что голосъ у него однажды остановился, и три недѣли молчалъ попъ, не могши ни слова сказать, ни распорядиться, а заговорилъ вдругъ, когда попадья, испробовавъ всѣ средства къ оголошенію батюшки, рѣшилась на крайнюю мѣру и послѣднюю: вынула матушка изъ шифоньерки двадцатипятирублевую бумажку, зажгла свѣчку и на глазахъ у попа стала жечь бумажку, — попъ и заговорилъ. До чего тамъ всѣ попиваютъ; и дома, и въ гостяхъ, и въ клубѣ первое удовольствіе выпить — пьютъ до широкаго свѣта.

И пить будто не выпиваетъ, пьянаго за дѣломъ Боброва не видали, на службѣ трезвъ, и словъ такихъ неподходящихъ никто отъ него и никогда не слышалъ.

А въ Студенцѣ за такимъ словомъ въ карманъ не лазали, умѣли словцо заколодить: и такъ и этакъ самыми неудачными словами бранились, оскорбляя память родителей, и ужъ такъ неосторожно иной выразится, что хоть тащи его къ мировому. Городской судья Налимовъ Степанъ Степанычъ — Матюганскій надѣнетъ себѣ на шею цѣпь да такое другой разъ выпалитъ, такъ затакаетъ, инда въ жаръ тебя броситъ. А Сокрушенный попъ, какъ заговорилъ

тогда, такъ съ тѣхъ поръ все своими именами и называетъ, ничѣмъ не стѣсняясь, ни мѣстомъ, ни лицомъ, ни временемъ, и, хоть на войнѣ и не былъ, а прямо какъ по военному можетъ. А учитель духовнаго училища Шведовъ, развлеченія ради, съ Петрушей Грохотовымъ передѣлалъ всю хрестоматію Поливанова по своему и совсѣмъ подъ стать судьѣ Налимову — для старшаго возраста, и ужъ въ такомъ неприличномъ видѣ ходила по рукамъ эта хрестоматія, стихи переписывались и заучивались старательно. Телеграфистъ Вася Кабанчикъ, хоть и съѣлъ облизня, но въ одномъ отношеніи, по имуществу своему, какъ выражался Сачковъ, портной студенецкій, личность весьма примѣчательная, сердцемъ простъ, и по сей день вѣруетъ, что любимый клубный романсъ Не говори, что молодость сгубила — поютъ его хоромъ въ чувствительную минуту податной Стройскій, агрономъ Пряткинъ, секретарь земской управы Нѣмовъ и Грохотовъ Петруша — самый и есть стихъ настоящій некрасовскій, а не шведовское переложеніе для старшаго возраста.

Нѣтъ, кого другого, а ужъ слѣдователя на томъ свѣтѣ не погонятъ въ заднія муки, не сидѣть ему въ озерѣ огненномъ.

И безобразій за Бобровымъ никакихъ не слышно.

А то другой и складенъ и все, какъ слѣдуетъ, а возьметъ, да и выкинетъ, да такое, что и родныхъ не узнаешь. Купецъ Тяжелкинъ — магазинъ готоваго платья — купецъ, какъ купецъ, а вставилъ у себя въ лавкѣ большія зеркальныя стекла и на радостяхъ

что ли, чортъ его не знаетъ, или по природному безобразію своему раздѣлся и, какъ есть, нагишомъ сталъ въ базарный день у кассы всѣмъ на виду. Или Пашка-Папанъ — босякъ, ну, этотъ — шантряпъ, за стаканъ водки готовъ сдѣлать все, что угодно, рубашка по поясъ и всѣ мелочи наружу, никуда отъ него не скроешься, какъ банный листъ.

— Мадамъ, вы должны заплатить двугривенный, а то опозорю! — изводитъ которую-нибудь чиновницу, пока своего не получитъ.

А для мѣщанокъ свой сказъ:

— Хочешь закричу, что ты гулящая, давай пятачокъ!

И даютъ, ничего не подѣлаешь.

Смѣшно сказать, чтобы за Бобровымъ что-нибудь такое числилось: нѣтъ за нимъ и безобразій, нѣтъ никакихъ несуразностей.

Опаринъ, голова студенецкій, своя гостинница, его же и номера Барашкова, ктиторъ соборный, а такую взялъ повадку — не иначе просыпаться, какъ подъ зыкъ звонный и, хоть лей ты на него холодную воду и хоть шпарь кипяткомъ, глазъ не раскроетъ, только-что трубнымъ звукомъ и возможно съ одра поднять. А пономарь соборный Фараонъ для протрезвленія кровь изъ себя выпускаетъ, ковыряя въ носу: кровь покажется и будто бы въ разумъ приходитъ. Тоже и Ивановъ купецъ, покойный Максимъ Максимовичъ, рыбой торговалъ тухлянкой, взъѣлся на дочь Зинаиду и заказалъ ей, чтобы не смѣла она у него куска хлѣба брать, а когда онъ помретъ, не смѣла бы ходить на его могилу, да

такъ и въ духовной прописалъ. Или молодой Зачесовъ — о зачесовой свадьбѣ съ годъ говорили! Въ день вѣньчанья своего послѣ ужина вышелъ Зачесовъ во дворъ прохладиться, очень ужъ жарко было да и пропалъ. На утро хватились: гдѣ, что? — а молодая одна, ничего не знаетъ, плачетъ.

— Вышелъ, — говоритъ, — прохладиться и пропалъ.

Бросились искать, туда-сюда, все ошарили, — нѣтъ нигдѣ. Отецъ ужъ и денегъ не жалѣетъ, только-бъ найти, сто рублей сулилъ, кто сына найдетъ. До трехъ часовъ искали и нашли таки: на Медвѣжинѣ на рѣкѣ на берегу подъ лодкой спитъ. Холодка искалъ, ну, и хорошъ!

Несуразностей за Бобровымъ нѣтъ, и на руку чистъ Бобровъ.

А нынче съ такой доблестью много-ль кого сыщешь: берутъ сколько рука выможетъ. Взять хоть члена управы Семена Михеича Рогаткина, такъ и у податного Стройскаго нѣтъ для Рогаткина другого имени, одно прозвище — ж у л и к ъ, прямо въ глаза такъ и величаетъ:

— Жуликъ, мое почтеніе!

А Воздвиженскій батюшка о. Амвросій антиминсъ старовѣрамъ продалъ:

— Куда, — говоритъ, — мнѣ такую святыню! — и продалъ.

Сказывали послѣ, антиминсъ этотъ воздвиженскій старовѣрамъ влетѣлъ въ копейку.

Жизнь что ли тяжела стала, развелось ли много безработныхъ, что работу никоторую не работаютъ,

ѣдять труды чужіе, Богъ одинъ вѣсть, только этимъ дѣломъ не заниматься, скоро чуть ли ужъ не въ грѣхъ вмѣнять будутъ.

Нѣтъ, и въ рѣкѣ огненной среди татей и разбойниковъ, тамъ не мѣсто слѣдователю.

И на руку чистъ Бобровъ и не путанникъ какой, ни шашней за нимъ, ни такъ какихъ знакомствъ не замѣчали, и только что по должности слѣдователь, а, ей Богу, священствовать бы ему въ Тихвинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ вмѣсто о. Харитона.

Всякій знаетъ, что Прасковья Ивановна, слѣдовательша, женщина невзыскательная—гостиница несонная, и ни для кого не тайна, что только и есть слѣдовательская дочка первая Паша, а другія, хоть и Бобровы, а вовсе не бобровскія: Анюта и Катя — товарища прокурора, Зина — лѣсничаго, а младшая Соня—податного. Податной Стройскій, студенецкій ухаживатель, Донъ Жуанъ, любитель поразсказать въ клубѣ о своихъ похожденіяхъ и во всѣхъ подробностяхъ, не обошелъ и Прасковью Ивановну и не мало вечеровъ посвятилъ ей. О. Николай Виноградовъ, протопопъ соборный, какъ-то бесѣдуя за трапезой въ кругу друзей своихъ и пріятелей, признался, что бобровское воздержаніе — явленіе необычайное, а Бобровъ - феноменъ. А дѣлопроизводитель полицейскаго управленія Петроуховъ, искусный въ холощеніи котовъ, какъ-то въ шутку, конечно, перебирая чиновъ студенецкихъ, Боброва совсѣмъ исключилъ, не на шутку полагая, что тутъ ему, по его части, дѣла быть не можетъ.

Ну, Петроуховъ, что Шведовъ учитель, въ блудъ вверженъ, все по своему передѣлаетъ, но о. Николай не таковъ, разумомъ сѣдъ,—слово протопопа голубинномудростно: Бобровъ феноменъ.

Еще бы! Стоитъ только подумать, что въ загробномъ видѣніи писано о то-свѣтномъ мѣстѣ, гдѣ томятся блудники и прелюбодѣи грѣшники, о блудномъ царствѣ, сколь необразимо оно, и нѣтъ его больше и обширнѣе, и нѣтъ его тверже и сильнѣе! Значитъ, самимъ Богомъ такъ указано, да иначе и быть не можетъ, и развѣ что обратить грѣхъ этотъ на пользу человѣкомъ. Старецъ Шапаевъ, праведенъ и святъ мужъ, не въ волѣ своей ходитъ, а путемъ Господнимъ и по любви, старецъ такъ и сдѣлалъ, и ужъ не шумуру́етъ — не шопотомъ лѣчитъ, не наговоромъ на масло, не травами, не бобомъ, не двѣнадцатью ключами, какъ бабушка Двигалка — Филиппьева, лѣчитъ старецъ Шапаевъ блудомъ.

И благонадеженъ Бобровъ, никакихъ даже и въ поминѣ за нимъ не было дѣлъ ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни на службѣ, чистъ Бобровъ, какъ поцѣлуй ребенка, по отзыву исправника, а на бобровскую кинарку, выпѣвающую нашъ русскій гимнъ, зарится самъ Нахабинъ.

Моровой батюшка отъ вседневной обыдённой церкви, членъ училищнаго совѣта, о. Ландышевъ, ко всякой дырѣ гвоздь, открылъ союзный отдѣлъ въ Студенцѣ и первымъ дѣломъ занялся провѣркой жителей. И Нѣмовъ, секретарь управы, издавна числящійся подъ надзоромъ, попалъ въ

крестовый списокъ опасныхъ крамольниковъ, туда же попалъ и бывшій статистикъ Смѣлковъ, неизвѣстно для чего собирающій птичьи яйца, туда же попалъ и опаринскій конторщикъ Кулепятовъ, за пѣніе свое вставай подымайся, и три городскихъ учителя: Сарычевъ, Глушковъ и Пыхачевъ— выписывали учителя вскладчину журналы и читали ихъ вслухъ отъ доски до доски, и заштатный юродствующій попъ Песоченскій за то, что на первой недѣлѣ Великаго поста на идолобѣсіе уклонился, забывъ заповѣди Божія: — „позволилъ себѣ попъ предаваться пьянству, увеселеніямъ, танцамъ, пѣнію нескромныхъ пѣсенъ и лакомству жареннаго поросенка". А Бобровъ—Бобровъ не попалъ.

Какъ ни рылся, какъ ни копался попъ Ландышевъ, а найти преступнаго ничего не могъ: церковь, правда, Бобровъ не часто посѣщалъ, но за то въ табельный день всегда первый на молебнѣ. Почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ не разъ вскрывалъ письма и бандероли Боброва и такъ, по исконному обычаю почтовому, и по просьбѣ Ландышева, но все было дозволено и придраться не къ чему: изданія Археографической коммиссіи, Русской исторической библіотеки, Общества любителей исторіи и древностей россійскихъ и всякіе труды Академіи наукъ главнымъ образомъ.

И притомъ Бобровъ такой рѣдкій законникъ, ты скачи до Лыкова и въ самомъ Лыковѣ такого, пожалуй, мудрено найти: знаетъ Бобровъ наизусть не только законы всѣ — сводъ государствен-

ныхъ законовъ, но и какія ни на есть касаціонныя рѣшенія сената.

Николай Васильевичъ Салтановскій, земскій начальникъ, тоже законникъ, въ съѣздѣ только и знаетъ, что у пріятеля своего уѣзднаго члена Богоявленскаго о статьяхъ справляется, нѣтъ ли такихъ, что построже, и, кажется, будь его полная воля, и самого себя лишилъ бы всѣхъ правъ состоянія. Да все это одна безтолочь, безтолочь и ерунда, и недавно еще купавскаго мужика къ каторгѣ присудилъ на четыре мѣсяца, ну, видано ли это гдѣ, на четыре мѣсяца къ каторгѣ, не хуже урюпинскаго земскаго начальника Крупкина, который за зайца штрафъ двадцать пять рублей кладетъ на всякаго охотника. Членъ Богоявленскій цыкаетъ на пріятеля, зарвавшагося въ законности, и, хоть дружелюбно, по пріятельству, да не хорошо все-таки, ну, а Боброву еще никто въ глаза брысь не говорилъ, да и не за что, да и невозможно: либо языкъ прикусишь, либо словомъ подавишься. Онъ тебѣ сумѣетъ отклюнуться, его, небось, не обведешь вкругъ пальца, на такого ногой не наступишь — колокъ, рѣчистъ, смѣлъ.

А бобровская строгость, бобровское судебное безпристрастіе, да отца родного подвелъ бы на висѣлицу, разъ законъ того потребовалъ бы, мать родную не пощадилъ бы, попадись такой случай преступный, помереть готовъ на своей правдѣ, тѣло свое дастъ на раздробленіе, крѣпокъ, стоекъ въ своемъ словѣ, въ два пути не пойдетъ — моль на немъ всѣ зубы поломаетъ, какъ говорилъ покойный

голова Талдыкинъ. А точность, — статью не перепутаетъ, точка въ точку, буква въ букву и самое путанное, перепутанное дѣяніе твое подъ статью подведетъ; и неутомимая цѣпкость,—за волосокъ ухватиться и до корня дойдетъ, все на чистую воду выведетъ, пронырь какой-то; и чутье пёсье, — носомъ по воздуху учуетъ, такъ носомъ къ норѣ, къ гнѣзду разбойному и придетъ, и ужъ ты прячься не прячься, какъ не хоронись, а Боброву въ руки попадешься, Бобровъ тебя сцапаетъ.

Кто изловчится поймать вора?—Бобровъ.

Бобровъ умѣлъ дѣлать то, за что никто не умѣлъ взяться.

И кажется, искать такого слѣдователя да поискать, да мало, и ужъ въ награду либо ему заживо памятникъ гдѣ на площади поставить, обелискъ какой египетскій, какъ въ Лыковѣ губернаторъ Оладьинъ воздвигъ въ знакъ заслугъ своихъ на память себѣ и въ поученіе потомству, либо выбрать его почетнымъ гражданиномъ города Студенца, какъ выбрали лѣсопромышленника Нахабина, который въ собственномъ автомобилѣ въ Лыковъ ѣздитъ туда и обратно. Какой тамъ памятникъ, какое почетное званіе, куда ужъ!

Четыре страшныя язвы: пагуба, губительство, тля, запустѣніе, а пятая язва студенецкая — бичъ и истребитель рода человѣческаго — слѣдователь Бобровъ.

Всякій разъ, когда въ клубѣ ли, въ гостяхъ ли истощался разговоръ, а въ молчанку играть было не совсѣмъ удобно, да и неприлично: кто молчитъ,

по студенецкому значитъ, дуракъ, всякій разъ въ такія дурацкія минуты приходилъ на умъ слѣдователь Бобровъ, и начиналось перемываніе бобровскихъ косточекъ. А такъ какъ самъ Бобровъ ни въ какія другія отношенія съ обществомъ не вступалъ, кромѣ дѣловыхъ, то изъ всѣхъ подскрёбовъ, подскрёбковъ, слуховъ, подслушанныхъ оговоровъ собиралось самое сумасбродное добро для судовъ, рядовъ и пересудовъ, больше прохаживались насчетъ отношеній Боброва къ женѣ, къ слѣдовательшѣ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Рогачъ—вотъ что чаще услышишь, когда заходитъ рѣчь о Бобровѣ.

И съ какимъ хихиканьемъ, съ какими ужимками, съ какимъ гоготомъ обезьянскимъ выговаривался этотъ Рогачъ, но знали прозвище и другое почуднѣе Рогача—Оглодокъ.

Былъ въ Студенцѣ нѣкто Исцовъ доброписецъ, ходатай по дѣламъ, человѣкъ базарный, прошенія писалъ на базарѣ, онъ же и космографъ — когда бывало солнечное затмѣніе, стекла коптилъ. Въ своемъ драповомъ пальто и картузномъ кэпи, съ своимъ вздернутомъ хрящеватымъ носомъ и козлиной бородкой, шатался Исцовъ по базару, помахивая красными длинными руками, — лѣвая переломленная.

— Я, какъ пеликанъ, — говорилъ Исцовъ, скашиваясь на свою переломленную руку.

Этотъ-то Пеликанъ-Исцовъ и прозвалъ слѣдователя Оглодкомъ.

Пеликанъ—совершенно вѣрно, живой пели-

канъ, но причемъ же оглодокъ — Бобровъ Оглодокъ!

Все сіяло на немъ, безукоризненно чистое бѣлье, безупречная во всемъ опрятность, ровно подстриженная борода, не очень коротко, не очень длинно, въ мѣру, ровный безъ хрипинки голосъ — отчетливый чистый русскій говоръ и безъ высокаго лыковскаго оканья, и безъ московскихъ пряниковъ, чисто, какъ надо, и улыбка одна и та же, блеснетъ и заморозитъ, а идетъ шибко и строго — начальный человѣкъ, а когда станетъ и когда садится, когда руку подастъ, такая во всемъ увѣренность, ровно за плечами Петропавловская крѣпость.

Нахабинъ не разъ въ разговорѣ съ губернаторомъ не то, чтобы жаловался, нѣтъ, а такъ къ слову поминалъ слѣдователя и не очень лестно. Нахабинъ ссылался на всякіе студенецкіе слухи, и что слѣдователь какой-то неудобный. Студенецкій предводитель Бабахинъ отзывался о Бобровѣ, какъ о человѣкѣ непріятномъ. Моровой батюшка о. Ландышевъ писалъ и въ Петербургъ и въ Москву, и всѣ ландышевскіе извѣты намекали на какую-то тайную, ничѣмъ неуловимую душетлительную дѣятельность Боброва, отъ гордыни и высокоумія проистекающую. И прокурорскій надзоръ не былъ доволенъ слѣдователемъ, но замѣчаній ему сдѣлать не могъ: и не въ чемъ и не за что.

Словно по тайному уговору всѣми чувствовалось тяжелое что-то, неудобное, — камень, и такое обузное, будь хоть какая возможность придраться, придрался бы и сбросилъ бы съ себя эту обузу, —

камень, и было-бъ какъ-разъ то самое, чего такъ всѣми хотѣлось. Всѣ донесенія, доносы, кляузы, ябеды, извѣты, всѣ разговоры и толки сводились къ тому, чтобы убрать изъ Студенца слѣдователя. Жить въ Бобровомъ въ братствѣ и пріязни никто не соглашался.

И неоднократно приступали къ начальству, но сокрушали рòги свои.

Бобровъ никакихъ повышеній не получалъ, никакихъ наградъ, но и переводить изъ Студенца его не переводили: окружный судъ всегда становился на его сторону, цѣня въ Бобровѣ слѣдователя.

Что же такое, кому и чѣмъ мѣшаетъ Бобровъ, чей вѣкъ заѣлъ, кому сталъ поперекъ дороги?

Живетъ онъ себѣ самъ по себѣ, ни въ дрязги не встреваетъ, ни въ какія исторіи не впутывается, никого не ссоритъ, никого не миритъ, и не креститъ и не вѣнчаетъ, и самъ не ссорится и самъ не дружитъ. Онъ свое дѣло дѣлаетъ и дѣлаетъ его честно со всею строгостью безъ единой поблажки, никому не льготя, безъ всякихъ попущеній, и другого бòльшаго знать не знаетъ и знать не хочетъ. Ему никого не надо, ни на что онъ не жалуется, никому и ни о чемъ не плачется, онъ свое дѣло дѣлаетъ честно, а живетъ себѣ самъ по себѣ.

Да за что же такое?

Праведенъ, только что нѣтъ осіянія — вѣнца славы вокругъ его головы... да кто же онъ? Богоненавистникъ, христопродавецъ, врагъ Божій, врагъ проклятый, пятая страшная язва — бичъ и истребитель рода человѣческаго? И этотъ Рогачъ, этотъ

Оглодокъ, этотъ обезьянскій гоготъ, это хихиканье, эти недобрые взгляды?

Въ чемъ же дѣло?

А вотъ, вѣрно, въ этомъ... въ этомъ-то и дѣло, въ этой жизни его про-себя, въ этой замкнутости его, въ этой его особливости, въ томъ, что ни кумъ, ни сватъ, ни пріятель, самъ, одинъ, онъ—Бобровъ. Вотъ въ этомъ-то самомъ, отчего человѣка простого, ну карты тамъ и всякіе грѣшки за нимъ, и коготокъ и еще кое-что, исправника Александра Ильича Антонова съ души воротитъ.

Терпѣлъ Александръ Ильичъ, терпѣлъ и при всемъ благодушіи своемъ дошелъ таки до концовъ, вызвалъ къ себѣ „пажа" Пашку-Папана — и за двадцать пять копеекъ къ общему удовольствію босякъ высадилъ окна слѣдователю.

Ровно въ десять Бобровъ въ своей камерѣ и въ десять вечера подымается къ себѣ на верхъ. Для писаря есть обѣденный перерывъ, но самъ онъ остается въ камерѣ, въ камерѣ и чай пьетъ за столомъ, покрытомъ чистой свѣжей клеенкой. Кипы бумагъ и дѣлъ на столѣ. Бобровъ надѣваетъ золотое пенснэ и подписываетъ бумагу за бумагой. Около стола его въ полу сдѣлалось углубленіе, тамъ стоятъ арестанты: ихъ много приводятъ всякихъ. А онъ сидитъ прямо, руки на столѣ, — пальцы сухіе, долгіе, какъ пристыли, спрашиваетъ ровнымъ голосомъ съ окаменѣвшимъ неподвижнымъ лицомъ и глядитъ прямо въ глаза, съ кѣмъ бы ни говорилъ. Лыковскій товарищъ прокурора смущается отъ этого ровнаго голоса и прямого взгляда, а Лыковскій то-

варищъ прокурора — извѣстная собака. Писаря у Боброва долго не служатъ, часто мѣняются, не выносятъ бобровской замкнутости, и Парменъ Никитичъ Каріевъ, теперешній письмоводитель, и мѣсяца не прослуживъ, подыскиваетъ другое мѣсто. А Бобровъ все сидитъ, такъ безъ малаго двадцать лѣтъ сидитъ, прямо, прямой, окаменѣлый весь, и воротнички его кажутся, какъ камень, и голосъ — слова падаютъ, какъ камень.

Всякій виновный зналъ, что изъ камеры Боброва одна дорога — въ острогъ. Одна дорога, другой не было, а третьей не будетъ. И, переступая слѣдовательскій порогъ, всякій обвиняемый прощался съ волей: вернуться домой не было надежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КОНЦЫ ЗЕМНЫЕ.

Сергѣй Алексѣевичъ Бобровъ — лыковскій: родился онъ въ Лыковѣ, и въ гимназіи учился въ Лыковѣ, и женился въ Лыковѣ, и служба его началась въ Лыковѣ.

Отецъ его служилъ бухгалтеромъ въ казначействѣ, очень точный былъ человѣкъ и за свою точность опекуномъ состоялъ у людей богатыхъ и большія деньги на рукахъ держалъ, и всѣ его уважали. А кончилъ старикъ нескладно, запутался въ чемъ-то и ужъ безъ мѣста дожилъ свои послѣдніе дни.

Несчастье съ отцомъ не получило бы такой огласки, не вызвало бы столько шума и того злорадства, какое пробуждается у людей непотерпѣвшихъ къ облихованному человѣку, не будь за отцомъ такой безупречной славы.

Но это ужъ въ концѣ дней отцовскихъ, а до тѣхъ поръ былъ отецъ въ чести и славѣ, и домъ Бобровыхъ былъ на хорошемъ счету.

Въ домѣ у Бобровыхъ муху было слышно.

Въ домѣ ходили на цыпочкахъ и отецъ, и сынъ, и прислуга: надо было охранять Марью Васильевну, мать, которую и муха могла обидѣть.

Все и дѣлалось для одной Марьи Васильевны.

А Марья Васильевна, уставившись въ одну точку, по цѣлымъ долгимъ томительнымъ тяжкимъ часамъ сидѣла, молча, не двигаясь, на диванѣ.

Такой помнитъ мать свою Бобровъ, и это его первая, на всю жизнь сохранившаяся память изъ далекихъ первыхъ дней, первой горести, когда онъ, только-что научившись молиться за папу и маму, не могъ самъ по себѣ рѣшить, можно ли и надо ли молиться за лавочника Желткова, у котораго въ лавкѣ такой вкусный лыковскій пряникъ; когда онъ, бывало, возьметъ между ногъ полѣно, да съ полѣномъ по двору, что, говорятъ, на конѣ ѣздитъ; когда онъ изъ кубиковъ на полу печку складывалъ и разъ чуть пожара не сдѣлалъ.

И еще вспоминаются ему ночи, просыпается онъ ночью отъ какого-то рѣжущаго сухого всхлипа и съ захолонувшимъ сердцемъ открываетъ глаза: мать сидитъ на постели, а около на стулѣ сидитъ или стоитъ надъ кроватью отецъ и что-то все говоритъ и, кажется, все одно и то же, одни и тѣ же слова, то скоро, то тише, потомъ, какъ маятникъ, ровно. И такъ до разсвѣта, когда мать засыпала, а отецъ, закутавъ ее въ три одѣяла и такъ подтыкавъ кругомъ, чтобы и щелки клопиной не оставалось, долго и часто крестилъ ее, долго прислушивался и, сгорбившись, на цыпочкахъ выходилъ

въ сосѣднюю комнату и тамъ, не раздѣваясь, только что безъ сапогъ, ложился на диванъ, и какъ-то виновато — на самый краюшекъ, и, должно быть, жестоко трясло его, потому что, и одѣтый, съ головой кутался въ свое сѣрое одѣяло и все ворочался, поджимая ноги, пока не свертывался клубкомъ.

И такія ночи повторялись.

Ночи повторялись не часто, но при всей тяжести ихъ, казалось, часто, и привыкнуть къ нимъ нельзя было.

Мальчикъ Бобровъ ни разу ничѣмъ не обнаружилъ, что въ такія ночи и онъ не спитъ, не спитъ и все видитъ. До крови прикусывалъ онъ себѣ губу, чтобы сдерживать слезы, и было ему жалко, и жальче ему было мать.

На другой день, когда послѣ тяжелой ночи мать, уставившись въ одну точку, молча, сидѣла на диванѣ, онъ все вертѣлся передъ ней, по собачьи юлилъ передъ ней и въ глаза ей засматривалъ, — и она смотрѣла на него и не видѣла. И онъ тихонько отходилъ въ уголокъ и тихонько складывалъ кубики, строилъ печку.

Ну, что бы ему въ такія минуты приласкать ее, рученками своими охватить ее крѣпко-на-крѣпко!

Или кто-то тяжко обидѣлъ ее, или совсѣмъ не обидѣлъ, а такою пустилъ въ мірѣ жить, и вотъ передъ нею — одна тяжкая ночь.

Что-то смутно копошилось въ его дѣтской душѣ, и было ему жалко, а выхода жалости не было. Онъ тихонько складывалъ кубики, строилъ печку, пока сама мать не замѣчала его.

И тогда было очень весело, и все забывалось.

— Грубый вы человѣкъ! — какъ-то ночью однажды сказала мать отцу.

Это онъ услышалъ ночью, въ тяжелую ночь, и съ тѣхъ поръ стало ему отца жалко, какъ было жалко мать, и сталъ онъ слѣдить за отцомъ.

Когда въ домѣ бывало благополучно — Марья Васильевна молча не сидѣла на диванѣ, а что-нибудь дѣлала — рукодѣльничала или читала книжку, отецъ обыкновенно смѣшное все разсказывалъ и всѣхъ представлялъ, отчего сама Марья Васильевна смѣялась, но послѣ тяжелыхъ ночей отецъ притихалъ, и ужъ никакихъ разговоровъ въ домѣ не было слышно.

Однажды въ сумерки мальчикъ тихонько вошелъ къ отцу въ его комнату, отецъ не сидѣлъ за бумагами, какъ всегда, а стоялъ передъ образомъ. Висѣла въ его комнатѣ надъ столомъ большая икона Божьей Матери, старинная, почернѣвшая вся, золотомъ писанная — Величитъ душа моя Господа. Стоялъ отецъ передъ Божьей Матерью и какъ-то чудно — голова его крѣпко была вдавлена въ плечи, словно силился онъ поднять неподъемную тяжесть, а когда обернулся, слезы дрожали въ глазахъ.

— За мамочку! — виновато сказалъ отецъ, — за мамочку, чтобы ей легче было, а мнѣ ничего, мнѣ болѣзни пускай всякія, я за мамочку.

„Грубый вы человѣкъ!“ — не выходили изъ головы слова матери, и, вспоминая ихъ, онъ видѣлъ отца передъ образомъ, какъ молился отецъ за ма-

мочку, и сейчасъ же видѣлъ мать, какъ ночью плачетъ мать безпомощно.

„Грубый вы человѣкъ!" — повторялись слова матери.

У матери на душѣ что-то тяжелое, а отецъ въ чемъ-то виновенъ, но въ чемъ тяжесть ея и въ чемъ вина его, мальчикъ не могъ разобраться и, складывая кубики — печку свою, все думалъ и думалъ, а сердце ныло отъ жалости.

И однажды онъ положилъ въ печку щепокъ, досталъ спичекъ и зажегъ...

Придя въ возрастъ, когда ужъ вмѣстѣ съ отцомъ сталъ онъ охранять мать, понялъ Бобровъ, что отецъ его самый обыкновенный, какихъ въ Лыковѣ сколько угодно, и звѣздъ не хватаетъ съ неба и всякіе грѣшки за душой, а мать — другой такой въ Лыковѣ нѣтъ, и для нея не отецъ, одинъ ангелъ Господенъ былъ бы настоящимъ другомъ и хранителемъ.

Марья Васильевна ни на какую болѣзнь не жаловалась, не заморышъ чахлый, дышащій на ладанъ, была она совсѣмъ здоровая, и голосъ у ней былъ сильный и громкій. Глядя на нее, какъ вообще глядитъ, встрѣчаясь, человѣкъ на человѣка своимъ надѣленнымъ зрѣніемъ, но лишеннымъ видѣнія, обездоленнымъ глазомъ, можно было подумать, да такъ и думали, что жизнь для нея — разлюли малина.

А ей Богомъ даны были глаза, такіе вотъ самые — и она видѣла. И все, что она видѣла, шло ей въ душу. И она мучилась оттого, что все видѣла. И еще мучилась, что, какъ есть, одна была, а одному нелегко на свѣтѣ быть. И еще мучило ее то, что

люди, безъ которыхъ не прожить жизнь, подходили къ ней по свойски, съ своею короткою общею мѣркою, и общенія не умиряли ее, а только ранили.

Дѣла она искала себѣ, чтобы чѣмъ-нибудь заполнить дни, и, найдя дѣло, скоро бросала его: люди, съ которыми волей-неволей приходилось ей сталкиваться, общаго, кромѣ дѣла, ничего съ ней не имѣли, чужіе ей совсѣмъ, а такой съ чужими — не дѣло, а мука. Да и подходящаго дѣла ей не было. Дѣло, вѣдь, ея совсѣмъ не житейское! Она только, измучившись, хваталась за дѣла, отъ измученности своей вѣрила, что въ нихъ — покой ея.

Что-то надо было ей сдѣлать, и она знала объ этомъ, не знала только, что сдѣлать, и еще больше мучилась.

Сколько разъ собиралась она уѣзжать изъ Лыкова на край свѣта куда-то, въ пустыню какую-то, гдѣ совсѣмъ нѣтъ людей. И тогда въ домѣ начинались сборы. Отецъ покорно собиралъ вещи, какія будто бы въ дорогу ей нужны. Но какъ-то сама собой наступала минута — и Марья Васильевна оставалась дома.

И опять приходили тяжелыя ночи.

Поводъ всегда находился: какая-нибудь встрѣча, какой-нибудь гость — со временемъ въ домѣ у Бобровыхъ гостей не бывало, отецъ понемножку всѣхъ отвадилъ — или отъ какого-нибудь разговора, отъ какого-нибудь слова, и кажется, совсѣмъ незначущаго, но падающаго больно на измученную душу, — только съ годами можно было усвоить и крѣпко держать въ памяти, чего нельзя было даже и наме-

комъ касаться при матери. Да мало ли еще сколько вещей вызывали тяжелыя думы — тяжкія ночи.

Если ты раненъ, и самъ вольный воздухъ растравитъ тебѣ рану.

Какъ рѣдокъ былъ день бобровскаго благополучія!

Если все, кажется, до мелочей было предусмотрѣно, всякія распоряженія по хозяйству отданы, комната прибрана и вездѣ наведенъ тотъ порядокъ, какой любитъ Марья Васильевна, — вещи размѣщены на столѣ ея по ея выбору, и воды для умыванья наготовлено много — чистоплотность у Марьи Васильевны доходила до какой-то болѣзненности, и все такъ, какъ надо ей, и только протяни руку, все есть, бѣда приходила съ другого конца.

День начинался съ того: или Марья Васильевна сонъ дурной видѣла или какая-нибудь вещь, нужная ей, прямо изъ подъ рукъ у ней исчезала, какой-нибудь гребешокъ, какая-нибудь подвязка.

И все шло прахомъ.

И дурные сны снились Марьѣ Васильевнѣ не рѣдко, а вещи теряла она сплошь да рядомъ. Вещи-то никуда не терялись, никто ихъ не трогалъ, и никуда ихъ безъ нея не перекладывали, — лежали онѣ подъ самымъ ея носомъ, на глазахъ у нея, да она ихъ не видѣла, смотрѣла и не видѣла.

И все шло прахомъ.

И каждый разъ каждое волненіе ея казалось ей послѣднимъ, которое доканаетъ ее, ея концомъ. И каждый разъ она одного просила — смерти.

И въ домѣ жили подъ страхомъ этой смерти.

Уставившись въ одну точку, не двигаясь, молча, сидѣла Марья Васильевна на диванѣ. И такъ проходили часы — долгій томительный тяжкій день.

А отецъ украдкой въ сумерки становился передъ образомъ въ своей комнатѣ, передъ Божьей Матерью — Величитъ душа моя Господа, и стоялъ чудно, голову крѣпко вдавивъ въ плечи, словно силился поднять неподъемную тяжесть.

И вотъ ей легчало... Въ слезахъ вся, прощенья она просила, что мучаетъ всѣхъ, измучила совсѣмъ.

И Боброву хотѣлось тогда унести мать туда, на край свѣта, туда въ ту пустыню, гдѣ людей совсѣмъ нѣтъ, и онъ чувствовалъ въ себѣ огромную силу, которая дастъ власть ему сдѣлать такъ, по-своему.

— Мамочка, насъ прости, мы передъ тобой всѣ виноваты.

А отецъ семенилъ, руки ея цѣловалъ, что-то бормоча безсловесное, и слезы дрожали въ глазахъ какъ за молитвой передъ образомъ.

Такъ прошло дѣтство тревожное, на сторожѣ, съ одной главною мыслью, какъ бы чѣмъ не разстроить мать.

Если выдавались дни, когда мать казалась веселой и отецъ на радостяхъ балагурилъ, мысль что этотъ тихій часъ можетъ въ одинъ мигъ кончиться отъ какого-нибудь звонка неожиданнаго, отъ какого-нибудь воспоминанія горькаго, какое нежданно всплыветъ въ памяти матери, не покидала Боброва. И онъ, ничѣмъ не обнаруживая этой мысли своей, держался на сторожѣ, научился не забываться, навыкъ

разсчитывать каждый свой шагъ, чтобы какъ невольно не раздражить мать.

Пропасть между людьми вскрывается не тогда, когда они умышленно раздражаютъ другъ друга, а когда, не вѣдая, нѐ-хотя и совсѣмъ не желая, даже напротивъ, желая совсѣмъ другого, невольно одинъ ранитъ другого. Тутъ ужъ, значитъ, у души съ душой въ самой основѣ нѣтъ никакой связи, и люди совсѣмъ чужіе.

Учился Бобровъ хорошо, но ничѣмъ не выдѣлялся. У него все какъ-то было, всѣ дары, и все онъ могъ хорошо исполнить, на все годился, всѣмъ одарованъ, но такого особеннаго чего-нибудь, устремленности на одно излюбленное, дара особеннаго ему только даннаго, не было.

Послѣ гимназіи онъ поѣхалъ въ Петербургъ въ университетъ. И въ Петербургѣ все шло гладко, и ученье и жизнь. Отецъ посылалъ ему денегъ, правда, не такъ ужъ много, чтобы не думать о деньгахъ, но онъ привыкъ все разсчитывать и нуждаться не нуждался.

Когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, съ отцомъ случилась бѣда. Но ужъ онъ въ живыхъ не засталъ стариковъ, одни, въ бѣдѣ такъ они вмѣстѣ и ушли: отецъ въ дугу согнутый, облихованный, мать — съ остановившимися глазами, которые все видѣли, измученная вся.

Больше не суетился старикъ, не стоялъ у иконы своей, передъ образомъ, больше не просила она смерти, успокоилась. Сперва мать, а за ней, и совсѣмъ незамѣтно, потянулся старикъ.

„Какъ же такъ я мамочку одну оставлю, ей и посердиться не на кого будетъ!“ — вспоминались Боброву слова отца: это когда онъ разъ въ шутку предложилъ отцу вмѣстѣ въ Петербургъ проѣхать государя посмотрѣть, — у старика была завѣтная мечта, и спалъ и видѣлъ старикъ увидѣть государь и непремѣнно поговорить съ нимъ, о чемъ поговорить, и самъ не зналъ, а должно быть, о мамочкѣ, такъ что-нибудь.

Похоронилъ Бобровъ стариковъ своихъ, домишко продалъ, получилъ тысячу рублей изъ сберегательной кассы — старикъ эту тысячу скопилъ, на книжку для сына откладывалъ, сдалъ государственный экзаменъ и поѣхалъ за границу.

Годъ провелъ Бобровъ за границей, въ Парижѣ, и тамъ жизнь такъ же ровно шла, какъ и въ Петербургѣ, до всего добивался онъ, все хотѣлъ вывѣдать, высмотрѣть, перенять. И вернулся онъ въ Россію не въ Петербургъ, не въ Москву, а въ родной свой Лыковъ, — кандидатомъ въ Лыковскій судъ.

По отцу встрѣтили Боброва въ Лыковѣ не очень дружелюбно, недружелюбно и подозрительно, но ужъ скоро замѣтили его исполнительность и серьезность въ отношеніи дѣла и черезъ три года назначили въ Студенецъ слѣдователемъ.

Бобровъ женился и переѣхалъ въ Студенецъ.

Ѣхалъ онъ на новую свою должность съ самыми благими намѣреніями — годъ заграничный парижскій оставилъ въ немъ неизгладимый слѣдъ, и дѣло его въ Студенцѣ представлялось ему широкой общест-

венной дѣятельностью на благо не только Студенца, а и всей Россіи.

Въ Студенцѣ прежде всего попробовалъ онъ сблизиться съ мѣстнымъ обществомъ, но изъ общеній своихъ вынесъ самое горькое чувство.

И, осторожный, разсчетливый, не разъ и не два онъ провѣрялъ себя.

„Можетъ онъ ошибается? И если всѣ кажутся ему такъ грубы, ну, въ глубинѣ-то души, вѣдь долженъ же каждый чувствовать себя такимъ, каковъ есть на самомъ дѣлѣ, чувствовать, знать и мучиться?"

Но этотъ прописной вопросъ его заглушенъ былъ другимъ вопросомъ:

„Да у всякаго ли есть она, эта глубина, глубина души хваленая, чтобы чувствовать?"

Нѣтъ, онъ не ошибался.

„Люди вообще существа грубыя", — тогда это въ немъ такъ и врѣзалось.

И никогда такъ близко не вспоминалась ему мать, Марья Васильевна, какъ въ эти первые дни его дѣловой отвѣтственной жизни. Только матери дано было и близко было горнее и предвѣчное, а ему — дальнее. Ея истонченную душу, глаза ея съ ея видѣніемъ взялъ онъ мѣриломъ суда надъ людьми и вынесъ свой жестокій приговоръ.

„Люди вообще существа грубыя — и ужъ скоро добавилъ онъ, — и глупые, — какъ добавитъ впослѣдствіи, — и лютые".

И Бобровъ началъ свою дѣятельность, развивая въ себѣ до совершенства всѣ качества слѣдователя:

строгость, судебное безпристрастіе, точность, неутомимую цѣпкость и чутье песье.

И все это, весь свой трудъ полагалъ онъ во имя закона.

Хорошъ или дуренъ законъ, но въ законѣ видѣлъ онъ единственную крѣпкую узду, чтобы сдерживать людскую грубость, и въ законѣ, только въ законѣ видѣлъ онъ спасеніе Россіи, безъ чего, казалось ему, Россіи не быть.

Такъ началась дѣятельность Боброва.

До какихъ бы краевъ дошла она при другихъ благопріятныхъ условіяхъ, одинъ Богъ вѣсть: силу онъ чувствовалъ въ себѣ огромную, сила не отпускала его, а росла съ дѣлами, — и казалось, онъ могъ бы совершить невозможное, какъ тогда, въ минуты жалости своей, когда хотѣлъ мать свою на край свѣта унести, въ пустыню, гдѣ нѣтъ совсѣмъ людей.

Въ семейной жизни Боброву не повезло.

Счастливо начавшаяся жизнь его съ Прасковьей Ивановной скоро кончилась несчастно. Не такъ ему хотѣлось, и не такъ было тому дѣлу быть, да ужъ судьба.

Если мать Марья Васильевна представляла собой одинъ духъ живый, и это сказывалось во всемъ, въ улыбкѣ, въ глазахъ и особенно въ губахъ ея, а въ тѣлѣ ея было настолько теплоты живой, насколько надобно ея для жизни, въ которой горѣлъ духъ, Прасковья Ивановна — лице земное по своему горѣла, и напруженныя губы ея, казалось, вотъ лопнутъ.

Боброву памятенъ вечеръ первой ихъ встрѣчи:

ладонь ея, когда онъ прощался, пыхала при прикосновеніи, и онъ, какъ обожженный, ушелъ тогда домой, и съ той минуты только что о ней и была у него одна мысль, только о ней. И когда, встрѣчаясь, онъ говорилъ съ ней, слова ея пустяшныя, вдругъ значительныя, были для него знаками того самаго существа ея, что обожгло его въ ихъ первую встрѣчу.

И какъ у матери сущность ея—духъ живый, горящій въ ней, покорялъ себѣ въ неволю на всю жизнь, такъ у жены сущность ея—лице земное, пламенность, одна, бездушная, кровь покоряла навсегда.

Тайна сія велика есть.

Прасковья Ивановна, такъ Богомъ одаренная, была до конца желанной, поскольку, желая и дѣйствуя, оставалась сама собою въ своей самости — животнымъ прекраснымъ и добрымъ, и становилась невыносимой—мелочной и мелкой, сварливой и завистливой, жадной и жестокой, какъ только выказывался въ ней человѣкъ не безыменный, а съ метрикою, занимающій опредѣленное мѣсто въ обществѣ.

Эта-то человѣкость и поставила Прасковью Ивановну въ уровень мѣстнаго общества, сдѣлала ее всюду своимъ человѣкомъ, столпомъ во всякихъ студенецкихъ дрязгахъ. Прасковья Ивановна заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди клубныхъ дамъ.

Хорошая хозяйка, она могла перекричать любую базарную торговку, сдѣлать выгодно покупку—а базаръ — воръ! — и надуть его было такъ же трудно,

какъ бабушку Двигалку — Филиппьеву, которая, волшебувуя бобомъ и ключами, на бобѣ и ключахъ своихъ ржавыхъ чайную открыла—Колпаки.

Если бы не Бобровъ съ своимъ норовомъ, Прасковья Ивановна не только не побрезговала бы приношеніями, а, надо полагать, развела бы сущее людодерство, выходъ установила бы — поборъ за дѣла слѣдовательскія, и далеко оставила бы за собой исправничиху Марью Северьяновну, а Марья Северьяновна—у ней на всякой вещи имя ея цвѣтами да букетами вышито, жердевскіе Чортовы сады къ рукамъ прибрала.

Въ первый годъ женитьбы у Боброва родилась дочь. Домъ округлился. И жить бы поживать слѣдователю со слѣдовательшей, но ужъ на слѣдующій годъ не стало для Боброва его счастливаго дома,— одно названіе, домъ.

На первый день Пасхи горничная со злости на барыню, недовольная праздничнымъ подаркомъ, положила Боброву въ карманъ письма Прасковьи Ивановны: отъ товарища прокура Удавкина къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Вотъ тебѣ за пасхальный подарокъ!

И можетъ быть, лучше было бы для Боброва такъ, безропотно и послушно, такъ, не читая, и передать женѣ эти письма.

Бобровъ этого не могъ сдѣлать.

Тотъ пламень, что обжогъ и покорилъ его навсегда, огонь преисподній—гроза, огонь— пучина — опустошеніе, кровь съ той же силой ножомъ врѣзался ему въ сердце. И боль вызвала въ немъ отча-

янное любопытство: съ какимъ отчаяннымъ наслажденіемъ перечитывалъ онъ строчки, въ которыхъ ясно описывалось отношеніе товарища прокурора къ его женѣ.

Кончилъ читать, сложилъ такъ, какъ было, и, собравъ въ себѣ весь норовъ свой, все упорство, и, ничѣмъ не обнаруживая чувствъ своихъ, Бобровъ передалъ письма женѣ, какъ пустяки какія, какъ шпильки, безъ всякихъ словъ.

Съ этихъ поръ жизнь его пошла уединенно и одиноко,—забывай, значитъ прежнее!

Въ домѣ все осталось по-старому, такъ же приходили гости, какъ и прежде, еще больше гостей, еще чаще устраивала вечера Прасковья Ивановна, еще чаще наѣзжалъ изъ Лыкова Удавкинъ, товарищъ прокурора, и было очень весело.

Бобровъ появлялся на люди только къ чаю и опять уходилъ въ свою комнату.

Родилась вторая дочь.

И когда сказали ему, что у него родилась дочь, онъ принялъ извѣстіе необыкновенно спокойно, вошелъ къ женѣ, и такой выдержанный, каменный весь, сталъ передъ ней, и вдругъ всхлипнувъ, какъ мать когда-то въ тяжкія ночи свои, рѣжущимъ, сухимъ всхлипомъ, отъ котораго морозъ по кожѣ бѣжитъ, ударилъ жену палкой.

— Сука не можетъ не метать! — ударилъ онъ ее палкой и, необернувшись, вышелъ.

Ужъ рѣдко Боброва видѣли съ гостями, рѣдко выходилъ онъ къ чаю — чай ему подавали въ его комнату. А съ женой разговоръ у него былъ простъ

и коротокъ: о деньгахъ, о расходахъ, какъ съ письмоводителемъ о дѣлахъ.

Не прошло и году, а Прасковья Ивановна опять была беременна.

И тутъ произошелъ однажды случай, ужъ окончательно загнавшій Боброва въ его жестокое молчанное житіе.

Боброва разбудили ночью: съ барыней худо.

Что-нибудь, дѣйствительно, было неладно, ужъ разъ она сама позвала его: съ рожденія второй дочери, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ударилъ онъ жену палкой, онъ больше не входилъ въ ея спальню.

И вотъ въ первый разъ онъ вошелъ къ ней ночью, въ ея спальню.

Не подымая головы, сидѣла она на смятой постели и тихо плакала, и было что-то за сердце хватающее въ этомъ плачѣ ея, тихомъ и горькомъ.

Онъ пробовалъ заговорить съ ней, разспрашивать сталъ, какъ спрашиваетъ докторъ: и что съ ней, въ чемъ дѣло, и на что она жалуется? Но она и звука не подала въ отвѣтъ, словно не слышала его.

Въ комнатѣ они одни были и, кромѣ нихъ, никого не было.

Онъ стоялъ передъ ней безнадежно, онъ чувствовалъ, какъ тлѣетъ, какъ томится его сердце.

Онъ ей помочь готовъ, онъ ей поможетъ, онъ все для нея сдѣлаетъ. И какъ это повернулась у него рука ударить ее! Она одна для него, она все для него.

Онъ стоялъ передъ ней безнадежно, и сердце его тлѣло, томилось.

А она тихо горько плакала—зяблое, упалое дерево, и вдругъ поднялась съ постели, твердо, крѣпко стала на землю и неуклюже нагнулась, и ниже, все ниже —до земли, до самой земли—въ ноги ему.

— Знаю,—сказала она,—знаю, все знаю!—сказала она непохожимъ голосомъ и смотрѣла, все будто видя, и не видя, горячимъ слѣпымъ своимъ глазомъ.

Съ этой ночи Бобровъ сталъ пить.

Обыкновенно послѣ службы, усѣвшись за книгу, за полночь читалъ онъ, и тутъ наступала такая минута,—тишина ли ночи и горечь полуночная, воздухъ ли, какъ самъ себѣ говорилъ Бобровъ, а потомъ ужъ по привычкѣ, сложивъ книгу, онъ пилъ и, обезумѣвъ, валился. А утромъ, безумный отъ водки, обливался онъ холодной ледяной водой и, тщательно одѣтый, шелъ внизъ въ свою слѣдовательскую камеру начинать дѣла.

И какая увѣренность была въ каждомъ движеніи его, въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ!

За плечами чувствовалъ онъ Петропавловскую крѣпость, а жизни ему и вершка не было.

И когда было дознано, что Бобровъ пьетъ,—отъ всевидящаго Бога легче схорониться, чѣмъ отъ людей!—и притомъ пьетъ Бобровъ одинъ, запершись, втай, потиху, это не только не вызвало къ нему сочувствія, нѣтъ, еще больше отололо его,—иное дѣло, если бы пилъ въ компаніи, былъ бы тогда свой человѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОЛЧАННОЕ ЖИТІЕ.

Въ Петербургѣ спросишь стаканъ чаю, стаканъ и дадутъ, въ Москвѣ спросишь стаканъ чаю, чайникъ дадутъ, въ Кіевѣ—съ своимъ чайникомъ иди, а въ Студенцѣ—самоваръ тебѣ на столъ да со стаканами: кого люблю, тому дарю.

Студенецъ на горѣ — лѣсная сторона. Противъ города на другой горѣ монастырь,—нѣкогда старцы пустынные, работая Богу и церкви Божіей, жили въ немъ, отшельники, питались лыками да сѣно по болоту косили въ богомысліи и умной молитвѣ, а теперь монашки лягушачью икру сушатъ,—помогаетъ отъ рожи, да коровъ развели и молоко продавать возятъ на заводъ въ Лыковъ,—Тихвинскій дѣвичъ-монастырь. Между горъ рѣка—сплавная рѣда Медвѣжина. Кругомъ лѣсъ. Въ лѣсу муравей, и нѣтъ его жирнѣе и больше, женщины ловятъ.

Деревянная рѣдкая стройка, заборы. Изъ-за тесовыхъ заборовъ рѣдкія деревца — ветлы какія-то, одни прутья торчатъ. На заборахъ подходящія оста-

новкамъ, выцарапанные и намѣлованные стихи, назидательные весьма, но совсѣмъ не для громкаго чтенія. Покосившіеся домишки, крашенныя въ самый неожиданный цвѣтъ—цѣлая пестрая деревня, одинокій каменный домъ Нахабина съ золотыми львами на воротахъ—живетъ Нахабинъ богатымъ обычаемъ, трехъэтажная Опаринская гостиница, да кирпичный красный сундукъ — номера Бабашкова, каменный бѣлый соборъ и острогъ бѣлый каменный.

Улицы немощенныя, отъ тротуара до тротуара—стоялая лужа, переходъ черезъ улицу по доскамъ, доски отъ ветхости вбились въ грязь, и по осени, знай, подвязывай калоши, а то зачерпнешь.

По угорамъ лужайки, у домовъ огороды. Лужайки обхожены коровами и лошадями, огороды по веснѣ благоухаютъ особенно — весенней городской поливкой.

Въ лужахъ, какъ мертвыя, дрыхнутъ студенецкія свиньи, и лишь какой поросенокъ бродитъ по уши въ липкой грязи.

Городская жизнь идетъ не густо, не валко отъ новаго и до новаго года, который встрѣчается дважды: и въ Васильевъ вечеръ, какъ полагается, и тридцатаго на Анисью—на Анисью каждый для себя встрѣчаетъ, на день будто бы жизни прибавится.

Въ канцеляріяхъ скрипитъ перо и щелкаетъ машинка. Въ пожары бьютъ въ набатъ. Озорники озорничаютъ: наклеиваютъ Боброву на окна вещи совсѣмъ неподходящія, сложенныя на манеръ кораблика изъ синей канцелярской бумаги, или вымажутъ

ручку звонка масляной краской, огадятъ крыльцо, или пошлютъ цѣнной посылкой морковь какую, ну, хоть той же учительницѣ Февралевой, откладывающей изъ своего жалованья на поѣздку въ Петербургъ учиться. Лѣтомъ, когда дамы выходятъ на Медвѣжину купаться, кавалеры залегаютъ въ кусты. Плавать никто не умѣетъ, а плещутся у берега и визжатъ, и только одна слѣдовательша Боброва выплываетъ на середку.

Временамъ и срокамъ ведется свой особый студенецкій счетъ. Для вящей точности приводится не годъ, не день, а нѣкое событіе лѣтописное, достойное памяти.

— Въ тотъ самый годъ,—такъ говорятъ,—когда покойный мировой судья Иванъ Михайловичъ Закутинъ выбилъ окна Будаеву адвокату.

И такъ еще:

— Въ тотъ самый годъ, когда кладбищенскій попъ Азбуковъ со свояченицей своей Анфусой запарилъ въ банѣ въ два вѣника попадью свою и получилъ члена консисторіи.

Или еще вотъ какъ:

— Въ тотъ самый годъ, когда старшая дочь Пропенышева Ираида выбросилась изъ окна: „Полечу, говоритъ, къ Богу!"—и разбилась на смерть.

Есть въ Студенцѣ и для погоды свой особый барометръ. Въ верхнемъ этажѣ управы держатъ сумасшедшихъ: если сумасшедшіе поютъ—къ перемѣнѣ, кричатъ — жди ненастья, а ведутъ себя тихо, будетъ вёдро.

Зимою много снѣга и крѣпкій морозъ. Лѣ-

томъ—пыль, зной, комары. Въ августѣ начинай топить печи.

Защуритъ солнце свой рыжій осоловѣлый глазъ изъ-за двухъ блиновъ-тучъ, сядетъ за гнилые заборы, и закрываютъ по домамъ ставни, и ужъ весь городъ — на боковую.

И только свѣтятся окна клуба.

Студенецкій общественный клубъ — мѣсто покоища и пагубы.

Пять клубныхъ комнатъ — во всѣхъ одинаково желтоватыя подъ орѣхъ обои, крашеный полъ. Въ гостиной у дивана по стѣнѣ жирныя головныя пятна—слѣдъ добросовѣстной работы студенецкаго парикмахера Юлина — Гришки Отрепьева, въ красномъ углу просиженное кресло — съ незапамятныхъ временъ обивка разрѣзана ножомъ. Висячія съ подвѣсками лампы. Пропойный табачный духъ.

Клубная библіотека рядомъ съ уборной.

„Пройти въ библіотеку", — означаетъ: „пойду въ уборную".

А въ уборной среди всякихъ непечатныхъ заборныхъ стиховъ и восклицаній начертана историческая надпись, сохранившаяся отъ дней свободъ.

„Да здравствуетъ республика!"

Зимою въ клубѣ выписываются газеты, лѣтомъ не выписываются: въ жару не до чтенія, и кому читать?

Клубная горничная Лизка вся въ розовомъ, съ завитками — общественная кружка, такъ величаютъ горничную клубные пріятели. Клубный поваръ Василій, и въ снѣди и въ питіи славный, а

въ своемъ мороженомъ несравненный: увѣряли, между прочимъ, что кладетъ Василій въ мороженое, и притомъ совсѣмъ незримо, мелко-на-мелко истолченнаго перцу. Клубный буфетчикъ Ермолай Игнатычъ, бывалый на Дальнемъ Востокѣ, неподражаемо кричалъ уткой и поѣздомъ, и всю закуску подъ сѣткою держитъ, и не столько отъ мухи — зимой какая же муха! — а чтобы кто чего, захватя, не унесъ.

Старшина клуба — уѣздный членъ Иванъ Ѳеоктистовичъ Богоявленскій хромоногій и пьетъ и глядитъ въ оба, безъ выигрыша изъ клуба не выходитъ, и хоть поймать не ловили, а словно бы и шулеръ.

Клубные члены — все свои люди.

Самъ Александръ Ильичъ исправникъ — членъ первый. За исправникомъ — студенецкіе чины. Городской судья Налимовъ Степанъ Степанычъ — трезвъ, какъ куръ, и лишь разъ въ году на свои именины не уступаетъ и Ивану Никанорычу Торопцову, а докторъ любитъ похвастать, что усидѣлъ девятнадцать бутылокъ въ одинъ вечеръ. Земскій начальникъ Салтановскій Николай Васильевичъ — Законникъ, акцизный Шверинъ Сергѣй Сергѣичъ — студенецкій спортсменъ, по университетскому знаку необыкновенныхъ размѣровъ и въ какой-угодно свалкѣ отличить его можно, ловкачъ поразсказать о заграничныхъ порядкахъ, а по кличкѣ Табельдотъ или Метрдотель, какъ придется. Агрономъ Пряткинъ Семенъ Ѳедоровичъ — послѣ двѣнадцати рекомендуется свиньей,

чувствителенъ необычайно, рыдаетъ и умѣетъ такъ всхлипывать, какъ весенній голубь, пріятели дразнятъ его Аграфеной, на которой, прикрывая чей-то грѣхъ, агрономъ женился, а какъ, — не помнитъ. Секретарь управы Василій Петровичъ Нѣмовъ — разумливъ, изъ всѣхъ самый толковый, а найдетъ волна и сидитъ по недѣлямъ въ клубѣ, горькую пьетъ. Податной Стройскій Владиміръ Николаевичъ — Донъ-Жуанъ студенецкій, выпивши, привязчивъ, какъ докторъ Торопцовъ, а когда хмель разниметъ, плачетъ, какъ агрономъ Пряткинъ. Почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ — студенецкій охотникъ, многочаденъ, какъ землемѣръ Каринскій. Лѣсничій Кургановскій Эрастъ Евграфовичъ — Колода, членъ управы Семенъ Михеичъ Рогаткинъ — подрядчикъ, поставляетъ и сѣно и лѣсъ даже строитъ мосты, человѣкъ простецкій, не столько самъ пьетъ, сколько подпаиваетъ. Неизмѣнный Грохотовъ Петръ Петровичъ ветеринаръ — Райская птица, по морозу въ одномъ пиджакѣ ходитъ, легокъ ногами, человѣкъ, хоть и семейный, баба его всѣмъ извѣстна, но бездоменъ, какъ Пашка — Папанъ, босякъ студенецкій, и удопреклоненъ: валится тамъ, гдѣ его хмель свалитъ.

А за Петрушой ужъ всякіе: и учителя, и канцеляристы, и писцы.

Изъ клубныхъ дамъ самая дѣятельная — исправничиха Марья Северьяновна. За Марьей Северьяновной ея пріятельницы: Анна Савиновна, жена акцизнаго, начальница ремесленной школы рукодѣлья, слѣдовательша Боброва Прасковья Ивановна,

докторша Торопцова Катерина Владиміровна — Лизабудка, пѣвица студенецкая, и хоть дальше Казани никуда не выѣзжала, но съ заѣзжимъ человѣкомъ можетъ такъ разговоръ повернуть, словно бы всю-то жизнь прожила въ Петербургѣ.

Въ клубѣ играютъ, ѣдятъ, разговариваютъ. Играютъ въ рамсъ и преферансъ, рѣдко въ винтъ, а послѣ двѣнадцати — въ желѣзную дорогу. Разговоры—студенецкія сплетни, мнѣній ни у кого никакихъ: такъ, куда вѣтеръ.

— Теперь, знаете, по другому считается!—любимый запѣвъ, за которымъ жди отзывъ совсѣмъ противоположный вчерашнему.

Въ часъ по домамъ: пора и честь знать.

Дорога изъ клуба лежитъ мимо дома предсѣдателя земской управы Бѣлозерова. Ноги не твердо, но по привычкѣ волокутъ къ завѣтному дому предсѣдателя.

Предсѣдатель Бѣлозеровъ, студенецкій помѣщикъ, щеголь изъ неокончившихъ лицеистовъ, держался въ сторонѣ отъ клубныхъ пріятелей, но дѣло не въ самомъ Бѣлозеровѣ, а въ его Василисѣ Прекрасной.

Эту Василису Прекрасную поялъ себѣ предсѣдатель прямо на корню, какъ говорилъ Исцовъ—Пеликанъ: работала Василиса на сплавной баржѣ, надъ помпой, увидѣлъ ее Бѣлозеровъ, остановились глаза его на Василисѣ, взыграло сердце, и купилъ онъ ее у родителей. Въ своемъ домѣ держалъ Бѣлозеровъ Василису взаперти—сидѣлъ, какъ ястребъ надъ бѣлымъ тѣломъ, и лишь въ праздники

разряженную по послѣдней модѣ выпускалъ ее въ церьковь къ обѣднѣ. И ужъ Богъ вѣсть съ какими цѣлями, по нелюдимству что-ли своему, заставлялъ онъ Василису раздѣваться и такъ нагишомъ прогуливаться въ гостиной, увѣшанной зеркалами, а самъ разляжется на диванѣ, лежитъ и куритъ, либо велитъ полъ вытирать и безъ того, какъ зеркало, ясный, и тоже лежитъ да покуриваетъ.

Въ щелку въ освѣщенное окно можно все разглядѣть, не надо и щуриться.

И въ часъ крѣпкаго студенецкаго сна, въ часъ вторыхъ пѣтуховъ нерѣдко можно видѣть, какъ у щелки освѣщеннаго Бѣлозеровскаго окна, дружно обнявшись, припадаютъ къ окну полунощные пріятели, и наступаетъ такая минута — Петруша Грохотовъ ногтями царапаетъ стѣну.

Дальше дорога поворачиваетъ къ дому слѣдователя Боброва. Пріятели не обойдутъ и его, и чей-нибудь кулакъ ужъ непремѣнно дубаснетъ въ ставню, а въ верхнемъ окнѣ у слѣдователя и не мигнетъ, упорно горитъ одинокій безсонный огонь.

Съ тѣхъ поръ, какъ съ семьей было покончено и домъ разоренъ, изъ вечера въ вечеръ оставаясь одинъ, въ молчанномъ житіи своемъ, Бобровъ, кромѣ чтенія, большую часть часовъ ночныхъ удѣлялъ сочиненію.

Сочиненіе его выходило замысловатое, нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта и не лицу какому-нибудь неизвѣстному, не студенецкому подсудимому, а всему русскому народу. И было похоже на то, какъ

когда-то въ старину въ смутные годы дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ „Временникѣ“ своемъ, подводя итогъ смутѣ, выносилъ свой приговоръ русскому народу, безсловесно молчащему, а троицкій монахъ Авраамій Палицинъ судилъ русскій народъ за его безумное молчаніе.

Отъ столповъ московскихъ, съ начала государства русскаго до послѣдняго заворошенія — памятныхъ дней свободъ собиралъ Бобровъ дѣянія народныя и творилъ надъ ними свой судъ.

Обиды, насильство, разореніе, тѣснота, недостатокъ, грабленіе, продажа, убійство, непорядокъ и беззаконіе—вотъ русская земля.

Нестойкій, другъ съ другомъ неладный, бредущій розно, разбродный и смолчивый, безгласный—вотъ русскій народъ.

Къ совѣсти русскаго народа обращался Бобровъ, ибо въ совѣсти народной—покой земли.

Что же спасетъ русскую землю, выдванную, выженную, выбитую, вытравленную и опустошенную? Кто уничтожитъ кромолу? Кто разоритъ неправду? Что утолитъ вражду? И гдѣ царскій костыль? — все въ розни, въ конецъ разорено! Гдѣ безстрашныя прямыя думы, безтрепетное сердце? — думаютъ, что правятъ и строятъ, а наводятъ землю на лихо! Безнарядье низложитъ русское царство, смететъ русскій народъ.

Законность, искони невѣдомая Россіи, вотъ столпъ, которымъ укрѣпится земля.

Сочиненіе со временемъ было заброшено, писаться ужъ ничего не писалось, но вся сила его,

все воодушевленіе, чувство, проникающее каждое слово, и дерзостно и повелительно обращенное къ русскому народу, къ родной землѣ, осмысливало безсмысленную, разбитую жизнь Боброва.

Онъ зналъ, для чего ему надо по утру подняться и итти внизъ въ свою слѣдовательскую камеру, и терпѣливо сидѣть до вечера, допрашивать и подписывать бумаги, и на слѣдствіи во время облавы гоняться псомъ по разбойнымъ слѣдамъ.

Законность, единственное спасеніе гибнущей Россіи, законность, выкоренить корень которой долгъ всякаго русскаго, любящаго свою родину, законность, безъ которой не можетъ быть русскаго государства, законность, которую проводилъ онъ въ своей дѣятельности, была его крѣпостью, смысломъ его жизни — дѣломъ его души.

Сочиненіе лежало въ ящикѣ письменнаго стола, ящикъ запертъ на ключъ. И проходили мѣсяцы, годы, а онъ не отпиралъ ящика, не раскрывалъ тетради, но въ минуты безумія среди одинокой ночи всѣ помыслы его обращались къ завѣтной тетради, къ кресту трудовъ его, и гнѣвъ его разгорался.

Сидя передъ зеркаломъ одинъ среди ночи въ ночи онъ заводилъ свой тайный разговоръ, свою буйную рѣчь — къ зеркалу, къ самому себѣ, какъ съ площади московской съ Лобнаго мѣста, съ Петровскаго подножья отъ памятника русскаго великаго царя къ русскому народу.

Та боль, та душащая тоска собственной своей разоренности, отъ которой воздухъ спирался и хотѣлось пить до одури, вылились съ годами въ же-

сточайшія обличенія — въ плачъ надъ разоренностью земли русской о погибели русскаго народа.

И вотъ будто въ рукѣ его и вяжущая, и рѣшающая сила, знаетъ онъ и корень зла, и средство спасенія, можетъ онъ указать, чѣмъ и какъ спастись Россіи.

А съ каждымъ днемъ безтолковая жизнь приносила ему все новыя беззаконія.

„Или ужъ самоуправство вошло въ плоть и кровь русскаго народа? — спрашивалъ онъ себя, — и замѣшались всѣ люди, а вѣка строющаяся Россія разваливается, разсыпается и послѣдній русскій забываетъ свою родную рѣчь, а смерть не спитъ — сильный чужой народъ вотъ полчищемъ вступитъ въ страну, смерть не спитъ — растерянный, расшатанный, ослабленный, оплеванный, оплевывающійся, спившійся русскій народъ — бродникъ народъ! — безъ боя, нѣтъ, на разоренномъ полѣ своемъ, предавая братъ брата, предастся врагу".

— Придутъ дни, — говорилъ онъ, — да это правда, пророчество право, дни ужъ идутъ, приближается срокъ, когда живущіе въ этомъ дворѣ не ступятъ по нему ногами своими, и затворятся его ворота и не отворятся болѣе и запустѣетъ этотъ дворъ — запустѣетъ Россія!

А передъ глазами его изъ глуби вѣковъ вставала строющаяся Россія, когда клались соборы, срубались церкви, ставились колокола.

Пожаръ уничтожитъ все до послѣдняго, и вновь упорно и терпѣливо на пепелище свозятся камни и лѣсъ и снова подымается стройка. Такъ городъ

за городомъ застраивалъ народъ большую землю — Русь. И чѣмъ крѣпче церковь, чѣмъ выше храмъ, чѣмъ больше звонитъ колоколовъ, тѣмъ сильнѣе городъ, смѣлѣе рѣчь — русская рѣчь. Такъ храмъ за храмомъ — городъ за городомъ строилась Россія.

И вотъ не поганый Ахмыла, Грозный царь приходитъ на свою землю и разоряетъ свой родной русскій городъ.

— Когда новгородскаго владыку, обряженнаго шутомъ, по приказу царя возили по городу съ бубенцами верхомъ на бѣлой кобылѣ, когда всенародно поставленные на правежъ до полутысячи монаховъ палицами забиты были на смерть, вотъ когда еще беззаконіе ядомъ вошло въ русскую кровь. И московскій святитель, мученикъ, вѣрный и твердый сынъ Россіи, правъ. Да, „у татаръ есть правда, во одной Россіи нѣтъ ея, во всемъ мірѣ ты встрѣтишь милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ!"

И одно за другимъ изъ казней казнь, смертною для народа казнью, беззаконіе — съ верху разгромъ, съ низу погромъ все тяжче, все неистовѣе вставали передъ нимъ изъ вѣка черезъ Москву съ ея застѣнками, черезъ смуту съ ея предательствомъ, черезъ Петербургъ съ его злодѣйствомъ до послѣдняго заворошенія — памятныхъ дней свободъ.

Въ крови беззаконный, развращенный беззаконствомъ ужъ представлялся ему русскій народъ затвореннымъ псоглавымъ народомъ, который въ концѣ вѣковъ, въ конечные дни земли и свѣта бросится съ воемъ, кривляясь, пьяный отъ воли изъ

своего тысячелѣтняго плѣна на свободные народы и истребитъ всѣ царства.

Клопами обкидывали беззаконства родного народа, и уста его закипали кровью.

— Когда на аграрномъ погромѣ, спаливъ усадьбу, погромщики выкололи глаза лошадямъ, когда въ еврейскомъ погромѣ громилы вбивали въ глаза и въ темя гвозди, когда околоточный въ участкѣ тушилъ попироску о голое тѣло арестантки, когда хулиганы, ограбивъ прохожаго, отрѣзали ему губу такъ, ни для чего, когда революціонеры убиваютъ направо и налѣво по указкѣ какого-то провокатора, когда воры распяли купца, прибивъ его руки гвоздями къ стѣнѣ, а ноги къ полу, требуя денегъ, когда судья оправдываетъ явнаго убійцу-погромщика,—кто это дѣлаетъ, какой народъ? — и вспоминается ему, какъ недавно въ холодной арестованные хулиганы расправлялись съ сектантомъ за его отказъ перекреститься, обливали и били его, а полицейскіе у окошка, поощряли ихъ, и, обозленные его терпѣніемъ, повалили его на полъ лицомъ — одни сѣли на спину, другіе ему загибали утку, чтобы сломать хребетъ, измучились, а не сломали и, наконецъ, забили ему носъ и ротъ табакомъ, — кто это дѣлаетъ, какой народъ?.. А когда деревенскіе парни охальники, встрѣтивъ священника, заставили его плясать, когда на свадьбѣ подрядчикъ затѣялъ показать работнику, какъ надо учить жену, и ременнымъ черезсѣдѣльникомъ билъ по голой спинѣ чужую беременную бабу, когда конокраду воткнули въ задъ палку, когда мать ставитъ свою

дочь на рельсы и приказываетъ броситься подъ поѣздъ: „Бросайся, ты никому не нужна!“, а другая мать ищетъ покупателя на свою дочь, когда въ волостномъ судѣ, пытая обвиняемыхъ, одного жгли раскаленнымъ желѣзомъ, а другого подымали на дыбу, припекая ему пятки, третьему облили спину керосиномъ и подожгли, четвертому въ половые органы вгоняли мелконарѣзанный конскій волосъ,— кто это дѣлаетъ, какой расточенный, убившій въ себѣ душу народъ? Какая измѣнная голова, измѣнная землѣ своей, измыслила дѣла такія на пагубу себѣ и всему народу? А хихикающее трусливое общество съ своимъ обезьянскимъ гоготомъ, бездѣльное... Лѣнтяи и тунеядцы, воры, желающіе выгородить лѣнь свою и кричащіе на всѣхъ перекресткахъ свой дешевый погромный кличъ и въ этой травлѣ видящіе все русское дѣло! Нищіе душой, слѣпые недоноски, голыши духомъ, не находящіе ничего другого для культуры Россіи, для русскаго народа, какъ хулить и ругать Россію. Нашли занятіе! Нашли себѣ русское дѣло! Продажные лицемѣрные исполнители, налагающія на другихъ законъ, а сами нарушающіе его, первые предатели, первые измѣнники, первые злодѣи. Подлое общество, подлый народъ! Для кого же дорога Россія, кто ей вѣренъ, кто о ней печется, кто держитъ свою клятву служить ей неизмѣнно — непреложно—неотъятно... Нѣтъ, „я не-русскій! — отскакивалъ отъ зеркала Бобровъ,—не русскій, я нѣмецъ, всѣ русскіе предатели и воры!“ — и стоялъ самъ для себя одинъ — откатный камень —

одинъ съ поднятымъ кулакомъ передъ всѣмъ народомъ, а стягъ его, палка его — законъ — смертоносное знамя, какъ крестъ воздвизалый, тихо опускался на землю, а съ нимъ погружался во тьму и весь народъ русскій, неустойчивый, неладный, смолчивый.

Послѣдней вспышкой загоралось сознаніе, — отчаяніе опустошало душу. И подъ стукъ въ ставню возвращающихся веселыхъ клубныхъ пріятелей, Бобровъ валился безъ мысли, безъ думы, и угарный сонъ безъ сновидѣній, тягучій и странный, покровенный темною кровью, давилъ и путалъ его до безумнаго утра, до дѣлового дня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДУБОНОЖІЕ.

Многихъ ли ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, какъ сказалъ бы лѣтописецъ, или и безъ вины, по какимъ другимъ причинамъ, къ грѣху не относящимся, а просто такъ, много самыхъ неожиданныхъ происшествій совершалось въ Студенцѣ.

Въ прошломъ году приказчикъ истребительнаго общества изъ бывшихъ матросовъ Кочновъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ ожиданіи кометы привязалъ себя веревкой за якорь и закопался въ землю. Только съ помощью Петруши Грохотова, какъ самъ Петруша увѣрялъ всѣхъ въ клубѣ, извлекли Кочнова изъ ямы, но бѣдняга ужъ недолго погулялъ по бѣлому свѣту, затосковалъ и до кометы померъ.

А нынче по веснѣ, откуда ни возьмись появились въ Студенцѣ черви, несмѣтное ихъ количество. Ползли они по талому снѣгу отъ провизора Глейхера мимо гостиницы Опарина, мимо казначея Понюшкина и прямо на протопопа Виноградова, съ запада на востокъ, и размножались съ быстротою молніи, какъ говорилъ Петруша. Трое сутокъ ползли

черви на протопопа, потомъ вдругъ повернули на исправника и пропали. И пока ползли они, погода стояла теплая, а когда сгинули, стало вѣтренно.

Трогать червей никто не рѣшался и даже смотритель тюрьмы Ведерниковъ, ужъ на что пресловущъ паче всѣхъ въ таковомъ дѣлѣ — на чистотѣ помѣшанъ: арестантовъ чистоты ради въ камерахъ нагишомъ держитъ, да и тотъ не притронулся. А червякъ, хоть съ виду и походитъ на червя, но было что-то указающее и въ тѣлесномъ его строеніи и въ разсѣченіи естества его: весь покрытъ рѣдкими черными волосками, на брюшкѣ у однихъ, какъ сосочки, ножки болтались, а у другихъ брюшко было совершенно гладкое.

Вдовая дьяконица Агнцева, отвѣтственный членъ общества истребителей, поймала-таки пару, и послѣ всѣмъ желающимъ въ лавкѣ показывала.

Что говорить, много всякихъ бывало случаевъ, но все это пустяки и совсѣмъ не похоже на то, что случилось на утро послѣ именинъ протоповскихъ, — чудеса въ рѣшетѣ, какъ вечеромъ послѣ говорили въ клубѣ, когда ужъ очухались.

У студенецкаго исправника Александра Ильича Антонова выросли ослиныя уши чудеснымъ образомъ.

И не въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ, а на самомъ дѣлѣ, по всей по правдѣ и притомъ всего за одну ночь — чего ночь! — за нѣсколько часовъ ночныхъ, а можетъ быть, въ одну минуту, внезапно, вдругъ выскочили такія вотъ надъ его крѣпкимъ стриженнымъ лбомъ и заторчали сущимъ безобразіемъ.

Конечно, другому бы — мало ли на свѣтѣ какихъ лицъ попадается, да и тутъ, въ Студенцѣ подъ бокомъ не мало ходитъ, взять хоть того же Лепетова, наблюдателя, или члена епархіальнаго совѣта тоже Лепетова губернскаго, наѣзжающаго въ Студенецъ на экзамены, экзаменатора, извѣстнаго больше подъ кличкою Соленаго огурчика, да уши эти и совсѣмъ подошли бы и очень кстати были бы, и кто знаетъ человѣка человѣкомъ сдѣлали бы. Но Александръ Ильичъ не Лепетовъ, наблюдатель, не Лепетовъ экзаменаторъ — Соленый огурчикъ, для Александра Ильича такое пріобрѣтеніе — зарѣзъ одинъ, Божье наказаніе, безобразіе.

При всей-то его лихой складности — и вдохновляетъ и страхъ наводитъ! — ну, кабы рога оленьи, еще туда-сюда, и то, пожалуй, не совсѣмъ ужъ, когда и серебро въ бородѣ и одышка беретъ, при всей-то осанкѣ его и лучезарности — Лучезарнымъ прозывали студенецкаго исправника, и вдругъ эти самыя уши.

Именины соборнаго протопопа о. Николая Виноградова въ году однажды, да на весь круглый годъ.

Столъ именинный бывалъ полный, пустыя блюда не подавались, ходило агнче съ яицы учинено, по словамъ именинника, — баранья нога, зажаренная съ яйцами, и только не доставало, что яйца струфокомилова, а упивались такъ, кто въ улогъ, кто наповалъ. Позапрошлой весной на именинахъ покойному головѣ Талдыкину и смерть приключилась судомъ Божіимъ, — не выдержалъ и Богу душу отдалъ.

Пировалъ Александръ Ильичъ у протопопа и былъ грѣхъ, соблазнилъ его попъ краснымъ ягоднымъ медомъ, а потомъ ужъ пошло вино доброе да пѣнное, разрѣшилъ себѣ Александръ Ильичъ, не сдержалъ своего воздвиженскаго зарока, но особеннаго ничего не произошло, въ карты, какъ еще никогда, везло, всѣхъ обыгрывалъ, загребъ золота — дѣвать некуда, и домой вернулся на двухъ ногахъ.

А вотъ на утро, возбнувъ отъ сна, какъ выразился бы протопопъ именинникъ, и погладивъ себя по крѣпкой ежовой головѣ своей, Александръ Ильичъ съ трепетомъ ощутилъ на себѣ присутствіе вещей неприличныхъ: сразу какъ-то сообразилъ и понялъ онъ, что уши не его, уши у него ослиныя, а сидятъ очень прочно.

Слѣдовательшѣ Бобровой Прасковьѣ Ивановнѣ быки снятся, будто все быкъ на быкѣ и всякій за ней гонится и настичь ее хочетъ, почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ, охотникъ, видитъ во снѣ утокъ, гусей — дичь всякую, лѣсничій Кургановскій ничего во снѣ не видитъ, а исправнику, хоть и не часто, а если заладитъ сниться, такъ ужъ изъ ночи въ ночь военныя сраженія снятся.

Не во снѣ, на яву чувствовалъ Александръ Ильичъ эти уши, и все, кажется, понималъ, но къ зеркалу подойти посмотрѣться никакъ не рѣшался, и сидѣлъ на диванѣ, — на диванѣ въ кабинетѣ стелили исправнику безъ исправничихи, — сидѣлъ и ощупывалъ себя, свои уши: тянулъ за мякишъ, крутилъ за маковку, такъ закрутитъ, этакъ

вывернетъ. И чѣмъ больше онъ крутилъ и вертѣлъ ихъ, тѣмъ прочнѣй чувствовалъ ихъ, и безъ всякаго зеркала яснѣе яснаго видѣлъ себя во весь свой антоновскій ростъ, во всей своей лучезарности: на шеѣ Анна, грудь въ медаляхъ, разгарчивый румянецъ, крыломъ борода—волосокъ къ волоску, и, Богъ знаетъ, пальца на два масленистыя съ палевымъ отливомъ въ рѣдкихъ черныхъ волоскахъ, подобныхъ тѣмъ, что у червей Агнцевой дьяконицы, торчали ослиныя уши.

Исправникъ въ Студенцѣ, что губернаторъ въ губернскомъ городѣ въ Лыковѣ, выше его нѣтъ начальства: и богатитъ, и убожитъ, и смиряетъ и выситъ.

И конечно, предстань онъ, ну, хоть въ соборѣ на молебствіи и ни въ какомъ-нибудь, а въ песіемъ образѣ, да тотъ же протопопъ Виноградовъ ему первому дастъ къ кресту приложиться.

Эка бѣда, что уши, — серпомъ силы своей всякаго посѣчетъ!

Памятныя книги времени — лѣтопись студенецкая помнитъ событія куда знаменательнѣе и не такое было дѣемо и творимо — и былъ миръ и любы, порядокъ и благочиніе.

Посмѣяться надъ исправникомъ никто не посмѣетъ.

„Бобровъ - Оглодокъ!“ — вспомнился исправнику Бобровъ, и при одномъ воспоминаніи о слѣдователѣ кинуло его въ жаръ.

И Александръ Ильичъ всѣхъ перечислилъ, всѣхъ жителей студенецкихъ съ Бѣлозерова пред-

сѣдателя до пажа-босяка и Ѳенички гулящей, и всѣхъ перебралъ клубныхъ пріятелей: и старшину клубнаго, члена суда Богоявленскаго, и судью Налимова, и земскаго начальника Салтановскаго — Законника, и акцизнаго Шверина — Табельдота, и агронома Пряткина — Свинью, и управскаго секретаря Нѣмова, и податного Стройскаго — Донъ-Жуана, и почтмейстера Аркадія Павловича Ярлыкова, и землемѣра Каринскаго, и Торопцова, полицейскаго доктора, и лѣсничаго Кургановскаго — Колоду, — и ни въ комъ не усумнился, Бобровъ, одинъ Бобровъ слѣдователь лѣзъ ему въ голову.

Поистинѣ Богъ попускаетъ, Сатана дѣйствуетъ.

Бобровъ не полюбопытствуетъ, какъ другіе, не спроситъ по пріятельству, откуда, молъ, Богъ послалъ такое и по чьей милости, но за то ужъ такъ посмотритъ, а скорѣе всего просто обойдетъ, какъ обходятъ помётъ, чтобы ногой не попасть, а уши тогда, какъ на грѣхъ, еще чего добраго, и зашевелятся.

„Будетъ онъ шевелить ушами или не будетъ?“ — сталъ новый вопросъ, и Александръ Ильичъ упалъ духомъ, а въ глазахъ стало зелено и замелькали огненныя палочки: почувствовалъ онъ, какъ при одной только мысли уши сами собой зашевелились, такъ и запрыгали, какъ у коня.

Случись дома исправничиха Марья Северьяновна, дѣло ну какъ-нибудь да наладилось бы: Марья Северьяновна, что хочешь, все обладитъ. Но исправничиха въ Чертовыхъ садахъ, ей тамъ дѣла всякаго и безъ ушей по горло.

И что онъ скажетъ Марьѣ Северьяновнѣ? Воздвиженскій-то свой зарокъ нарушилъ, не сдержалъ слова! Какой онъ Марьѣ Северьяновнѣ отвѣтъ дастъ? Не поблагодаритъ его исправничиха, и очень даже. И было-бъ всего лучше ему послѣ именинъ протопоповскихъ вовсе не проснуться, такъ и почить бы сномъ до радостнаго утра.

„И за что мнѣ такое? Такъ жестоко! И добро бы за грѣхъ смертный, за птичеблудіе какое или за пупорѣзину тамъ, какъ говорится, а то всего и есть, что на именинахъ у священника, протопопа и притомъ отца духовнаго выпилъ рюмку вина, поздравилъ! Конечно, зарокъ нарушилъ, обѣщанія не сохранилъ, ошибся, не отпираюсь"...

Александъ Ильичъ сидѣлъ на диванѣ и шевелилъ ушами.

„Марья Северьяновна, ты отъ меня не отступишься?—горькія шли мысли,—Марья Северьяновна, не отступись!"

Александръ Ильичъ молебно поднялъ глаза:

„Не отступись!" — и вдругъ, не вѣря глазамъ, неистово замоталъ головой.

Прямо противъ него, подъ его знаменитымъ косымъ ковромъ заграничныхъ и разныхъ звѣрей, двѣнадцати шерстей разныхъ волковъ, про который шла молва, что цѣны ему нѣтъ—„сколько милліоновъ и ордаліоновъ тысячъ несмѣтныхъ денегъ!"—даръ тихвинскихъ монашекъ, подъ безцѣннымъ ковромъ трупомъ лежалъ на диванѣ Петруша Грохотовъ.

— Петруша!—покликалъ Александръ Ильичъ,—

Петичка! — и затаилъ дыханіе, а сердце стучало, какъ въ дѣтствѣ когда-то на большихъ пожарахъ, до которыхъ Александръ Ильичъ всегда былъ большой охотникъ: на Петрушу ветеринара вся была надежда.

Чутокъ на окрикъ Петруша, какъ конь, и какъ ни крѣпокъ былъ его сонъ, а и сквозь трупное хмельное забытье свое услышалъ онъ окликъ, сплюнулъ и выругался чисто по-русски; въ словахъ и движеніяхъ по природѣ своей безъ всякой застѣнчивости, Петруша даже и при дамахъ ругался, только по-малороссійски.

— Петруша, Петичка!—Александръ Ильичъ голоса своего не узналъ: это былъ какой-то лисій голосокъ пѣтушку, когда лисица соблазняла пѣтушка горошку поѣсть, такъ не говорилъ Александръ Ильичъ и въ бытность свою лыковскимъ полицмейстеромъ съ губернаторомъ, уши немилосердно дергались и онъ тянулъ ихъ вверхъ за маковку, — Петруша, спасай!

Поднялся Петруша, и водкой залитымъ глазомъ уставился на исправника,—волосы у Петруши, какъ у бѣса, стояли стрѣлами, а Петрушина пушка пыхнула вдругъ такимъ крѣпкимъ дымомъ, отъ котораго померкло само майское ясное утро, и исправникъ поплылъ куда-то съ своими ушами.

Слезно повѣдалъ Александръ Ильичъ пріятелю бѣду свою.

— Копытной мазью,—сказалъ Петруша, ждать себя не заставилъ, — трещины на копытахъ заживаютъ, вѣрное средство!

И Петрушѣ оставалось немедленно примѣнить свое вѣрное средство,—Александръ Ильичъ готовъ былъ не только смазаться этой копытной мазью, но и во внутрь принять ее, сколько влѣзетъ, лишь бы была польза, — но Петруша вдругъ завертѣлся, какъ на шилѣ, и поистинѣ запѣлъ райской птицей.

О томъ, что случай подобный ужъ былъ однажды и ни съ кѣмъ-нибудь, не съ простымъ человѣкомъ, а съ царемъ: у царя фригійскаго выросли ослиныя уши, — Александръ Ильичъ ровно ничего не зналъ, и никакого понятія не имѣлъ, а Петруша кое-что помнилъ, путая, правда, Мидаса съ великимъ тезкою исправника, старинное же сказаніе о Ноѣ, какъ праведный Ной въ ковчегѣ звѣрей обуздалъ, зналъ Александръ Ильичъ такъ же хорошо, какъ и Петруша.

Есть такое сказаніе о Ноѣ, какъ праведный Ной, впустивъ въ ковчегъ звѣрей, чистыхъ по семи паръ, а нечистыхъ по двѣ пары, задумалъ, обузданія ради и удобства общаго, лишить ихъ, временно вещей существеннѣйшихъ. И отъявъ у каждаго благая вся, сложилъ съ великимъ береженіемъ въ храмину—мѣсто скрытое. И сорокъ дней и сорокъ ночей, во все время потопа сидѣли звѣри по своимъ клѣткамъ смирно. Когда же потопъ кончился и храмина была отверста, звѣри бросились за притяженіемъ своимъ, и всякъ разобралъ свое. И лишь со слономъ вышла великая путаница, слону въ огорченіе, ослу на радованіе и похвалу.

Оселъ, стяжавшій себѣ слоновую долю, да царь

фригійскій съ ослиными ушами увлекли воображеніе Петруши.

И правда, не руками, языкомъ добывалъ Петруша хлѣбъ свой насущный.

Александръ Ильичъ попадетъ будто бы въ греческую исторію, и будутъ его съ греческаго переводить въ гимназіяхъ, двойки за него ставить, да проваливать на экзаменахъ, и, само собой, повышеніе онъ получитъ, чуть не губернаторомъ сдѣлается, а дойдетъ до Петербурга, министерскій портфель за нимъ обезпеченъ—министръ народнаго просвѣщенія!

— Съ такимъ золотымъ сокровищемъ, — райской птицей заливался Петруша,—да такого другого съ огнемъ не сыщешь, никакимъ дубоножіемъ не взять, фактъ историческій, министръ! Смотри на тебя и учись! А наши дамы! Отбоя не будетъ, Бѣлозерова орогатить можно, покажемъ ему три пальчика, Василису Прекрасную полъ вытирать себѣ заставишь.

Повышенія по службѣ Александръ Ильичъ очень хотѣлъ, но при чемъ тутъ повышеніе, никакъ понять не могъ. Что же касается дамъ и какъ это ни соблазнительно было, чтобы сама Василиса Прекрасная вытирала полъ ему, старался Александръ Ильичъ пропускать мимо ушей.

Изъ-за дамъ у Александра Ильича вышли однажды большія непріятности.

Будучи лыковскимъ полицмейстеромъ, разрѣшилъ Александъ Ильичъ цирковымъ танцовщицамъ прокатиться среди бѣла дня, и притомъ во всей ихъ

прекрасной натурѣ, на велосипедахъ по Московской: танцовщицы прокатиться прокатились, а онъ полетѣлъ съ мѣста.

Копытная мазь, въ которую увѣровалъ Александръ Ильичъ и неослабно держалъ въ памяти, охлаждала всякій Петрушинъ соблазнъ.

А Петруша такое городилъ, такія живописалъ слѣдствія,—и конца тому не было, откуда шли Петрушины рѣчи.

— Да съ такимъ дубоножіемъ, это, братъ, тебѣ финики не простые, понимаешь ты, любого пришпоришь, все можно!

— Петруша, сдѣлай милость,—больше ужъ не вытерпѣлъ, перебилъ исправникъ, — Петечка, дай своей мази!

— Ма-ази...—передразнилъ Петруша,—самъ отъ своего добра бѣжишь! — и что-то еще и совсѣмъ неподходящее буркнувъ, схватился одѣваться, и ужъ скоро совсѣмъ былъ готовъ, застегнутый и подтянутый, и только картузъ на голову да за дверь.

— Петруша,—голосъ у Александра Ильича даже дрогнулъ,—я тебя очень прошу, пожалуйста, честное слово, никому не сказывай!

— Ладно, сиди ужъ,—и упорхнулъ Петруша.

И пока леталъ Петруша за своей чудодѣйственной копытной мазью къ благодѣтелю своему провизору Адольфу Францевичу Глейхеру, и пока тамъ что да какъ, въ Студенцѣ совершилось событіе немалому удивленію, но и слезамъ достойное.

Студенецъ — городъ торговый: торгуетъ Нахабынъ, Табуряевъ, Яргуновъ, Пропенышевъ, Зачесовъ—студенецкіе лѣсопромышленники, торгуетъ и уѣздный членъ суда Богоявленскій черезъ доброписца Исцова—Пеликана. Зимою самая горячка—кипитъ работа: зимняя заготовка къ предстоящему сплаву, чтобы вывести лѣсъ къ рѣкѣ. Съ каждымъ сплавомъ растутъ хозяйскія накопленія. Студенецъ—городъ со средствами.

И телеграфъ круглый годъ не бездѣйствуетъ, не сидятъ, сложа руки.

Телеграфистка Нюша Крутикова, какъ всегда, принимала одно и то же и Нахабину, и Табуряеву, и Яргунову, и Пропенышеву, и Зачосову, развлеченія не предвидѣлось. А за торговыми шли телеграммы случайныя: предсѣдателю Бѣлозерову, смотрителю тюрьмы Ведерникову, предводителю Бабахину да двѣ запоздалыя имениннику протопопу Виноградову:

„Наилучшія дню сердца пожеланія" — и просто, какъ напишетъ, по словамъ Васи Кабанчика, всякая баба:—„поздравляю съ ангеломъ!".

Вася Кабанчикъ продавалъ марки.

День былъ базарный, на почту приходилъ народъ, были и такіе, что дожидались. День обѣщалъ быть жаркимъ, и на почтѣ спирало по почтовому.

Нюша Крутикова вдругъ оживилась: любопытное что-то бѣжало по лентѣ,—телеграмма, въ Студенецъ телеграмма, да какая!

Наблюдателю епархіальному Лепетову адресована была эта телеграмма. Наблюдателю Лепетову

сообщалось извѣстіе чрезвычайное: въ Студенецъ къ одиннадцати часамъ на автомобилѣ пріѣзжаетъ губернаторъ.

И первый, кто узналъ эту новость, былъ Вася Кабанчикъ.

Сейчасъ же, ни минуты не медля, внѣ очереди понесъ Еремей сторожъ телеграмму къ Лепетову наблюдателю. И ужъ вся почта знала о губернаторѣ. А тѣ посѣтители, что толклись со всякими посылками, немедленно разнесли вѣсть по базару.

Безъ шапки бѣжалъ Вася Кабанчикъ съ извѣстіемъ къ почтмейстеру Аркадію Павловичу.

Аркадій Павловичъ, какъ и прочіе чины студенецкіе, сладко почивалъ себѣ послѣ именинъ протопоповскихъ, и снилась ему его любимая дичь.

Снилось Аркадію Павловичу, сидитъ онъ будто съ акушеркой Бареткиной у себя на крышѣ курятника, и летятъ будто гуси—стадо гусиное и прямо надъ головою. Аркадій Павловичъ и говоритъ сосѣдкѣ:

„Давайте, Аграфена Ивановна, имать ихъ!"

А одинъ гусь отдѣлился отъ стаи, летитъ къ курятнику. Вытянули они руки, заманиваютъ гуся, поймать хотятъ. И вдругъ такъ быстро и незамѣтно налетѣлъ этотъ гусь на Аркадія Павловича и уклюнулъ его прямо въ ладонь. Тутъ Аркадій Павловичъ хвать гуся да за горло, сдавилъ горло, и что же?— не гусь, оказалось, а ястребъ, да какой ястребъ...

Вася Кабанчикъ, слюня и шепелявя и по природѣ и отъ волненія, передалъ возбуженному Аркадію Павловичу чрезвычайное извѣстіе: самъ

онъ, Кабанчикъ, и телеграмму принялъ безъ двадцати трехъ минутъ десять.

Не умывшись, безъ чаю, напялилъ Аркадій Павловичъ мундиръ да бѣгомъ прямо къ исправнику.

И трехногая лохматая бѣлая собака его Оскарка пустилась за нимъ.

„Самъ губернаторъ—на автомобилѣ!"—такъ и пуляло на каждой колдобинѣ, бросая почтмейстера то въ жаръ, то въ холодъ.

Александръ Ильичъ сидѣлъ на своемъ диванѣ, и надъ нимъ трудился Петруша, успѣвшій пропустить и не одну для промочки голоса у благодѣтеля своего Глейхера.

Чѣмъ-то шибающимъ, политанью какой-то натиралъ ветеринаръ исправнику уши, задѣвая озорства ли ради или отъ усердія мѣста непричастныя: то ляпнетъ по носу, то мазнетъ по шеѣ.

Эта и была та самая копытная мазь, въ которую увѣровалъ Александръ Ильичъ.

Градомъ катились слезы, смачивая побагровѣвшія его щеки, но онъ терпѣливо выносилъ свою горькую муку и безкорыстно, ибо на томъ свѣтѣ подобная мука врядъ ли зачтется.

Ни ушей необыкновенныхъ, ни слезъ горькихъ, ничего такого не замѣтилъ почтмейстеръ. Не здравствуясь, выкрикнулъ онъ о губернаторѣ, обращаясь не столько къ исправнику, сколько куда-то къ ковру косому, стоющему „столько милліоновъ тысячъ ордаліоновъ несмѣтныхъ денегъ".

— Въ одиннадцать на автомобилѣ губернаторъ!

„Въ одиннадцать на автомобилѣ губернаторъ!“ — и, какъ рукой, вѣрнѣе самой копытной мази, въ мигъ вобрались уши и изъ ослиныхъ опять стали антоновскими. Александръ Ильичъ вскочилъ съ дивана и, вымазанный весь, выскочилъ въ прихожую за почтмейстеромъ.

И ужъ въ одну минуту весь Студенецъ былъ поднятъ на ноги.

Всѣ четыре стражника пустились по городу: надо было оповѣстить голову Опарина, протопопа Виноградова, воинскаго начальника Кобырдяева, земскаго начальника Салтановскаго, а главное, во что бы то ни стало, вызвать изъ Чертовыхъ садовъ Марью Северьяновну.

Все чистилось, мылось, скреблось, смачивалось, смазывалось, гладилось, приглаживалось, мелось, уминалось, посыпалось пескомъ, и надъ всѣмъ разносилась отборная наша родимая ругань, помогающая во всякихъ случаяхъ.

Изъ городского, изъ приходскихъ и начальныхъ училищъ сгоняли мальчишекъ къ собору. Шведовъ учитель выстраивалъ парадъ потѣшныхъ.

Ужъ стражники метались, сами не зная куда, бѣгали собаки, шарахались съ крикомъ насѣдки. Безъ толку загоняли скотъ по дворамъ. Пыль подымалась выше соборной колокольни.

Вздоръ, нескладица, неразбериха.

Къ собору на площадь все стягивалось для встрѣчи.

Прибылъ воинскій начальникъ полковникъ Кобырдяевъ, старичокъ, пахнущій мазями бобковой,

камфорной и оподельдокомъ, и предсѣдатель земской управы Бѣлозеровъ одинъ, безъ Василисы Прекрасной, и казначей Понюшкинъ — Царь, судившійся изъ-за лисы съ покойнымъ головой Талдыкинымъ: до правительствующаго сената доходили и всеподданнѣйшее прошеніе на высочайшее имя подавали, и въ результатѣ Талдыкинъ, заплативъ сорокъ пять рублей судебныхъ издержекъ, померъ, а лисья шкура, сданная въ полицію на храненіе, сгнила.

Былъ на мѣстѣ и судья Налимовъ, и хромоногій членъ суда Богоявленскій, и земскій начальникъ Салтановскій — Законникъ, и акцизный Шверинъ — Табельдотъ, и агрономъ Пряткинъ — Свинья, и лѣсничій Кургановскій — Колода, и податной Стройскій — Донъ-Жуанъ, и смотритель тюрьмы Ведерниковъ, суетящійся съ выпученными отъ страха глазами, и Аркадій Павловичъ почтмейстеръ, и становой Лагутинъ, опухлый, съ волосатымъ кулакомъ, и членъ управы Рогаткинъ и именитое купечество студенецкое съ медалями: Табуряевъ, Яргуновъ, Пропенышевъ, Зачесовъ, и только не было самаго главнаго самого Нахабина, отлучившагося по дѣламъ въ Лыковъ, — все вятшіе мужи, чины студенецкіе и во всемъ парадѣ.

Вышелъ съ крестомъ протопопъ соборный о. Николай Виноградовъ и стоялъ протопопъ въ сонмѣ студенецкихъ поповъ, какъ куръ водный, сіесть павъ — павлинъ.

И самъ Александръ Ильичъ — Лучезарный съ нахлобученнымъ на уши картузомъ, какъ ужъ

послѣ старались другъ передъ другомъ замѣтить, что картузъ былъ нахлобученъ, самъ Александръ Ильичъ во всей красѣ своей, страшенъ, яко левъ, отдавалъ распоряженія, — и все по его слову творилось.

А помощникъ Александра Ильича Копьевъ въ своихъ неизмѣнныхъ валенкахъ гонялся за упрямой, непослушной коровой, которую, какъ ни бились, ничѣмъ не могли согнать съ площади.

И только не видно было головы — Павла Діевича Опарина.

Сколько не будили Опарина, сонъ его былъ непробуденъ. И всѣ средства пустили въ ходъ, какія только въ такихъ случаяхъ принимаются, и зыкъ звонный и трубный гласъ, — трудился все тотъ же Петруша Грохотовъ, но ничѣмъ нельзя было поднять голову.

И совсѣмъ ужъ было отчаялись, да клубный буфетчикъ Ермолай Игнатычъ посовѣтовалъ персидскимъ порошкомъ попробовать. Персидскій порошокъ и вывелъ Опарина на свѣтъ Божій.

Привезли голову на площадь, поставили.

Съ хлѣбомъ, съ солью стоялъ голова Опаринъ въ изумленіи.

Заштатный юродствующій попъ о. Песоченскій, ненарочнымъ дѣломъ похоронившій покойника о трехъ ногахъ: третья гутаперчевая, — нелѣпостно въ картузѣ своемъ, какъ псаломщикъ какой, толокся среди пѣвчихъ, прочищавшихъ горло. Моровой батюшка о. Ландышевъ, живыми и мертвыми обладающій, стоялъ въ новенькой камилавкѣ у союз-

наго стяга среди студенецкихъ мѣщанъ, пренебрегавшихъ по старинѣ колбасной лыковской, вѣруя, что колбаса съ человѣчиной: на пудъ мяса свиного, фунтъ человѣчьяго. О. дьяконъ Завулонскій нырялъ среди потѣшныхъ и, выбирая изъ карапузовъ что поменьше, дыхалъ въ носъ ребятишкамъ:

— Я на тебя дыхну, пахнетъ или нѣтъ? — пыталъ о. дьяконъ.

Но какая сила могла скрыть вчерашнія протопоповскія именины, и притомъ такъ врасплохъ!

Предсѣдатель Бѣлозеровъ, сторонящійся студенецкаго общества, только брезгливо морщился.

Базарный день собралъ народъ, какъ въ престольный праздникъ. Всѣмъ городомъ стоялъ народъ вдоль рядовъ противъ собора до самаго моста, и ужъ пройти можно было только бокомъ и то съ трудомъ.

Самъ старецъ Шапаевъ, что блудомъ лѣчитъ, не вылѣзающій со своего огорода, застясь отъ солнца, стоялъ въ кругу бабъ-поклонницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязнивыхъ, безъ шапки, босой, скорбный, съ образкомъ на груди. И бабушка Двигалка — Филиппьева, вездѣсущая, двигалась, перегоняясь съ мѣста на мѣсто, одна безъ своего благовѣрнаго Геннашки, оставшагося стеречь Колпаки. И Исцовъ — Пеликанъ, и Юлинъ парикмахеръ — Гришка Отрепьевъ, и Пашка — Папанъ, босякъ, тутъ же околачивался, беззазорно вымогая свой пажескій паекъ.

Малыши лѣпились вокругъ пожарнаго обоза и кишки, выставленной на показъ въ родѣ пушки.

За большой суматохой все путалось, и ужъ никто не зналъ, кого встрѣчали, губернатора или архіерея.

Туча галокъ, вспугнутая непривычнымъ гамомъ, накричавшись до хрипоты, усѣлась смирно на бѣлый куполъ собора.

Время шло къ полудню, а автомобиля съ губернаторомъ все не было, не было и Марьи Северьяновны исправничихи, и оттого Александру Ильичу было нестерпимо жарко: прямо огнемъ пекло.

И вотъ, какъ часто случается, вдругъ пригналъ стражникъ съ вѣстью:

— Ѣдетъ.

— Ѣдетъ! — побѣжало по площади отъ рядовъ до моста.

И черезъ какую-нибудь минуту тѣ, что стояли ближе къ мосту, увидѣли въ густомъ пыльномъ облакѣ мчащійся автомобиль.

Автомобиль свернулъ было въ сторону къ Нахабинской лѣсопилкѣ и какъ-будто пріостановился, пріостановился, помедлилъ, и ужъ прямо помчался къ мосту, черезъ мостъ, на площадь.

Наступила торжественная минута.

Лепетовъ наблюдатель, оболдѣвшій съ той самой минуты, какъ Еремей сторожъ вручилъ ему телеграмму, почему-то изъ всѣхъ его одного извѣщавшую о пріѣздѣ въ Студенецъ губернатора, вдругъ такъ смолкъ, словно ведро на него вылили, и зубъ на зубъ не попадалъ.

Фараонъ, понамарь соборный, съ расковырен-

нымъ носомъ для протрезвленія, занесъ ногу на доску, соединяющую большой колоколъ съ маленькими, и, какъ громъ, загремѣли соборные колокола.

Шапки долой — обнажились всѣ головы.

Протопопъ поднялъ крестъ.

Автомобиль, между тѣмъ, замедливъ ходъ, ужъ тихо катилъ, спотыкаясь о колдобины.

— Караулъ! Спасите! — возопилъ голова не своимъ голосомъ, вдругъ вышедши изъ изумленія своего, и, растопыривъ руки, присѣлъ кулькомъ.

Александръ Ильичъ бросился къ дверцамъ.

Дверцы открылись. И какъ-то сразу на обѣ ноги выпрыгнулъ изъ автомобиля Соленый огурчикъ, а въ спину экзаменатору ткнулась нахабинская ковшомъ борода.

Потѣшные грянули ура.

И звонили по всему Студенцу.

Когда клубнымъ пріятелямъ все надоѣдало — и карты и буфетъ, пускались обыкновенно на всякія выдумки: пили со свѣчкой — въ лѣвую руку огарокъ, въ правую — бутылку, или ставили на коверъ ведро водки, раздѣвались до гола и садились въ кружокъ — зачерпнутъ желѣзнымъ ковшомъ, и пойдетъ ковшъ въ круговую, такъ будто бы душа пропускаетъ.

Въ этотъ вечеръ послѣ утренней раструски, которая чуть было не стоила жизни головѣ Опарину, — долго голова не могъ возвратиться въ свой умъ, кричалъ птицей, свистѣлъ и никого не узнавалъ, но когда все такъ хорошо кончилось, не надо

было друзьямъ прибѣгать для развлеченія ни къ какимъ выдумкамъ: и безъ того всего было черезчуръ много.

Вечеромъ въ клубѣ чествовали виновника торжества экзаменатора Лепетова губернскаго — Соленаго огурчика.

Не встрѣча экзаменатору Лепетову — подвезъ экзаменатора на своемъ автомобилѣ изъ Лыкова Нахабинъ, не всѣ тѣ и досадныя и счастливыя, связанныя съ встрѣчей, внезапности, объ этомъ еще будутъ говорить, по крайней мѣрѣ, до слѣдующихъ именинъ протопоповскихъ, занимали общество дѣла семейныя.

Петруша Грохотовъ съ быстротою молніи, по его любимому выраженію, постарался всѣхъ оповѣстить о чудѣ съ исправникомъ и о своей копытной мази: на четыре вѣтра прокричалъ ветеринаръ антоновскія уши.

И чего только не было сказано и пересказано о этихъ ушахъ чудесныхъ, отъ которыхъ ужъ давнымъ давно и слѣда не было!

Ноево сказаніе, къ слову пришедшееся, Петруша разсказалъ во всеуслышаніе и со всѣми мельчайшими подробностями, съ перечисленіемъ звѣрей ковчежныхъ, а для наглядности и вразумительности уподоблялъ звѣрей присутствующимъ пріятелямъ, и много руками дѣйствовалъ, яко бы за недохваткой словъ точныхъ.

— Что же теперь съ Александромъ Ильичемъ будетъ? — допрашивали дамы ветеринара.

— Да отпадутъ, какъ и не было! — облизывался Петруша.

— А онъ лягаться не будетъ?

Но тутъ Петруша такое понесъ, ну, прямо изъ хрестоматіи Поливанова для старшаго возраста, работы учителя Шведова.

И вотъ въ самый разгаръ Петрушиныхъ рѣчей вошелъ въ клубъ Александръ Ильичъ, и сразу во всѣхъ пяти клубныхъ комнатахъ наступила мертвая тишина.

Александръ Ильичъ былъ, какъ всегда, лучезаренъ, но было въ немъ что-то и не похожее на него: сосредоточенность какая-то, словно бы одна изводящая мысль не покидала его, а по-просту говоря, Александру Ильичу хотѣлось напиться.

Марья Северьяновна, вернувшаяся изъ Чортовыхъ садовъ какъ-разъ въ самую развязку, когда вмѣсто губернатора вылѣзалъ изъ нахабинскаго автомобиля Соленый огурчикъ, нельзя сказать, чтобы осталась очень довольна, и Александру Ильичу попало на орѣхи.

— Оселъ! — сказалъ кто-то ужъ черезчуръ раздѣльно, какъ скажетъ тотъ, кому не достаетъ только свалиться подъ столъ и захрапѣть.

— Если и оселъ, то всѣ ослы! — поправилъ Петруша, какъ на ногу, такъ и на слово легкій.

И произошло нѣчто совсѣмъ ни на что непохожее: Александръ Ильичъ, покорно цѣлые часы слушавшій Марью Северьяновну и наслушавшійся отъ нея немало всякихъ ословъ, тутъ потерялъ и самое малое терпѣніе, размахнулся и кулакомъ уда-

рилъ по лицу подвернувшагося подъ руку агронома Пряткина — Свинью.

И поднялось сущее столпотвореніе и разсѣяніе языкомъ, чуть дѣло до ножей не дошло, не доставало только крикнуть, пожаръ.

Одни тянули Пряткина, другіе Александра Ильича, и, какъ это часто бываетъ, помяли бока и совсѣмъ не тому, кому слѣдуетъ. А никому, собственно, боковъ мять и не слѣдовало, просто надо было растащить сцѣпившихся.

Да такъ оно въ концѣ концовъ и случилось.

Виновнаго отыскали. Уговорили, утихомирили противниковъ и принялись за мировую.

Волей неволей долженъ былъ Александръ Ильичъ выпить и, вторично зарокъ нарушивъ, опять разрѣшилъ.

А Вася Кабанчикъ, съ пьяныхъ глазъ выкрикнувшій изъ уголка исправнику осла, — Вася Кабанчикъ почему-то считалъ себя единственнымъ виновникомъ всей путаницы, о Нюшѣ Крутиковой и помину не было, — Вася Кабанчикъ былъ извлеченъ изъ подъ стола и въ библіотекѣ подъ дружный гоготъ, совсѣмъ безчувственнаго, его потрошили.

И натѣшившись надъ Кабанчикомъ, качали обезноженнаго экзаменатора Лепетова, — Соленаго огурчика, потомъ сѣли ужинать.

За ужиномъ Петруша впалъ въ ражъ и, вздурясь и спьяна, вызвался показывать фокусы: Петруша хотѣлъ во что бы то ни стало проглотить вилку черенкомъ.

— Да ты не съ того конца! — наставлялъ Петрушу Рогаткинъ.

А Петруша, знать ничего не желаю, совалъ себѣ въ ротъ вилку и давился.

— А я вотъ такъ, — кочевряжился на другомъ концѣ акцизный Шверинъ,—я въ носъ всуну орѣхъ волошскій, а изъ другой ноздри выскочитъ у меня грецкій.

— Только мое снисхожденіе, что ты со мной тутъ сидишь, — тянулъ свое секретарь Нѣмовъ сосѣду Рогаткину, — а то быть бы тебѣ въ острогѣ. Кто голодающую муку въ рѣкѣ утопилъ?

— Шутки изволите шутить, Василій Петровичъ, самъ Господь Богъ, буря поднялась! — какъ самоваръ, сіялъ Рогаткинъ, посмѣиваясь въ бороду надъ господской компаніей.

А Петруша бросилъ вилку и ужъ разсказывалъ, какъ въ Петербургѣ семидюймовые гвозди въ языкъ вбиваютъ и совсѣмъ безнаказно.

Хмель разнималъ пріятелей.

И вдругъ съ улицы черезъ раскрытыя окна донеслась надрывающаяся поросячья фистула:

— Караулъ! Спасите! — надрывался умоляющій голосъ.

Мимо окна прогремѣлъ тарантасъ.

И къ общему удовольствію всѣ узнали голосъ доктора Торопцова: слѣдователь Бобровъ везъ пьянаго доктора въ Щеву на слѣдствіе, а ѣхать туда — не на милое поле, и докторъ вопилъ.

И снова все оживилось, отъ фокусовъ перешелъ разговоръ на излюбленные пересуды о

слѣдователѣ, — и трепался Бобровъ и вкось и вкривь.

А часъ близился къ мирному сну.

Ермолай Игнатычъ ужъ пустилъ въ ходъ свою сливянку—смѣсь всякихъ винъ, да горькій милефоль—тысячелистникъ на любителя. Кто-то по обычаю сдѣлалъ попытку раздѣться. И все было хорошо, а чего-то не хватало. Ну, чего же?

И наступила чувствительная минута.

Нѣмовъ, Стройскій, Пряткинъ и Петруша затянули свой любимый романсъ.

Александръ Ильичъ, сначала подтягивавшій баскомъ, изъ безпечности впалъ въ ожесточеніе.

— А кому какое дѣло, что я пьянъ! — надмеваясь сердцемъ, твердилъ онъ, глядя передъ собою.

А Салтановскій — Законникъ стучалъ кулакомъ и совсѣмъ не кстати жалобно нылъ:

— Буду цѣловать тебя въ безконечность!

И плакалъ Пряткинъ — Свинья:

— За что меня обидѣли?

А съ другого конца говорилъ кто-то, будто очнувшись:

— Ну, что-жъ, поживемъ пока что, еще милефолю!

А въ ушахъ отдавало:

— Караулъ! Спасите!

Кто это кричалъ, Опаринъ ли голова, докторъ ли Торопцовъ, не хотѣлось разбирать, да и не разобраться. Мысли путались, языкъ не слушался и было все равно: экзаменаторъ Лепетовъ или губернаторъ Лепетовъ, ослиныя уши или человѣчьи

антоновскія, слѣдователь везетъ доктора или докторъ слѣдователя,—все равно и все ни къ чему. Какъ ни къ чему?..

И застило глаза пьяной слезой.

Не говори, что молодость сгубила,
Ты ревностью истерзана моей,
Не говори, что...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОЖДЬ ЖИЗНИ.

Полъ-лѣта стояло дождливо, полъ-лѣта тепло, и прошло тихо. Лѣтомъ, собственно, и событіямъ совершаться не полагается, не такое время.

Какъ водится, и въ городѣ и кругомъ въ деревняхъ много было пожаровъ и ночью и среди бѣла дня. Убійства совершаются по праздникамъ, а пожары предвидѣть невозможно. И часто горѣло черезъ всю ночь до свѣту, всю ночь билъ набатный колоколъ всполохъ, и, какъ труба, ходилъ огонь по городу.

Въ клубѣ выпивали пива больше, чѣмъ зимой, за то водки и всякаго милефоля поменьше: лѣтомъ голова кружится. Разговоровъ о именинной встрѣчѣ экзаменатору Лепетову и о ушахъ чудесныхъ, какъ и надо было думать, хватило на цѣлое лѣто.

На Троицу градъ выпалъ больше желтка яичнаго, а на Петрово говѣнье усмотрѣна была ведьма.

Сушковскія ребятишки—самъ Сушковъ кузнецъ, кузня за чайной Колпаками—кузнечата первые донесли о вѣдьмѣ: бѣгали ребятишки къ монастырю мимо оврага, бѣгутъ вечеромъ домой, а изъ оврага имъ кто-то въ бѣломъ—вѣдьма.

Пошли слухи и толки, и скоро весь Студенецъ зналъ о вѣдьмѣ и ходить ужъ боялись мимо оврага. А тѣ смѣльчаки, что подходить къ оврагу рѣшались, разсказывали много разнаго и чудеснаго: кто говорилъ, что собственными глазами видѣлъ парикмахера Юлина — Гришку Отрепьева, варилъ будто бы Гришка въ котелкѣ себѣ ужинъ, а вѣдьма рядушкомъ съ нимъ сидѣла и они разговаривали, а другіе добавляли при этомъ, что у вѣдьмы копыта лошадиныя, а руки человѣчьи, тоже собственными глазами видѣли.

Почему именно Юлинъ попалъ въ столь странную компанію, одинъ Богъ вѣдаетъ, — Юлинъ у всѣхъ на виду, Юлинъ одинъ на весь Студенецъ и стрижетъ и брѣетъ. И странно, когда слухъ дошелъ до него, сначала онъ очень храбрился и кое-кому даже „морду набилъ", а потомъ присмирѣлъ и какъ-то подозрительно сталъ хорониться.

Богомольцы, приходящіе въ Тихвинскій монастырь, съ трепетомъ обходили и парикмахерскую Юлина и оврагъ нечистый, а иные, страха ради, вплавь переплывали Медвѣжину, боясь опоганиться.

И залегла бы дорога—путь въ монастырь, какъ въ былые дни путь къ Кіеву отъ Соловья Разбойника, не вступись въ дѣло самъ Александръ Ильичъ, рѣшившій взять вѣдьму силою.

Намѣреніе Александра Ильича было непоколебимо, твердо и благочестиво. И въ одинъ прекрасный день, очертя чертою, оцѣпилъ онъ оврагъ стражниками, а смѣльчаки съ ломами и палками спустились въ оврагъ. И тутъ ужъ кто съ чѣмъ, кто съ камнемъ, кто съ кирпичемъ принялись закидывать яму.

И вдругъ изъ ямы — собака, да большущая, лохматая, бѣлая собака о трехъ ногахъ, за ней щенята. Бросились вдогонку, а ея ужъ слѣдъ простылъ. Такъ и упустили.

И какъ ни было очевидно, что это—собака, не вѣдьма, и притомъ собака ярлыковская—Оскарка, а Юлинъ парикмахеръ совсѣмъ не при чемъ, Юлина все-таки поцарапали, да такъ, что Гришкѣ хоть ножницы забрасывай.

И кое-кто изъ смѣльчаковъ попалъ въ камеру Боброва, и, конечно, отправился прямымъ путемъ въ острогъ.

На Ильинъ день, какъ и въ старыя времена, прибѣгалъ дорогой неуторенной и неуѣзженой изъ лѣсовъ студенецкихъ на Медвѣжину олень—золотые рога, куналъ олень въ Медвѣжину золотые рога. Но вода тепла, не остудилась Медвѣжина, и ильинскимъ дождемъ не попрыскало землю, и дни не похолоднѣли. И пришлось оленю въ канунъ Спасова дня опять прибѣгать на Медвѣжину, опять мочить въ рѣкѣ золотой свой рогъ.

А на Спасъ-на горѣ бабушка Двигалка — Филиппьева чорта родила.

Двигалкѣ подъ семьдесятъ, Геннашкѣ, мужу ея,

дай Богъ, подъ сорокъ, а то и того нѣтъ, мужикъ здоровый: спьяну ли на Двигалкины деньги позарился, либо Двигалка ключами своими—двѣнадцатью ключами обошла мужика, что-то не безъ того. Ну, съ Двигалкой Геннашкѣ радость не великая, и сошелся онъ съ работницей Васихой, — въ чайной у нихъ въ Колпакахъ прислуживала.

Да отъ Двигалки развѣ что скроешь,—на то и Двигалка она, чтобы все и про все знать.

Пробовала старуха мыться медомъ, да послѣ пить Геннашкѣ давала, — не помогло, и задумала старуха попугать Геннашку, чтобы ужъ во вѣки вѣчныя ему не шататься.

Поѣхалъ Геннашка въ Лыковъ за товаромъ, осталась дома одна Двигалка, затопила Двигалка подъ вечеръ баню, позвала Бареткину акушерку, да въ банѣ и разрѣшилась.

Черный маленькій чортикъ мохнатый и съ хвостикомъ, — вотъ каковъ плодъ ея чрева!

Бареткина въ полицію:

— Такъ-и-такъ, у бабушки Двигалки черный маленькій мохнатый съ хвостикомъ, а шейка свернута!

Налили въ банку спирту, Двигалкина чортика въ банку, въ спиртъ, да Торопцову доктору на осмотръ.

Иванъ Никанорычъ, хоть и пьющій, а людямъ добра не мало сдѣлалъ, и въ сколькихъ только поминаніяхъ о здравіи записанъ, на ектиньѣ за обѣдней поминаютъ: взглянетъ Иванъ Никанорычъ глазомъ и ровно сквозь кожу во внутрь тебя все видитъ.

— Мертворожденный котенокъ!—сказалъ Иванъ Никанорычъ.

Котенокъ! — Вѣра Торопцову велика, да ужъ тутъ не до вѣры.

— Я ничего, я нечистаго не знала, пряникомъ меня окормили!—звонила Двигалка звонче ключей своихъ волшебныхъ, — и зачала я и родила отъ пряника: Васиха работница принесла мнѣ съ базара пряникъ, съѣла я пряникъ и почувствовала тяжесть.

А Геннашка мало того, что навѣки вѣчные перепугался, Геннашка совсѣмъ рухнулся: кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку? — только одно въ умѣ и держитъ, извелся весь, какъ чортъ почернѣлъ, и отъ вина ослабъ. И ужъ каждому встрѣчному и поперечному все свое о чортѣ. Самъ къ Боброву въ камеру влѣзъ, ровно какой нечистикъ.

— А вы слышали, Сергѣй Алексѣевичъ, извините за дерзость, баба чорта родила, — глядя куда-то въ сторону, съ опаской шепталъ Геннашка, — одинъ остался, у Ивана Никанорыча въ банкѣ сидитъ. Родила-то старуха ихъ много, черти, что поросята, ихъ много заразъ родится, первому дала она соскочить на полъ, а нечистый самъ далъ ему силы, онъ, первый-то, и утекъ, а второй, какъ появился, бабка хвать, да шею ему и свернула, онъ и попался въ руки! — шепталъ Геннашка, а въ головѣ крутило: кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двига́лку?

Двигалкина чорта — котенка показывали Боброву.

Бобровъ не принялъ дѣла.

Осенью въ Студенецъ пріѣхалъ изъ Лыкова судъ, — началась сессія.

Бобровъ слѣдилъ за дѣлами. И все было такъ, какъ надо: убійцъ, имъ привлеченныхъ, всѣхъ осуждали,—однихъ приговаривали къ каторгѣ, другихъ въ арестантскія роты, изрѣдка сажали въ острогъ.

И щевскаго поджигателя Сухова — дѣло особенно памятное и потому, что случилось оно какъ-разъ въ студенецкое дубоножіе съ чудесными антоновскими ушами и именинной встрѣчей экзаменатору Лепетову, и потому, что пришлось тогда дѣлать на поджигателя не легкую облаву, щевскаго поджигателя, во всемъ въ концѣ концовъ сознавшагося, закатали по всей строгости.

И было отчего быть довольнымъ Боброву, можно было порадоваться: законъ одолѣлъ! И онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно на своемъ мѣстѣ, прочно и бодро.

А вѣдь какой грѣхъ вышелъ: поджигатель-то не поджигателемъ оказался, — совсѣмъ ни за что пропалъ человѣкъ!

Дней черезъ пять послѣ суда явился изъ Щевы къ Боброву мужикъ Балякинъ и во всемъ повинился: его грѣхъ, онъ, Балякинъ, во всемъ виноватъ, онъ мужика Торопова поджегъ и ложно на Сухова показалъ, а Суховъ не при чемъ, Суховъ у своей бабы овцу укралъ и пропилъ, и отъ бабы — люта очень, — въ банѣ схоронился.

— Всякая вина виновата! — топотался мужиченка.

Допросивъ Балякина, Бобровъ отправилъ его въ полицію, а самъ поѣхалъ въ Щеву на горѣлое мѣсто провѣрить Балякина.

И въ Щевѣ, на мѣстѣ, теперь все подтвердило, что поджегъ не Суховъ, а Балякинъ, а Суховъ отъ бабы своей схоронился, — ошибка судебнаго слѣдователя.

Какъ, онъ, Бобровъ, сдѣлалъ ошибку! Его, Боброва, обвели вокругъ пальца! Вотъ тебѣ и моль всѣ зубы переломаетъ!

И эта ошибка была камнемъ, пущеннымъ въ него — ему въ сердце, непреклонное и твердое, какъ самъ камень, и горькое, какъ желчь.

И не то скребло у него на душѣ, не того ему было страшно, что теперь ужъ за эту ошибку схватится всякій, кому только охота, будутъ всюду трубить, ногой на него наступятъ, а то его точило, что онъ, Бобровъ, такъ жестоко и позорно обманулся.

Но на первыхъ порахъ онъ не растерялся, нѣтъ, онъ какъ-то весь подтянулся, словно выросъ.

Да, онъ ошибся, онъ виноватъ — всякая вина виновата! — но онъ исправитъ ошибку, и все будетъ такъ, какъ надо.

Сгоряча ему представлялось дѣло просто и ясно.

Возвращаясь изъ Щевы ночью, свалился Бобровъ съ тарантаса въ глубокій лакутинскій оврагъ и бокомъ ушибся больно о камни, но сразу поднялся, будто и не падалъ, — ничего не замѣтилъ.

Куда ужъ замѣтить!

Въ Студенцѣ ждали дѣла.

А вѣдь дѣла эти особенно теперь нужны ему были. Безъ нихъ ему теперь, какъ безъ рукъ. Безъ нихъ ему — что ужъ говорить! — больше и дыхнуть нельзя. Да, онъ исправитъ ошибку, мало того, онъ дѣлами и только дѣлами изгладитъ эту ошибку.

Богъ вѣсть отчего такъ бываетъ въ жизни: въ злые ли дни ты родился или подъ враждебной звѣздою, но нѣтъ покоя тебѣ, которымъ бы утѣшилась душа, а такъ тебя и крутитъ, и падаютъ на твою голову горе и позоръ, и ужъ не знаешь, кто толкнетъ, что тебя свалитъ?

Чѣмъ не хороша была жизнь Василисы Прекрасной, чѣмъ ей плохо у предсѣдателя? Прежде-то, бывало, надъ помпой погни спину, иззябнешь, издрогнешь, всѣ пальцы одервенѣютъ, а теперь въ теплѣ, да въ холѣ, какъ у Христа за пазухой, — барыня, и обута, и одѣта, и сыта. Голышомъ-то по теплой комнатѣ прохаживаться не ахти какъ трудно! А вотъ, поди-жъ ты! Душа у Василисы заболѣла. Душа заболѣла и все опостылѣло, не милъ ей и бѣлый свѣтъ, хоть руки на себя накладывай.

Долго томилась Василиса, въ себѣ таила, — ночью ходитъ передъ идоломъ своимъ, а самоё слезы душатъ и, какъ камень, вотъ гдѣ! А онъ разляжется, лежитъ на диванѣ, куритъ... какъ пёсъ, сидитъ: двери заперты, никого не подпуститъ.

Терпѣла Василиса, терпѣла, да не въ терпежъ видно, болитъ душа, и рѣшила итти къ старцу. Улучила Василиса минуту — самого-то не было дома, да по задворкамъ и пробралась на огородъ

къ Шапаеву: какъ скажетъ старецъ, такъ она и сдѣлаетъ.

Шапаевъ встрѣтилъ Василису ласково, разспросилъ ее—какъ на духу все открыла ему Василиса, и нашелъ старецъ, что бѣсъ въ Василисѣ, а бѣса изгнать можно.

— Смириться надо, — сказалъ старецъ, — въ бархатѣ ходишь, а грѣхомъ живешь. По естеству-то все Богъ прощаетъ, а нагишомъ ходить не показано, не по естеству это. Ходишь ты вотъ передъ нимъ, а бѣсы-то радуются, безстыжая, безстыжествомъ распалила его. Смириться надо. Грѣхъ красотой творишь, а расточи эту красоту, унизь ее! Гордыня въ красотѣ твоей! Смириться надо. Въ церковь пойдешь, вырядишься — Василиса Прекрасная! — а ты подъ ноги брось ее, красоту свою, растопчи ее! — и руки его потянулись къ ней.

Отшатнулась Василиса, потупилась, — знала она, къ чему поведетъ, а страшно.

— Что больно стыдлива стала? — захрипѣлъ старецъ и вдругъ властно прямой весь, прямо: — а я тебѣ говорю, смирись, не щади себя!

Старецъ по кличкѣ, Шапаевъ не такъ ужъ былъ старъ, правда, сѣдъ и ногами худъ, словно простывалъ ногами, и оттого все вздрагивалъ, но худоба его, жилистость эта была, какъ сталь, крѣпка, и, конечно, не съ однимъ, съ легіономъ бѣсовъ управиться могъ Шапаевъ.

Василиса на все согласилась. И деньги, какія есть, все отдаетъ.

Шапаевъ и сталъ изгонять бѣса...

Василиса Прекрасная, какъ-то ты теперь къ Идолу своему покажешься? Что ему скажешь? И что онъ тебѣ скажетъ? А пріятели клубные? Вѣдь, это они по тебѣ плакали, когда въ чувствительную минуту пьяные пѣли: Нѣмовъ, Стройскій, Пряткинъ и Петруша! Василиса Прекрасная, еще не поздно, еще есть минута, вѣдь это самъ бѣсъ водитъ тобой!

А ей что? Ей-то что, когда вся душа болитъ! Душа болитъ! Все, что захочетъ, все пускай дѣлаетъ!

И нѣтъ ужъ этой минуты, поздно.

Шапаевъ изгонялъ бѣса... по своему изгонялъ бѣса. Шапаевъ вылъ, завывалъ, какъ бѣсы. И! куда бѣсъ!

И вышелъ бѣсъ изъ Василисы.

Старецъ дрожалъ весь, глаза помутнѣли и волосы слиплись, вдругъ суровый такой. А Василиса отъ радости въ ноги, ноги ему цѣлуетъ: полегчало, какъ съ души у ней свалилось, совсѣмъ легко, совсѣмъ тихо, ну, какъ прежде, какъ бывало, когда надъ помпой мерзла. Совсѣмъ ей легко.

— Ну, смирилась, а грѣхъ еще очистить надо, — и Шапаевъ еще разъ велѣлъ притти Василисѣ, — отпускную молитву возьмешь! Молитва есть такая! — сказалъ сурово, суровый, не посмотрѣлъ на нее.

И не разъ, трижды придетъ Василиса, если такъ надо.

Нынѣшніе старцы на послушаніи морятъ. И время не такое ходить по своей волѣ — растерялся, ослабъ человѣкъ, а главное измалодуше-

ствовался, куда ужъ такому за свой-то страхъ дѣла подымать, спасать человѣчество, распустился народъ. Да и дни не за горами, дни ужъ идутъ на насъ, о которыхъ и сказать страшно. Надо собраться, надо подготовить, надо душу выковать, духъ укрѣпить. Вотъ старцы на послушаніи и морятъ.

Старцами недовольны, на послушаніе ропщутъ. А старцы непреклонны, слышать ничего не хотятъ, знай, одно свое: послушаніе. И правы.

Ну осмотримся, надумаемся, поглядимъ на себя, по Россіи-то оглянемся, что мы такое, что у насъ за душой-то, много-ль добра, что за добро, и сильны ли средства нашей несильной малодушной силы?

Такъ говорятъ старцы.

Недовольны старцами, не понимаютъ ни мыслей, ни замысловъ ихъ и, случается, бѣгутъ — „давай спасать человѣчество!" — слѣпые, берутся за дѣла и пропадаютъ: слѣпые, нетвердые сбиваются, и пропадаютъ да и другихъ губятъ.

Глупые, ничего-то не смыслятъ, ничего не чуютъ, ничего не видятъ, не любятъ и не желаютъ! Ну, куда ты пойдешь: силы курячьи, душенка воробьиная, что сдѣлаешь, что выдумаишь, чего достигнешь, кому поможешь?

Такъ говорятъ старцы.

И правы. Ну, сказать правду, всякая обезьяна чудеса нынче творить хочетъ. Голыми руками съ папироской въ зубахъ даръ Божій хотятъ получить. А соблазнъ еще больше и жить труднѣе. Еще

бы!—обезьяна чудотворить полѣзла, и слѣпой слюнявый мерзенышъ хозяйствуетъ.

Трудно было Василисѣ незамѣтно изъ дому выбраться, да надо, грѣхъ надо молитвой смыть, — самъ старецъ сказалъ. На душѣ легче, а все будто прилипло нечистое что, а вотъ возьметъ молитву и какъ изъ купели выйдетъ. И опять выискала Василиса минуту, опять по задворкамъ, да на огородъ къ старцу.

Какъ же! Помиловалъ ее Господь, исцѣлилась она, только бы ужъ молитву-то получить.

Пришла Василиса къ Шапаеву за молитвой. А бѣсъ-то, видно, какъ вышелъ тогда изъ Василисы, да въ старца, такъ прямо въ старца и прыгнулъ. Какая ужъ молитва! И слова сказать не можетъ, позеленѣлъ, фукаетъ, какъ котъ, въ щель, да какъ набросится на нее и опять за свое... такъ и ломитъ бокомъ, инда образокъ заскрипѣлъ на груди, руки — желѣзо, грудь, какъ кузнечный мѣхъ.

Вся душа перевернулась у Василисы—вѣдь она грѣхъ приняла и молитвою снять его хотѣла! — и тамъ, въ безвѣстномъ, тамъ, въ тайномъ ея сердца, все запылало.

— Окаянный! — вздрогнуло сердце.

Рвется — не вырвешься, рвется Василиса, — не тутъ-то, нѣтъ, не отпуститъ... да вырвалась, — не тутъ-то, такъ и хрупнули его хваткіе пальцы!—вырвалась, да бѣжать.

А куда? Кто ее выслушаетъ, кто заступитъ? Идолъ? Нѣтъ. Къ кому же итти? Гдѣ искать правды? Да къ кому, — къ слѣдователю, къ Боброву.

Василиса—къ Боброву.

Все выслушалъ Бобровъ, слова не проронилъ, но съ чѣмъ Василиса пришла, съ тѣмъ и ушла,— обиду не снялъ, а дѣлу данъ былъ законный ходъ.

И изъ всѣхъ дѣлъ шапаевское дѣло было у Боброва въ первую очередь: тутъ-то онъ покажетъ себя!

Шапаевъ не могъ не знать, что вызванный къ Боброву, въ концѣ концовъ, а не минуетъ онъ острога, и поклонницы-бабы затѣвали скрыть старца, грудью стать, не выдать.

Старецъ и въ усъ не дулъ.

— Я съ Богомъ разговариваю, — училъ онъ бабъ своихъ, овецъ неразумныхъ, — всякій день къ Богу обращаюсь и не боюсь, чего же мнѣ сыщика-то бояться!

И правда, Шапаевъ говорилъ ничуть не робѣя, и даже совсѣмъ не робѣя. И было похоже на то, что хоть и сидитъ Бобровъ и спрашиваетъ, а Шапаевъ стоитъ передъ нимъ и отвѣчаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не Шапаевъ у Боброва, Бобровъ у Шапаева на допросѣ.

Старецъ не отпирался, да, лѣчилъ онъ Василису блудодѣяніемъ и вылѣчилъ, и деньги онъ у нея взялъ, да.

— А больше ничего,—Шапаевъ даже пришлепнулъ своей жилистой ногой и вдругъ скосилъ къ носу глаза, — кто вѣсть Божія, токмо духъ Божій, неизвѣдомы судьбы его, неизслѣдовано путіе его!

И разговоръ какъ-то само собой повернулся совсѣмъ къ другому—дѣло не въ блудѣ и бѣсѣ, и

не въ деньгахъ, и не въ насиліи!—разговоръ повернулся къ крѣпости Бобровской, къ закону его, къ его вѣрѣ непоколебимой въ законъ.

По Шапаеву выходило такъ, что нѣтъ преступленія. Нѣтъ преступленія, а есть несчастье. А несчастье отъ грѣха: въ мірѣ грѣхъ ходитъ, муты среди людей дѣлаетъ.

— Гдѣ человѣкъ, тамъ и грѣхъ!—какъ молоткомъ, стучали слова.

И тотъ, кого грѣхъ попутаетъ, не преступникъ, а несчастный. И на все на то Божья воля. И не человѣку судить несчастнаго, не человѣку карать его: ужъ въ несчастьѣ своемъ несетъ грѣшникъ-несчастный свою кару—несчастье свое. И ужъ если повиненъ кто наказанію, то не тотъ, кто преступленіе совершилъ, а тотъ, кто осудилъ этого преступника, окаратель его.

— Грѣшникъ, униженный, многое постигаетъ, грѣшный ближе къ Богу, онъ-то и думаетъ о Богѣ, молится, грѣшникъ первый предстанетъ предъ Господомъ,—сказалъ старецъ, и въ голосѣ его прозвучала великая скорбь и горькое раскаяніе.

И на минуту потянуло Боброва безъ всякихъ отпустить его домой, но онъ сразу спохватился, и только подвинулъ свои сухіе длинные пальцы.

Шапаевъ продолжалъ разсказывать, Шадаевъ говорилъ присказульками, на все давалъ отвѣты, сказывалъ и сказки.

А изъ всѣхъ путанныхъ словъ его, изъ всѣхъ сказокъ его былъ одинъ выводъ, да такъ будто бы и въ мудрыхъ людяхъ слухъ идетъ, что лишь под-

вигомъ народъ исцѣляется, а самый большой подвигъ въ вольномъ страданіи.

— Весь отъ себя отступи и отвергнись отъ себя, прими на себя чужую вину, возьми крестъ другого и неси этотъ крестъ за другого, — какъ молоткомъ, стучали слова.

Вольное страданіе, это сладкое узничество за другого и спасетъ будто бы русскій народъ, просвѣтитъ его сердце, очиститъ его душу.

До вечера держалъ Бобровъ, не отпускалъ Шапаева, пробовалъ толковать ему о своемъ—о законѣ, но старецъ прекословилъ ему.

— Говоришь хорошія слова, а самъ о хорошемъ и понятія не имѣешь!—не мирно сказалъ Шапаевъ, тѣмъ разговоръ и кончился.

Бобровъ писалъ постановленіе—какой еще можетъ быть разговоръ!—а Шапаевъ, скосивъ глаза къ носу, стоялъ нахмуренный, бормоча что-то, молитву свою.

— Пресвятая Богородица наша по мукамъ ходила...—сказалъ вдругъ Шадаевъ.

Бобровъ на минуту отложилъ перо, прищурился.

Шапаевъ дергался.

— Пресвятая Богородица наша по мукамъ ходила, Михайло архангелъ водилъ ее, показывалъ...— и голосъ его упалъ, — и оставила Богородица рай, Сама пошла въ муку, къ намъ, въ муку, съ непрощенными мучиться и мучается и стенаетъ и молитъ за насъ изъ муки, за весь міръ заступница. Между людьми и Богомъ ниточки есть...— и замолкъ и

сталъ такой скорбный и униженный, смотрѣть на него больно.

Шапаевъ пошелъ въ острогъ, а Бобровъ къ себѣ—въ жестокое молчанное житіе свое.

Ночь, запершись, Бобровъ не присѣлъ къ столу, не раскрылъ книги. Не до чтенія ему было. Растревоженный, выбитый изъ колеи привычныхъ мыслей, метался онъ по своей комнатѣ, какъ послѣ допроса въ одиночкѣ запутавшійся воръ острожникъ. Въ комнатѣ было тѣсно. Ему бы куда гдѣ попросторнѣй!

Ошибка съ поджигателемъ не выходила у него изъ головы, и незабытной памятью стояли слова Шапаева.

А можетъ быть, онъ и раньше ошибался, и не одинъ разъ, да только такъ проходило? И развѣ онъ не знаетъ, что хорошо?

И было такое чувство, какъ на обыскѣ, и оно не отпускало его, только гонялся онъ не за поджигателемъ, а за самимъ собой.

И вотъ въ первый разъ за столько лѣтъ онъ спросилъ себя, да правъ ли онъ съ своей законностью, и надо ли русскому народу его законность, въ законности ли все спасеніе Россіи?

Когда его вывалилъ ямщикъ Фарутинъ, онъ почувствовалъ, какъ внутри его перевернулось что-то, но онъ забылъ тогда же, будто и не замѣтилъ, а вотъ вспомнилъ, а вспомнилъ потому, что въ душѣ его что-то перевернулось.

Острая боль подкатывала къ сердцу.

Что же спасетъ Россію, если не его законность? Подвигъ, вольное страданіе? А его законность? Куда же дѣвать законъ? И онъ, слѣдователь, не нуженъ Россіи? Куда ему-то дѣваться?

Въ душѣ его что-то перевернулось, въ безвѣстномъ и тайномъ его сердца, и вернуться къ прошлымъ ночамъ съ ихъ гнѣвомъ и проклятіемъ онъ уже не могъ, не могъ думать по старому, вести мысль по проторенным путямъ. И вскрылись тѣ больныя точки, которыя столько лѣтъ обходилъ онъ, хоронясь за свою завѣтную тетрадь—за обличенія свои, ставшія, какъ вино, привычкой.

Онъ вдругъ о женѣ вспомнилъ и съ той захватывающей тоскою, съ какой вспоминалъ только въ первые годы разлада, ту ночь вспомнилъ, когда къ женѣ ночью его позвали.

„Знаю, все знаю!"—ясно прозвучалъ надъ нимъ ея голосъ, тѣ слова ея.

И ему стало обидно за все, и жаль всего, жизни своей, которая такъ истратилась ни за что.

Какъ ни за что? Да вѣдь онъ отдалъ всю свою жизнь на защиту закона—въ защиту русскаго народа, который гибнетъ отъ беззаконства. Онъ творилъ дѣло души своей. Онъ служилъ во всемъ въ правду Россіи, онъ искалъ правды и оборонъ народу. Онъ весь для Россіи.

Да, конечно, нужно было какъ-то наладиться, сердце его было уязвлено, крѣпость его расшатана, но онъ не хотѣлъ сдаваться.

Развѣ онъ не знаетъ, что хорошо? И если всю его законность къ чорту, почему шапаевское вольное страданіе хорошо?

„Взять на себя вину, ну, а тотъ подлецъ будетъ по волѣ разгуливать, да еще смѣяться! И это хорошо? Для кого? Для Россіи? И конечно, не сопротивляйся бьющему! Да вѣдь онъ же меня не одного бить-то будетъ, дай ему только волю, только, попробуй, смолчи. И, конечно, люби ненавидящихъ насъ! Люди прощаютъ всякаго подлеца, потому такъ много и подлости. А Россія раздавлена этой исконной своей смолчивостью, отупѣла и озвѣрѣла отъ своей податливости. И это хорошо? Для кого?"

Воздухъ начиналъ спираться, потянуло къ водкѣ.

„Я буду убивать, а другой возьметъ мою вину на себя. А убивать я буду потомъ, что меня грѣхъ будетъ путать, а противъ грѣха ничего нѣтъ, — на все воля Божья. И совершивъ убійство, я, несчастный, и понесу свою кару въ этомъ несчастьѣ моемъ. А судья, осудившій меня по закону,—вѣдь меня судить будутъ, вѣдь не начнутъ же всѣ люди среди исконнаго грѣха, въ царствѣ судьбы и грѣха, всѣ до единаго святымъ житіемъ жить! — судья-то тотъ Налимовъ понесетъ свою кару за осужденіе свое. Для кого? Ради кого? Ради Россіи?"

Водка обжигала и было больно, жгло.

„А что если людямъ все позволить,—спросилъ себя вдругъ Бобровъ, — да такъ позволить, чтобы ужъ все было можно, хоть только на одинъ единственный день?"

И отвѣтилъ:

„Люди вообще существа грубые и глупые и лютые, и за одинъ день, за одинъ-то день, пожалуй, и ничего бы не сдѣлали: соблазнъ такъ былъ бы великъ, не знай, за что взяться, растерялись бы... Ну, а я, что бы такое сдѣлалъ я въ этотъ одинъ единственный день?"

Бобровъ зажмурился и долго такъ сидѣлъ.

— „Знаю, знаю, все знаю!" — шепталъ онъ, и снова въ памяти его прошла та послѣдняя ночь.

Часъ подходилъ къ клубному разгону.

Тамъ Василиса Прекрасная томила, пьяное виномъ, клубное сердце, горѣло сердцу звѣздой далекой.

Снаружи загрохотала ставня—клубные пріятели возвращались на ночлегъ мимо Бобровскаго дома, и отъ удара кольнуло въ сердцѣ.

На малую минуту сердце остановилось.

„Вотъ онъ, и конецъ!"—мелькнуло въ душѣ и сразу такъ много забылось, какъ странно, и даже завѣтная тетрадь его съ обличеніемъ и проклятіемъ народу, затворенному родному народу, которой держалась вся его сила и крѣпость, будто ее и не было никогда, и наступилъ покой безсилья: воля Господня буди во всемъ!

А сердце опять застучало, какъ всегда стучитъ, но онъ ужъ не рѣшался пошевелиться, стало страшно, и страшно и больно, что вотъ и опять схватитъ!

Въ углу висѣлъ образъ, тотъ самый отцовскій, передъ которымъ когда-то отецъ молился, Богородица—Величитъ душа моя Господа.

„Между людьми и Богомъ есть ниточки!—вспомнились Боброву слова Шапаева, и голова его вдавилась въ плечи, какъ у отца, хогда старикъ молился.

— Пресвятая Богородица, спаси насъ!

И вдругъ ему совѣстно стало, поспѣшно онъ налилъ еще стаканъ, и, какъ подожженный, вскочилъ съ мѣста:

— Да на кой чортъ этому народу законность твоя! Ни ты ему, ни онъ тебѣ не нуженъ. Беззаступный, бунташный... проклятый народъ!—и привычно Бобровъ поднялъ кулакъ, свою палку — законъ—смертоносное знамя, крестъ воздвизалый, стягъ свой—крестъ и проклятіе: съ нимъ и пойдетъ онъ одинъ, отколовшись отъ всего народа, одинъ, на край свѣта по пустынѣ, гдѣ людей нѣтъ—откатный камень.

А въ душѣ его все перевертывалось — въ безвѣстномъ и тайномъ сердца его. И была душа его, какъ разодранный платъ.

Подъ нимъ земля шаталась. И больно жгло.

Да у него все горитъ, умъ горитъ, сердце горитъ, душа горитъ. Это Суховъ, поджигатель, поджогъ!

Бобровъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, глотнулъ еще —до дна, и стало какъ-будто отлегать.

Осторожно дошелъ онъ до дивана, потушилъ свѣтъ.

Когда въ Петербургѣ еще студентомъ Бобровъ захворалъ той обычной, считающейся легкой болѣзнью, о которой принято говорить не больше, чѣмъ о какомъ-нибудь пустяшномъ насморкѣ, и

послѣ доктора вечеромъ шелъ домой по Невскому, какъ-то чувствовалъ онъ себя со всѣми близко: такъ много встрѣчалось подпорченныхъ и съ грѣшкомъ, какъ и онъ, всѣ ему братья и сестры... И какъ было бы хорошо завтра вдругъ явиться ему въ клубъ и тамъ провести вечеръ, какъ всѣ, со всѣми. И все помирилось бы въ добромъ духѣ, по хорошему, и ужъ пошла бы жизнь хорошая и прохладная и веселая, безскорбная, безъ кручины.

Или къ Ѳеничкѣ пройти ему въ гости?

И вотъ подъ клубное счастье, которое изливалось на его душу, какъ нѣкій чистый елей—блудное мѵро, съ мыслью о Ѳеничкѣ гулящей онъ повалился и горькій сонъ забралъ его.

Мутенъ, горекъ сонъ приснился Боброву. Счудилось ему, въ домѣ новая прислуга у нихъ, здоровая дѣвка, какъ Василиса, и входитъ она будто въ его комнату, а въ рукахъ держитъ большія ножницы и стрекочетъ, наигрываетъ ножницами, какъ парикмахеръ Юлинъ — Гришка Отрепьевъ, когда стричь собирается.

Ближе, все ближе подходитъ къ нему эта дѣвка. И чѣмъ ближе она подходитъ къ нему, тѣмъ безпокойнѣе ему.

И темный страхъ напалъ на него.

Онъ скорчился весь, вобрался, стиснулся—рука къ рукѣ, нога къ ногѣ.

— Помилуй меня!

— Не помилую.

— Спаси меня!

— Не спасу тебя, лютый.

— Пощади меня!

— Нѣтъ пощады.

Нѣтъ ему пощады! И онъ мечется, вертитъ головой, а дѣться ему некуда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СТРАДЫ.

Утромъ въ обычный часъ всталъ Бобровъ, унылъ и немоценъ, измученный сномъ.

Ледяная вода не помогла ему: весь онъ осунулся, охудѣлъ, опустился, все тѣло ныло, словно палками отколотили его, и все ему было обузно.

„Вотъ если бы ему въ Парижъ, въ Парижъ ему уѣхать! — хватался онъ за послѣднюю соломенку, — тамъ бы и жить, и никто бы не зналъ о немъ. Тихо прожилъ бы онъ свои послѣдніе дни. Тамъ такой воздухъ легкій! По вечерамъ онъ слушалъ бы звонъ, какъ вызваниваютъ часы въ Сорбоннѣ, въ Сенатѣ, у Санъ-Сюльписа...“ — и онъ сталъ прислушиваться, словно и вправду услышитъ— изъ города счатсья, столицы міра дойдетъ до него вѣсть, и на минуту до боли ясно представился ему Парижъ: пасмурный, сѣрый вечеръ въ маѣ...

А ученая канарейка выпѣвала гимнъ, нашъ русскій народный гимнъ.

Бобровъ поднялся.

Трудно было одѣться. Онъ чувствовалъ, какъ форменный сюртукъ его давитъ, а фуфайка шерстила, драла грудь и спину, словно парамантъ надѣтъ былъ на немъ проволочный съ гвоздиками—вериги игольчатыя.

Черезъ силу спустился Бобровъ внизъ, въ камеру.

Письмоводитель Пармёнъ Никитичъ въ своей голубой рубашкѣ-фантазіи ужъ сидѣлъ за столомъ, и короткія штаны его еще выше были поддернуты: на волѣ была невылазная грязь и, хоть подсушило, да предусмотрительность никогда не мѣшаетъ

День начался, какъ всегда: переписка, бумаги, потомъ стали приходить свидѣтели.

Отецъ поссорился съ сыномъ,—мирили.

— Поклонись ему въ ноги, мерзавецъ, голова не отвалится! Ну, а ты прости его!—училъ Пармёнъ Никитичъ.

А Боброву было какъ-то все равно, и что ни говорилъ Каріевъ, и хоть лбами ихъ сталкивай, все равно и не для чего.

Урядникъ привелъ арестанта. Надо было спѣшно допросить. А это было привычно и легко Боброву, и съ арестантомъ онъ скоро управился.

Наступилъ перерывъ.

Пармёнъ Никитичъ вышелъ, а Бобровъ остался одинъ за своимъ столомъ.

И чай его остылъ, а онъ и не пошевельнулся, какъ сѣлъ, такъ и сидѣлъ. Тяжело думалось, темно и тяжело и такъ, ни о чемъ, что попадется.

И почему-то вспомнилось ему одно дѣло, такъ пустяковое, въ газетѣ вычиталъ.

Гдѣ-то, во Владивостокѣ судили китайца. Плохо что зналъ китаецъ по-русски, а понималъ и того меньше. Судили китайца безъ переводчика. Судили китайца за то, что онъ брюки укралъ. „Укралъ ты пару брюкъ?" — спрашиваетъ судья. „Одинъ брука",—твердо отвѣчаетъ китаецъ. „Укралъ ты одинъ брука?" — „Укралъ". Ну, судья читаетъ обвиненіе: „За кражу пары брюкъ такой-то приговаривается къ наказкнію". Какъ, за пару брюкъ? Китаейъ недоумѣваетъ, понять ничего не можетъ, не хочетъ покориться. „Одинъ бреука!" — вырывается изъ души его отчаянный крикъ, кричитъ китаецъ, а ужъ приговоръ вошелъ въ силу и китайца ведутъ.

— Одинъ бреука!—глотнулъ Бобровъ воздухъ: кольнуло въ сердцѣ, и затаился.

На подоконникѣ сидѣла галка,—глаза у галки были бѣлые.

Какъ прикованный, смотрѣлъ Бобровъ на галку и не могъ оторваться отъ ея бѣлыхъ глазъ.

Галка сидѣла, не улетала. Галка уставилась на Боброва бѣлыми глазами.

И ознобъ побѣжалъ по тѣлу.

„Окно закрыть надо", — подумалъ Бобровъ, и не всталъ, а только зажмурился.

А въ глазахъ стояли двѣ бѣлыя точки, и въ сердцѣ кололо.

„Безъ переводчика, всѣ мы безъ переводчика... Судья приговоритъ, а мы недоумѣваемъ, кричимъ, да поздно... — схватился Бобровъ за китайца, думая,

должно быть, китайцемъ, прогнать галку, а и съ закрытыми глазами все ее одну видѣлъ: галка тихо сидѣла на подоконникѣ, уставившись прямо на него бѣлыми глазами, — да, безъ переводчика... и съ какимъ возмущеніемъ, жестоко, несправедливо осужденые, идемъ мы въ тюрьму! Пара брюкъ?..."

— Одинъ бреука! — вскочилъ отъ боли Бобровъ.

Пармёнъ Никитичъ на цыпочкахъ затворялъ окно. Штаны его были еще короче, широкія разношенныя резинки оттопыривались, и видны были сѣрые нитяные носки.

И опять начались дѣла.

Бобровъ дѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы хоть какъ-нибудь держаться, — смотрѣть на него было больно, — и опять подписывалъ бумаги — рука сама собой водила, и опять допрашивалъ, — привычно складывались вопросы.

Приходили какіе-то мужики и бабы, какъ сквозь сонъ, во мглѣ проходили они передъ Бобровымъ. Вонь прѣлью полушубковъ ошибала его.

Тяжко, медленно шли часы.

Наконецъ, постороннихъ никого не осталось. Ждать больше некого. Пармёнъ Никитичъ отворилъ форточки, подвязалъ себѣ калоши, и можно было молча, какъ всегда, разойтись.

Въ это время въ камеру вошелъ десятскій съ пакетомъ:

— Урюпинскій земскій начальникъ Крупкинъ застрѣлилъ жену.

Бобровъ сунулъ пакетъ въ карманъ, но вмѣсто того, чтобы послать за лошадями, медленно поднялся къ себѣ.

Въ кабинетѣ Александра Ильича подъ знаменитымъ косымъ его ковромъ двѣнадцати шерстей разныхъ волковъ, у грамофона сидѣлъ послѣ обѣда самъ Александръ Ильичъ, да членъ управы Рогаткинъ.

— Носъ чешется! — подмигнулъ Александръ Ильичъ.

— Водку пить.

— Съ удовольствіемъ.

— А ну-ка разведи чего-нибудь еще повеселѣе! — Рогаткинъ, ухмыляясь въ бороду, сіялъ, какъ самоваръ.

И грамофонъ трещалъ во всю.

И Александръ Ильичъ и Семенъ Михеичъ оба были довольны.

Дѣло Рогаткина, о которомъ онъ пришелъ потолковать съ исправникомъ, — какая-то казенная поставка, уладилось къ обоюдной выгодѣ: Рогаткину — въ карманъ, да и Марьѣ Северьяновнѣ не будетъ обидно, — Чортовымъ садамъ не уронъ, а пополненіе, живи, не печалься!

Давно было пора итти въ клубъ. Тамъ будутъ и вспрыски: для этакова случая и разрѣшить не грѣхъ. И Александръ Ильичъ чихалъ, какъ песъ, отъ удовольствія.

Въ самый разъ попали пріятели въ клубъ.

Тутъ всѣ были въ сборѣ: и самъ старшина Иванъ Ѳеоктистовичъ Богоявленскій, и судья Налимовъ Степанъ Степанычъ, и земскій начальникъ Николай Васильевичъ Салтановскій — Законникъ, и акцизный Шверинъ Сергѣй Сергѣичъ — Табельдотъ, и агрономъ Пряткинъ Семенъ Ѳедоровичъ — Свинья, и секретарь управы Василій Петровичъ Нѣмовъ, и податной Владимиръ Николаевичъ Стройскій — Донъ-Жуанъ, и почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ, и лѣсничій Кургановскій Эрастъ Евграфовичъ — Колода, и Анна Саввиновна Шверина, и Катерина Владимировна Торопцова — Лизабудка, и Прасковья Ивановна Боброва, слѣдовательша, и самъ Иванъ Никанорычъ Торопцовъ, успѣвшій усидѣть, если и не всѣ девятнадцать, то ужъ во всякомъ случаѣ, не меньше дюжины.

Всѣхъ занимала послѣдняя новость: земскій начальникъ Крупкинъ, застрѣлившій жену, какъ зайца. И эта новость заслонила Бѣлозеровскій скандалъ съ Василисой Прекрасной.

Крупкинъ, наѣзжая въ Студенецъ, всегда бывалъ желаннымъ гостемъ. Не молодой ужъ, но крѣпкій, съ военной выправкой, сманилъ онъ своимъ птичьимъ глазомъ жену у Салтановскаго — Законника, а главное, славился своей охотой, — страстный охотникъ, держалъ онъ девять борзыхъ и пользовался первой порошей, чтобы травить зайцевъ. И такъ его всѣ боялись, что никто не осмѣливался бить зайцевъ. А сталось вотъ что: въ Урюпино къ старостѣ изъ Петербурга пріѣхалъ сынъ солдатъ, привезъ съ собой ружье и началъ нещадно бить зайцевъ. Узналъ

Крупкинъ и засудилъ солдата: присудилъ къ двадцатипяти рублямъ штрафа, да еще и на высидку. Солдатъ подалъ въ съѣздъ, а съѣздъ смягчилъ приговоръ по закону. Заплатилъ солдатъ штрафъ и снова принялся за зайца. А за нимъ и другіе. Взбѣленился Крупкинъ, засыпалъ всѣхъ штрафами. А тѣ — въ съѣздъ. Тутъ еще и губернское присутсвтіе вмѣшалось, бумага за бумагой, чуть до дисциплинарки не дошло по жалобѣ съѣзда.

— Крупкинъ остервенѣлъ, — разсказывалъ Петруша, — знай штрафуетъ за каждаго зайца по четвертной, а зайцы прыгали у него ужъ вотъ гдѣ! А ночью и сна нѣтъ, такъ изъ угловъ и лѣзутъ, грудой сидятъ бѣлые, сѣрые, всякіе. И померещилось ему ночью, прыгнулъ на кровать къ нему заяцъ, онъ за ружье, нацѣлилъ, да какъ вдаритъ... А чиркулъ спичку, по кровати кровь, — весь зарядъ всадилъ въ жену.

Дамы охали и ахали.

А Петруша и тутъ не удержался и, обращаясь больше къ дамамъ, къ слѣдовательшѣ въ особенности, пустился разсказывать о какой-то заячьей шерсткѣ, которая будто бы можетъ погубить вѣрнѣе всякаго зайца.

Въ воздухѣ густѣло.

Разговоръ изсякалъ, — дурацкая минута, — пора заняться Бобровымъ.

Конечно, слѣдовательская ошибка съ поджигателемъ взята была на зубокъ. Чистымъ елеемъ — небеснымъ мvромъ возліялась на душу завѣтная мысль, что слѣдователю ужъ конецъ, дастъ Богъ, уберутъ изъ Студенца.

И какимъ злотворцемъ — хищникомъ, волкомъ, губителемъ вставалъ въ разгоряченномъ воображеніи Бобровъ.

— Ишь ты, маху, нашъ голубчикъ, далъ!

— Скапустился!

— На шишу остался!

— Зададутъ ему феферу съ фернопиксомъ!

— Такъ и надо!

— Такъ ему и надо! — подхватывали хоромъ пріятели.

Кто-то предложилъ выпить за Бобровскую ошибку.

Появился милефоль и кричали ура.

И все было хорошо, а чего-то не хватало. Ну, чего же?

Въ Колпакахъ, въ чайной у Двигалки на тѣсной хозяйской половинѣ сидѣли за самоваромъ сама хозяйка Двигалка, Геннашка, да Тихвинская монашенка мать Асенефа.

Геннашка пилъ съ двѣнадцати ключей волшебную воду, прикусывая вмѣсто сахара Богородицынъ хлѣбецъ. Всякій Божій день пилъ Геннашка по восьми чашекъ. Двигалка сама приготовляла ему воду: двѣнадцать ключей отъ комодовъ, шкаповъ и сундуковъ, мыломъ вымытые начисто, клались въ воду, вода съ ключами нагрѣвалась до тѣхъ поръ, пока не закипала ключомъ, и тогда готово, а вкусъ противный, ржавый. Пилъ Геннашка эту воду, а мучился по старому.

Мать Асенефа пила чай съ принудкой, и ужъ второй самоваръ ставили для гостьи. Мать Асенефа разсказывала о чудотворной лампадкѣ, что чудодѣйствуетъ и цѣлебы даруетъ.

Главная святыня въ монастырѣ — чудотворный образъ Тихвинской Божіей Матери. Къ иконѣ ставятъ свѣчки и теплится много лампадокъ, и есть одна неугасимая царская лампадка.

Пріѣхалъ въ монастырь на богомолье Бабахина предводителя небельмейстеръ и усердія ради поставилъ свѣчку въ двадцать копѣекъ. А мать Асенефа при иконѣ стоитъ, за порядкомъ наблюдаетъ вотъ и рѣшила монашка, чѣмъ масло жечь, оставитъ она небельмейстерскую свѣчку на ночь горѣть, а неугасимую лампадку потушитъ.

— Потушила я, матушка, лампадку, — разсказывала мать Асенефа, — заперла соборъ и пошла за всенощную въ теплую церковь. Стою я, матушка за всенощной и взяло меня раздумье: „Какъ же такъ, думаю себѣ, лампадка царская негасимая, а я поскупилась, загасила?“ И такъ себѣ раздумалась, молитва не идетъ на умъ, не молится. „Не хорошо, думаю, я такъ сдѣлала!“ Да скорѣе въ соборъ. Отперла я соборъ, гляжу, а лампадочка горитъ. Царица Небесная сама дала осіяніе — седміустный пламень! А меня опять грѣхъ: „Дай думаю испытаю,“ — взяла да и затушила. Затушила я лампадку, заперла соборъ, и пошла къ себѣ въ келью. Прихожу на утро а лампадочка горитъ...

А Двигалка, поддакивая монашенкѣ, довольная,

что запугала Геннашку на вѣки вѣчные, отвадила мужика отъ работницы, знай, свое хвастала:

— Мнѣ, матушка родить...! — и такому уподобляла дѣянію, отчего мать Асенефа только благочестиво кашляла.

А Геннашка пилъ свою ключевую воду и все думалъ и думалъ, — кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку, да не прихватить ли за одно и чудотворную мать Асенефу?

Противъ бѣлаго каменнаго острога, противъ оконъ рѣшетчатыхъ, у забора стояли три женщины, тѣ, что сами приходятъ. Студеный былъ день, а ночь начиналась холодная и звѣздная съ вѣтромъ. А онѣ все стояли, не уходили и подъ осеннимъ упорнымъ вѣтромъ.

Въ верхнемъ окнѣ за желѣзной рѣшеткой тускло свѣтила тюремная желтая лампа. Тамъ за рѣшеткой трое сидѣло: осужденный за поджогъ Суховъ, поджигатель Балякинъ и старецъ Шапаевъ, — и разобрать было трудно, кто изъ нихъ старецъ, кто поджигатель, кто осужденный.

Женщины стояли истомно.

Вылъ вѣтеръ, звѣзды въ ночи мерцали — Божьи свѣтильники, осеннія звѣзды, холодныя, какъ сама ночь.

Кто ихъ измолитъ, кто поведетъ путемъ спасеннымъ, кто избавитъ, кто изметъ отъ Судіи страшнаго отвѣта, муки вѣчныя и грозныя?

Седмерыми смертоносными грѣхами онѣ согрѣшили, онѣ согрѣшили отъ начала и до конца, отъ земли до небесъ, отъ земли до бездны, отъ юга до сѣвера, отъ востока до запада, и грѣховъ ихъ больше, чѣмъ звѣздъ нощныхъ и листа древеснаго, больше, чѣмъ травы земной и песка морского, и камней, и деревъ, и звѣря, и скота, и птицъ, и рыбъ, и больше, чѣмъ въ морѣ волнъ и капель дождевыхъ и человѣкъ и всей твари отъ начала вѣка и до конца: алчнаго не накормили, жаждущаго не напоили, путника страннаго не ввели въ домъ, нагого не пріодѣли, больного не посѣтили, въ темницу къ сидящему не пришли.

И неисходно онѣ молились въ долгую ночь подъ холодными звѣздами.

И имъ видѣлся старецъ, любивый и любимый, вѣдующій тайная сердецъ ихъ, непоступно въ самосіянномъ свѣтѣ превышняго третьяго неба беззвѣзднаго — неба небесе скорбно стоялъ въ воздухѣ старецъ.

— Господи, защити и помилуй! Господи, покажи милость! Господи, согрѣй сердце! Господи, да Ты слышишь ли?

А за бѣлымъ каменнымъ острогомъ на старомъ кладбищѣ вѣтеръ гулялъ. Вѣялъ вѣтеръ, вылъ, вился вкругъ крестовъ гнилыхъ, и, какъ въ полѣ зрѣлый отягченный колосъ, преклонялись кресты, и одинъ лишь крѣпко стоялъ, какъ поставили, стоялъ, не воротилъ головы тяжелый памятникъ студенецкаго купца Максима Иванова:

Подъ камнемъ симъ
Лежитъ купецъ Иванъ Максимъ,
Имъ бы жить да наслаждаться,
А они изволи скончаться.

Нюша Крутикова дремала у аппарата и подъ выстукиванія его дремалось сладко. И вдругъ подпрыгнула Нюша, словно Вася Кабанчикъ кольнулъ ее. Лента шла и крутилась, какъ и всегда, но слова выходили невсегдашнія: телеграмма изъ Лыкова исправнику Антонову шифрованная!.. Ласточкой метнулась Нюша передать новость сосѣду, а сосѣда нѣтъ.

Вышелъ Вася Кабанчикъ провѣтриться — звѣздная ночь — сталъ Кабанчикъ, да такъ и залюбовался собой.

Подушечка, подушечка,
Подушечка пуховая...

— тихо пѣли бобровскія барышни: Паша, Анюта, Катя и Зина подблюдную пѣсню подушечку, поютъ ее на дѣвичникахъ, да на вечерахъ, когда къ невѣстѣ пріѣзжаетъ женихъ, тихо пѣли барышни, и голоса ихъ томились.

Кого люблю, кого люблю, поцѣлую,
Тебя, моя подушечка, подарю я.

Въ форменномъ тяжеломъ сюртукѣ, въ каменныхъ воротничкахъ, — въ игольчатомъ жгучемъ парамантѣ лежалъ на диванѣ Бобровъ.

Онъ, какъ поднялся къ себѣ, какъ прилегъ на диванъ, такъ и лежалъ.

На столѣ горѣла свѣча. Пламя ея колебалось— вѣтеръ гулялъ за окномъ.

Не открывая глазъ лежалъ Бобровъ. Ознобъ обжигалъ его. И хотѣлось встать, закутаться потеплѣе и попить, — хоть бы одинъ глотокъ, — но онъ лежалъ и не могъ позвать.

Мысли шли по своей волѣ, сердце стучало и замирало по своей волѣ, а его воля была самой послѣдней.

И изъ послѣдней воли своей онъ не хотѣлъ никого звать.

Въ памяти его подымались завѣсы: такое далекое и забытое, случайное, проходило передъ нимъ, но такое кровное и съ болью утраты невозвратной.

Почему-то вспомнился ему протоколъ, писалъ онъ этотъ протоколъ незадолго до женитьбы своей, будучи лыковскимъ кандидатомъ: на лыковской станціи въ багажномъ отдѣленіи найдена была корзина, въ корзинѣ оказалась убитая женщина.

Слово въ слово выжигались слова:

„Убитая довольно полная женщина, на видъ ей лѣтъ тридцать пять. Лежитъ съ повернутой головой. На ней черная кофточка моднаго покроя, двѣ юбки. На ногахъ модные ботинки со шнурками. Когда была поднята лѣвая рука убитой, по корзинѣ поползли громадныя черви..."

И вдругъ ему стало ясно, что убитая въ корзинѣ — это жена его, Прасковья Ивановна, Паша.

„Какъ это просто, — подумалъ онъ, — перстная земля, какъ всѣ, какъ я...“

Но ужъ память другую подымала завѣсу, не давая ему ни перевести духа, ни одуматься, ни сообразить. Кто-то выше его воли, сильнѣе и крѣпче, не спрашиваясь, хочетъ онъ или не хочетъ, распоряжался надъ нимъ по-своему.

Какъ давно это было! Онъ сидитъ въ трамваѣ, къ Смольному ѣдетъ, а противъ него женщина въ черной плисовой кофтѣ: лицо, какъ морковь, и носъ какъ морковь, красная вся, вспухлая отъ слезъ, въ рукахъ икона — Божія Матерь, да, да, Божія Матерь — Величитъ душа моя Господа, крѣпко обѣими руками она держитъ ее, прижимаетъ ее къ груди, а сама все покачивается, какъ пьяная, и глаза опущены въ землю на дырявые полусапожки. И вдругъ кричитъ: „Берите меня, куда хотите!“

— Берите меня куда хотите! — кричитъ она послѣднимъ голосомъ послѣдняго отчаянія.

— А вамъ куда надо? Куда ѣдете?

— На Петербургскую.

— Эка, на Петербургскую!

— Да ты не въ ту сторону, совсѣмъ не въ ту сторону.

Кого люблю, кого люблю, поцѣлую,
Тебя, моя подушечка, подарю я.

— стонутъ голоса: бобровскія барышни за стѣной поютъ — томятся голоса ихъ.

— Берите меня куда хотите! — на крикъ кричитъ женщина и вотъ подняла глаза изъ муки, изму-

ченная, какъ у матери, качается, какъ пьяная, Василиса Прекрасная.

И вдругъ Боброву совсѣмъ ясно, что не мать, не Василиса Прекрасная, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, это онъ стонетъ... И его послѣдняя воля собираетъ послѣднія силы, чтобы было совсѣмъ неслышно, совсѣмъ тихо...

— Папа, тебѣ плохо? — Катя, третья дочь его, прокуровская, вошла въ комнату.

— Ничего, — Бобровъ поднялъ глаза, — Катя, я... ничего! — и повернулся лицомъ къ стѣнѣ, повернулся, и ужъ все будто повернулось въ немъ.

Онъ въ камерѣ у судьи. Онъ, Бобровъ, стоитъ передъ судьей. Налимовъ судья судитъ его. Но изъ того, что говоритъ судья, плохо что понимаетъ онъ: Налимовъ, хоть и по-русски говоритъ, да какъ-то по-своему, трудно разобрать. И одно только ясно ему, что его, судебнаго слѣдователя, статскаго совѣтника Боброва судятъ. Да, онъ виновенъ, онъ ошибся. И вотъ осудили. Какъ! За одну ошибку и такъ жестоко? И онъ хочетъ что-то сказать въ свое оправданіе, хочетъ оправдываться, да ужъ поздно: судья снимаетъ цѣпь. А какіе-то китайцы схватили его подъ руки...

— Одинъ бреука! — рванулся, глотнулъ Бобровъ воздухъ.

И сердце похолодѣло, стало сердце.

И тихо стало въ комнатѣ, тише, чѣмъ всегда. Пламя колебалось — вѣтеръ гулялъ за окномъ.

Не пѣли барышни, — присмирѣло за стѣной въ

ихъ горячихъ дѣвичьихъ думахъ, не томились голоса ихъ свадебной пѣснью.

Широкій и гулкій, нашъ разбойный вѣтеръ, вѣтровы пѣсни томились... сердце томилось, море томилось... тамъ море — море ль мятется, тамъ знои горючи — земля изсыхаетъ, не дождятъ небеса, увядаютъ травы, тамъ мука — плачъ ли безмерный, стенанія, крикъ непрестанный, тамъ страсть неутолима, гроза, пагуба нескончаема, вопль неутѣшимъ? — вѣтровы пѣсни томились, вѣтеръ разбойный гулкій широко гулялъ.

— Папа! — окликнула Катя.

Но ей никто не отвѣтилъ, только пламя метнулось.

И жутко тишина томила.

Неслышно подошла Катя къ дивану, не дыша, наклонилась.

— Папочка! Родной! Папочка! — и отшатнулась.

Съ открытыми окаменѣлыми глазами въ форменномъ тяжеломъ сюртукѣ жалко такъ лежалъ Бобровъ, и паръ шелъ изъ его рта.

1911—1912.

ПОКРОВЕННАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первый ударъ колокола слушай отъ Ивана Великаго. Трижды гулко ударятъ въ Успенскомъ, за Успенскимъ подымутъ звонъ у Симонова, а ужъ за Симоновымъ и всѣ сорокъ сороковъ, — со всѣхъ семи холмовъ вся Москва загудитъ.

Сколько вѣковъ такъ подъ красную Пасху на златоглавой Москвѣ звонятъ! Звонили такъ и при царяхъ московскихъ, при государяхъ всея Руси.

Палагея Сергѣевна слушаетъ звонъ, но никакихъ царей-государей не вспоминаетъ, ничего не вспоминаетъ она,—вся ея память закрыта, всѣ воспоминанія погашены.

Слушаетъ и старая кухарка Настасья, истово кладетъ кресты, шепчетъ старуха подъ этотъ полунощный, душу потрясающій, воскресный звонъ, истово кладетъ кресты, и тоже ни о чемъ не помнитъ, вся въ тихомъ, въ молитвенномъ озареніи:

„Христосъ воскресъ".

— Христосъ воскресъ, Палагея Сергѣевна!—говоритъ она барынѣ, тихая, вся въ тихомъ, въ молитвенномъ озареніи.

А за окномъ Москва гудитъ, и не разобрать колоколовъ: который колоколъ у Семена Столпника, который у Сергія въ Рогожской, который у Мартына Исповѣдника, который у Воскресенія въ Гончарахъ,— смѣшались таганскіе съ рогожскими и гончарные съ николоямскими, гудятъ колокола.

Палагея Сергѣевна слушаетъ звонъ, смотритъ упорно, не на пречистый образъ такъ она смотритъ, не на Покровъ темный съ ясной лампадкой, а куда-то въ окно, черезъ паутинныя зимнія рамы въ тьму полунощную пасхальной ночи...

И вдругъ слезы градомъ бѣгутъ изъ ея упорныхъ, пересиливающихъ и эти слезы, все еще живыхъ глазъ, а губы кривятся, безпомощныя.

Съ тѣхъ поръ, какъ Палагея Сергѣевна вышла замужъ, вотъ ужъ четвертый десятокъ, не ходитъ Палагея Сергѣевна подъ Пасху въ церковь, а сидитъ дома. Первые годы въ замужествѣ каждый годъ рождались у ней дѣти, и стоять ей въ церкви трудно было,—дома сидѣла. А когда разошлась она съ мужемъ и переѣхала отъ мужа съ дѣтьми на Хиву въ переулокъ на свою квартиру, она опять сидѣла дома, не ходила въ церковь: дѣти маленькія были, и ей было страшно оставлять дѣтей однихъ въ домѣ. А стали дѣти побольше,—пять сыновей у Палагеи Сергѣевны, всѣ погодки,—ужъ дѣти-гимназисты уходили въ церковь, а она дома сидѣла, домъ стерегла съ Настасьей. И повыросли дѣти, ученье кончили, въ люди вышли, всякій своимъ домомъ зажилъ, своей семьей, и осталась одна безъ дѣтей Палагея Сергѣевна, но и одна, по привычкѣ, что ли,

не выходила она подъ Пасху въ церковь, сидѣла дома.

Палагеѣ Сергѣевнѣ за шестьдесятъ, и ужъ сорокъ лѣтъ, какъ въ пасхальную ночь она только слушаетъ звонъ, этотъ полунощный, душу потрясающій, воскресный звонъ. И не тихое озареніе отъ ясной лампадки покрываетъ лицо ей, та вонъ ночь съ своей полунощною тьмою, да вдругъ неудержимо слезы...

И на мигъ слезы оживляютъ ея угасшую память. Въ слезахъ сквозь частыя слезы неудержимыя она видитъ себя, и не сѣдой, съ облѣзлой маковкой, покрытой кружевной черной наколкой, не беззубой сутуловатой старухой, чудной и странной, безпамятной, сумасшедшей, доживающей свои дни на Хивѣ въ переулкѣ съ кухаркой Настасьей, а барышней задорной, Полинькой Расторгуевой.

„Полинька, Христосъ воскресъ! Полинька, поверни-ка губоньки, носикъ свой курносенькій, глазки свои жучечки, дѣточка, Христосъ воскресъ!" — это маменька Анна Ивановна все цѣлуетъ свою любимицу, свою послѣднюю дочку Полиньку: въ первый разъ въ церковь подъ Пасху повела она Полиньку, нарядила, словно куколку, кутаетъ въ бархатный алый салопчикъ, ужъ къ кресту приложились, вышелъ батюшка пасхи святить, домой пора.

А у Полиньки одинъ глазокъ ужъ давнымъ давно, за евангеліемъ еще, какъ евангеліе стали читать, тутъ и заснулъ, а другой, плутъ, не спитъ, все таращится: любопытная она такая дѣвочка.

Полинька дѣвочка длинноногая съ тонкой шейкой.

Полинька стоитъ у клироса въ тепломъ придѣлѣ, гдѣ идетъ служба. Она ученица лютеранской школы св. Петра и Павла. Она въ четвертомъ классѣ, ей четырнадцать лѣтъ.

Какъ Полинька рада пасхальной заутренѣ, когда все поется, не читается, и царскія двери настежь раскрыты, виденъ жертвенникъ и престолъ, какъ она рада пасхальному пѣнію—всѣ запѣли, вся церковь поетъ, и теплымъ огонькамъ — краснымъ свѣчкамъ, и краснымъ бархатнымъ ризамъ — золотомъ расшитому облаченію въ меленькихъ жемчужинкахъ, и душистому зеленому можжевельнику, колкому подъ ея атласными бѣлыми туфельками.

Сердце стучитъ, уши горятъ...

Она влюблена, она въ первый разъ влюблена. И таитъ въ себѣ эту первую любовь свою. Онъ ничего не знаетъ, и никогда не узнать ему: сама, вѣдь, она никому и никогда не скажетъ, виду ему не подастъ. Черезъ все пѣніе, черезъ всѣ возгласы ей слышится голосъ, его голосъ. И такъ горячо она думаетъ и только о немъ: онъ—все въ ея сердцѣ, имъ полно все ея сердце.

Сердце стучитъ, уши горятъ...

Скоро узнаетъ она — онъ сосѣдъ ихъ — скоро узнается, что послѣ праздника свадьба его назначена, женится онъ, и какъ она тогда горько заплачетъ, захлебнется она въ своихъ первыхъ слезахъ. Но она еще ничего не знаетъ, она еще ни о чемъ

не догадывается. Завтра она его увидитъ, завтра онъ къ нимъ въ домъ придетъ ея отца поздравлять,— отецъ ея богатый, извѣстный въ Москвѣ купецъ, къ отцу всѣ ходятъ съ праздникомъ поздравлять,—онъ непремѣнно придетъ.

И Полинька рада, она всѣмъ, она всему рада: она ждетъ его.

„Христосъ воскресъ, Полинька!" —нянька говоритъ Авдотья.

„Воистину, нянечка, Христосъ воскресъ!" — и улыбается Полинька, цѣлуетъ долготерпѣливую няньку Авдотью, подслѣповатую бисерницу, сѣченную въ крѣпостяхъ, которая любитъ Полиньку, какъ покойница маменька Анна Ивановна любила свою длинноногую болотную птичку.

Полинька полненькая барышня-невѣста.

Полинька кончила нѣмецкую школу, ей восемнадцать лѣтъ. И не думаетъ она ужъ ни по-нѣмецки, ни по-французски, какъ думала раньше, когда училась въ школѣ, она думаетъ по-русски и книжными словами и словами покойницы няньки долготерпѣливой Авдотьи-бисерницы. Давно забыта ея первая любовь, кудрявый сосѣдъ Прохоровъ, много разъ съ тѣхъ поръ влюблялась она, и сколько разъ влюбленная думала она, что отъ тоски съ ума сойдетъ. Все забыто, все улеглось и не вспоминается.

Полинька—невѣста, и онъ тутъ, женихъ ея, недалеко отъ нея у клироса стоитъ.

Она его любитъ и знаетъ, что и онъ ее любитъ.

Каждую субботу онъ ходитъ ко всенощной въ церковь, куда она ходитъ, на балахъ онъ танцуетъ съ нею: зимой танцовали они въ Купеческомъ клубѣ и въ Благородномъ собраніи, лѣтомъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Богородскомъ, въ Сокольникахъ, въ Останкинѣ, въ Леоновѣ, въ Свирловѣ,—и въ Оперѣ кресло у него рядомъ съ ея кресломъ. И все-то онъ замѣчаетъ, и если Полинька разстроена, никто не замѣтитъ, а онъ непремѣнно увидитъ, по глазамъ ея, по блеску глазъ разгадаетъ, и скажетъ. Перчатки у ней стащилъ... ну, потомъ вернулъ. Онъ еще не сдѣлалъ ей предложенія, послѣ Пасхи сдѣлаетъ на Красную горку. А потомъ и свадьба. Ужъ жильцы отъ Горбовыхъ изъ дома ихъ съѣхали: это для молодыхъ, тамъ они поселятся. Отдѣлаютъ комнаты, и тогда свадьба.

И Полинька смотритъ увѣренно.

Она и не догадывается и нѣтъ у ней въ мысляхъ, что не бывать ея свадьбѣ, что послѣ Пасхи на Красную горку все сорвется, рухнетъ все дѣло: они объяснятся, она первая ему скажетъ, но старикъ Горбовъ запретитъ сыну жениться, и послушный сынъ покорится. Какъ ужаленная, завертится она, задохнется она, отъ обиды изноетъ, заболитъ, и будетъ долго одна съ обидой своей, все одна, на люди не выйдетъ. А пока она ничего не знаетъ, она—невѣста, она такъ увѣренно смотритъ.

„Христосъ воскресъ, Пелагея Сергѣевна!"—это Горбовъ, женихъ ея, онъ подошелъ къ ней, онъ цѣлуетъ ей руки.

„Воистину воскресъ!“ — и улыбается Полинька, и цѣлуетъ подругу, свою сверстницу, тоже невѣсту, Клавденьку, крѣпко цѣлуетъ трижды.

Полинька вся въ бѣломъ, съ алымъ шарфомъ.

Полинька одна стоитъ въ тепломъ придѣлѣ, гдѣ служатъ. Ей ужъ двадцать два года. Нѣтъ ея подруги Клавденьки, Клавденька давно замужъ вышла. Похудала Полинька, и скорѣе похожа она на ту длинноногую дѣвочку, на болотную птичку, влюбленную въ кудряваго сосѣда, не на невѣсту Горбова, и это ее хорошитъ.

А какъ много всего за это время прошло! Умеръ отецъ старикъ, самъ Расторгуевъ, кучеръ вывалилъ Полиньку изъ саней, и она сильно ушиблась, — одинъ Богъ спасъ, на балахъ Полинька теперь ужъ первая, всѣ за ней ухаживаютъ, но ее не такъ забавляютъ балы и ухаживанія, не такъ занимаютъ и толки о женихахъ. Послѣ той горбовской горячки Полинька стала какъ-то равнодушнѣе, ну, конечно, не разъ влюблялась она и не въ одного, а въ нѣсколькихъ сразу, но какъ-то все выносила легко, не было той первой боли и тоски до отчаянія.

Полинька встрѣтилась съ новымъ человѣкомъ, такого она раньше никогда не видала. Познакомилась она съ нимъ въ Богородскомъ на дачѣ. Онъ совсѣмъ не похожъ былъ на тѣхъ людей, какіе бывали въ ихъ домѣ у ея отца, онъ ни на кого не похожъ былъ: ни на Прохорова, ни на Горбова, онъ и одѣтъ былъ по своему: въ бархатномъ пид-

жакѣ, въ бѣлой фуражкѣ и высокихъ сапогахъ, и еще носилъ онъ ситцевую лиловую рубашку, и было у него драповое истасканное пальто, — всегда очень растрепанъ, а какъ нравился! Изъ всѣхъ богородскихъ барышенъ онъ отличилъ Полиньку и танцовалъ съ ней, какъ когда-то танцовалъ женихъ ея Горбовъ. Онъ пріучилъ ее смотрѣть на все обыкновенными глазами,—такъ самъ онъ говорилъ ей, вмѣстѣ читали книжки.

Да, она замѣтно перемѣнилась. Раньше она только и гадала, что о свадьбѣ, чтобы замужъ выйти, къ замужеству сводились всѣ ея мысли, къ женихамъ, а послѣ встрѣчи съ нимъ она захотѣла быть самостоятельною, трудиться, приносить пользу обществу, итти наперекоръ, чтобы вышло изъ нея что-нибудь настоящее, — такъ самъ онъ говорилъ ей. Она по его совѣту перестала носить шиньонъ и стала учить грамотѣ фабричныхъ ребятишекъ. Открылась ей цѣлая новая жизнь и время у ней занято.

Но Лебедевъ женатый, у него есть дѣти. Жена стала присматривать за Полинькой и мужемъ и вышло такъ, что долженъ онъ былъ уѣхать куда-то въ Казань съ женой и дѣтьми. Онъ былъ такой печальный, когда прощался съ Полинькой, писать обѣщалъ, помнить всю жизнь. И ничего не написалъ. Такъ и сгинулъ гдѣ-то въ Казани, ни строчки не написалъ.

Досадно было Полинькѣ... Впрочемъ, теперь-то ей совсѣмъ безразлично, помнитъ ли ее Лебедевъ или забылъ, напишетъ онъ ей когда или такъ и

пропадутъ о немъ всякія вѣсти, ей все равно. А на счетъ Горбова, жениха своего, ей просто смѣшно, да и представить ей себѣ трудно, понять она не можетъ, какъ это она тогда могла убиваться такъ. Да и не думаетъ она ни о комъ изъ прежнихъ своихъ: ни о Горбовѣ, ни о Лебедевѣ, ни объ одномъ человѣкѣ, о комъ хоть одну минуту жарко подумала ну послѣ бала...

Зимою вернулся въ Москву ея двоюродный братъ, съ которымъ была она въ дружбѣ, и не одинъ онъ вернулся, а съ женою-цыганкой: на цыганкѣ женился. Родственники встрѣтили неласково цыганку, и только одна Полинька наперекоръ всѣмъ привязалась къ своей новой родственницѣ и постоянно бывала въ ихъ домѣ. И тамъ, у нихъ въ домѣ, познакомилась она съ однимъ художникомъ.

Зима прошла весело. На Новый годъ Полинька была на маскарадѣ и опять на Крещенье на маскарадѣ. И всякій разъ съ Кистеневымъ, художникомъ, и на маскарадѣ, и на балу, и на всѣхъ вечерахъ она съ нимъ, только съ нимъ. На тройкахъ въ Стрѣльну катались, и въ саняхъ она съ нимъ сидѣла.

Сердце стучитъ, уши горятъ, красная свѣчка плыветъ...

Не любила такъ никого Полинька, какъ его любитъ. Онъ вернется въ Москву скоро ужъ, вотъ послѣ Пасхи, въ маѣ. Она знаетъ, онъ тоже любитъ ее, она выйдетъ замужъ. Черезъ все пѣніе, черезъ всѣ возгласы ей слышится голосъ, его голосъ. И такъ горячо она думаетъ, и только о немъ: онъ — все въ ея сердцѣ, имъ полно все ея сердце.

Сердце стучитъ, уши горятъ, красная свѣчка плыветъ...

Да, она выйдетъ замужъ, не за него только, за другого, такъ она выйдетъ, безъ любви, очертя голову. Но она объ этомъ и подумать теперь не можетъ, мысли у ней не можетъ быть, что именно вотъ такъ оно и будетъ, а не иначе. Да она бы въ минуту посѣдѣла, шепни ей о судьбѣ ея. Онъ вернется изъ Петербурга, послѣ Пасхи въ маѣ, свиданія ихъ будутъ все чаще, и безъ словъ все между ними станетъ ясно, по горлышко дойдетъ имъ любовь ихъ, вплотную близость ихъ. Она его будетъ звать Сашей, онъ ее — Полинькой. Такъ и простятся. Осенью онъ уѣдетъ въ Петербургъ, онъ еше учится, и еще не одинъ годъ учиться ему. Потянется осень. Будутъ родственники и старшіе докучать сватовствомъ: вѣдь, всѣ ея подруги замужъ вышли, и ей пора, ей ужъ двадцать два года. Ей двадцать два года, а ему надо учиться, и не одинъ еще годъ учиться. А съ годами мало ли что, мало ли перемѣна какая будетъ? А тутъ есть человѣкъ не молодой ужъ, но богатый, вдовецъ и съ дѣтьми. И она поддастся. Не на богатство позарится она, что ей? — приданое отецъ завѣщалъ большое, нѣтъ, всѣ ея мысли петлей закрутятся, станетъ ей какъ-то все равно, и она выйдетъ замужъ по сватовству, безъ любви, такъ она выйдетъ, очертя голову. А какъ придетъ въ себя, да какъ увидитъ, что сдѣлала, и упадутъ руки. И вернуть не вернешь. И лучше бы не встать ей тогда, не подняться съ земли, когда кучеръ изъ саней ее вывалилъ. Но

она еще ничего не знаетъ. Какъ она далека отъ судьбы своей!

Сердце стучитъ, уши горятъ, красная свѣчка плыветъ...

Это ея послѣдняя Пасха, въ послѣдній разъ стоитъ она въ церкви, слушаетъ пасхальное пѣніе, а слышитъ его. Она одна стоитъ въ послѣднюю свою Пасху вся въ бѣломъ съ его алымъ шарфомъ.

Полинька подходитъ къ кресту.

„Христосъ Воскресъ!" — даетъ ей батюшка крестъ.

„Воистину!" — шепчетъ Полинька, зардѣлась вся, какъ ея алый шарфъ, цѣлуетъ тяжелый кованный крестъ, и крестъ обжигаетъ ея горячія губы ледянымъ своимъ холодомъ.

Такъ ясно, такъ живо видитъ себя Палагея Сергѣевна въ церкви въ свою послѣднюю Пасху: она вся въ бѣломъ съ алымъ шарфомъ, — и слезы душатъ ее.

— Христосъ воскресъ, Палагея Сергѣевна! — шепчетъ Настасья, и у старухи на запалыхъ глазахъ навертываются тощія, мутныя слезинки.

А за окномъ звонитъ Москва. Всѣхъ звончѣе подалъ вѣсть е с а к ъ, и поднялся трезвонъ во всѣ тяжкіе и веліе, всѣ колокола звонятъ, и новые и старые: нѣмчинъ, годуновъ, широкій, глухой, карнаухій, переспоръ, соколъ, медвѣдь, — московскій звонъ. И глухо сквозь частый трезвонъ доноситъ на Хиву въ переулокъ кремлевскія пушки — сто и одинъ вы-

стрѣлъ: крестный ходъ обошелъ вокругъ церкви, — настежь церковныя двери, крестный ходъ входитъ въ церковь, — и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ! — и началась заутреня.

Палагея Сергѣевна быстро, быстро идетъ изъ кухни въ свою комнату, словно бы окликнули ее, словно бы случилось что въ ея комнатѣ: лампа ли со стола упала, или стряслась другая какая бѣда. И нѣтъ ничего, ничего не случилось, такъ всегда она ходитъ, не ходитъ, а бѣгаетъ.

Палагея Сергѣевна отпираетъ комоды, — тамъ все вверхъ дномъ у нея, и среди всякихъ тряпокъ, писемъ, просроченныхъ ломбардныхъ квитанцій, фотографическихъ карточекъ, пузырьковъ, пустыхъ футляровъ и всякихъ коробокъ ищетъ она что-то: некупленный ли подарокъ Настасьѣ — прежнее-то время праздничный подарокъ всегда въ комодѣ хранила, или еще что задумала... Какія у ней пошли мысли? Куда толкнули ее воспоминанія?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Одна Настасья въ кухнѣ передъ пречистымъ образомъ, передъ Покровомъ темнымъ съ ясной лампадкой. Не слышитъ Настасья московскаго звона, не слышитъ, какъ изъ пушекъ палятъ, не считаетъ пушки, — тощія мутныя слезинки поблескиваютъ на ея запалыхъ глазахъ.

— Матушка, Покрова̀, Заступница усердная! — перебираетъ губами старуха: ей тоже въ тайности сердца свое припомнилось, мытарство свое.

Настасья однихъ лѣтъ съ Палагеей Сергѣевной, а въ церковь подъ Пасху она не ходитъ ужъ больше полвѣка. Не годы ей вспоминаются, всего нѣсколько дней.

Шестнадцати годовъ просватали Настасью изъ дальней деревни. Попался ей мужъ богатый и по сердцу пришелся: не силою, не неволею, охотой пошла за него. Весело справили свадьбу, и увезъ ее мужъ въ свою деревню. И стала Настасья жить-поживать, не печалится въ новомъ домѣ. День прожила хорошо и другой прожила хорошо, и третій день кончился по хорошему, грѣхъ и пожаловаться. Тихо, совѣтно, ладно ей съ мужемъ жить. А на чет-

вертый день нежданно, негаданно объявилась въ домъ прежняя жена его, невѣнчанная, съ которой до тѣхъ поръ жилъ онъ, и дѣтей съ собой привела,— баба еще молодая, здоровая, да его-то не тронула, а на ней, на своей разлучницѣ, изнесла все свое сердце, изместила обиду, избила Настасью, и всѣ, какія платья были, какія рубашки, приданое — все порвала, на куски порѣзала. Въ чемъ была, въ томъ и выскочила Настасья, вся избитая. Куда итти? Да куда ей итти—къ отцу. И пошла къ отцу, безъ дороги шла она, какъ звѣрь, и лѣсомъ и полемъ, и лѣсомъ и оврагами, какъ звѣрь. Пришла къ отцу. Ей бы съ перваго слова и открыться во всемъ старику, заступился бы старикъ за дочь, нашелъ бы управу—если Бога человѣкъ не боится, людей забоится—нашелъ бы управу, а она... да она еще тогда, безъ дороги звѣремъ черезъ лѣса-то рысчущи, ужъ тогда всю судьбу свою передумала, и ни словечкомъ не пожаловалась, никого не обмолвила, все на себя сказала, себя одну обвинила, грѣхъ его взяла на себя. Отхлесталъ ее старикъ возжей, да вонъ изъ дому.

„Вонъ пошла, потаскуха!"—зарычалъ старикъ.

Она и пошла, волочашкой по людямъ пошла изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. И попала въ Москву къ Расторгуевымъ, нанялась въ судомойки. А когда Палагея Сергѣевна отъ мужа уѣхала, попросилась она къ ней на Хиву, да съ тѣхъ поръ и живетъ въ кухаркахъ.

Родителя своего старика вспомнила Настасья, такъ и померъ старикъ...

— Царствіе ему небесное!

Мужа она вспомнила, три денька свои, и мужъ померъ...

— Царствіе ему небесное!

Дорогу свою она вспомнила, когда звѣремъ безъ дороги черезъ лѣсъ рыскала...

— Матушка, Покрова̀, Заступница усердная! — перебираетъ губами старуха, и ужъ легко ей на сердцѣ, тихая, вся она въ тихомъ, въ молитвенномъ озареніи:

„Христосъ воскресъ".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Долго рылась Палагея Сергѣевна въ комодахъ, по всѣмъ уголкамъ шарила, всѣ вещи перерыла и нашла, наконецъ, что ей надобно: изъ-подъ самаго дна вытащила она зеленую въ переплетѣ тетрадь— свой дневникъ.

Руки у нея трясутся, кружевная наколка сбилась на ея облѣзлой маковкѣ. Быстро перелистываетъ она зеленую тетрадь. Слова горятъ передъ ней.

Это ея дѣвичій дневникъ.

Да, все такъ, все, какъ было.

„12 января уѣхалъ въ Петербургъ К. Я думала, я съ ума сойду".

„30 мая. Скучала я страшно всю весну, 11 мая поѣхала въ Богородское, тамъ ждала К. Онъ пріѣхалъ 26-го. Мы ѣздили съ нимъ въ Медвѣдково. Постоянно онъ гулялъ со мной, цѣлый день проводили мы вмѣстѣ, играли въ карты, въ бильбокэ, сэрсо. Онъ звалъ меня Полинькой, я его—Сашей. Весело было".

„31 мая и 1 іюня были мы въ Кунцовѣ. Весело было".

„2 іюня въ среду мы съ нимъ вечеромъ... Какъ пріятно вспомнить этотъ вечеръ!“.

„3 іюня ѣздили къ Троицѣ. Назадъ мы съ нимъ ѣхали двое“.

„30 августа К. пробылъ у насъ два часа. Мы съ нимъ сидѣли въ моей комнатѣ и простились. Боже мой, я это вспомню когда-нибудь! Что же это было? Милый, дорогой мой! Когда онъ уѣхалъ, я была сама не своя. Неужели мы не свидимся? Я люблю его до безумія“.

„23 октября. Мнѣ сватаютъ жениха Т. Онъ былъ у насъ. Боже, какъ ночью плакала. Онъ мнѣ совсѣмъ не нравится. Что же это будетъ? И неужели моя дорожка кончилась? Что же это такое? Я ума не приложу. Молиться не могу. Что мнѣ дѣлать? Никто не знаетъ, что такъ безумно люблю его. Мнѣ двадцать два года, а ему еще долго учиться, не пара мы. Несчастный тотъ день, когда мы съ нимъ встрѣтились. Какая я буду жена, какая мать, когда люблю до смерти другого! И если я должна буду вѣнчаться, честно ли я поступлю? А вѣдь, все равно, я знаю, мнѣ за него не выйти“.

„26 ноября Ѳ. П. Т. сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Я согласилась. Что-то отъ сердца точно оторвалось, похолодѣло. Мы познакомились 13 октября, а теперь 1 декабря. Я больна, нервы разстроены сильно. Сама не знаю“...

„26 декабря. Утро. Сегодня назначено мое благословеніе. Теперь все покончено. Больше ждать нечего. Кончилось все. Я отношусь спокойно и равнодушно, а, вѣрно, заплачу послѣ“.

Да, вѣрно, все такъ, все, какъ было.

И ужъ въ глазахъ ея нѣтъ больше слезъ: строчки, буквы, цифры ей выжгли всѣ ея слезы.

Палагея Сергѣевна словно замерла вся, ея зеленая тетрадь выпала изъ рукъ.

Она одна въ комнатѣ. И сколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ отъ мужа съ дѣтьми уѣхала, она живетъ въ этой комнатѣ. Костяникъ и тряпичникъ давно зарятся на ея комоды. И пусть бы забрали всю ея рухлядь, да и ее за одно. Она одна въ этой опостылѣвшей комнатѣ, она во всемъ мірѣ одна.

Не слышно ей звона, а ужъ къ обѣднѣ звонятъ, она ничего не слышитъ.

И одна ночь изъ оконъ глядитъ на нее.

Какъ же это такъ? Что же это она сдѣлала? Зачѣмъ она такъ сдѣлала?

Когда она въ свою послѣднюю пасхальную ночь стояла въ церкви, и вся душа ея была обращена къ нему, и всей душой, всѣмъ существомъ своимъ она ждала его, для нея все играло, все горѣло пасхальнымъ огнемъ алымъ, какъ тотъ шарфъ ея алый, потому что она любила. А когда, любя его до-смерти, связала жизнь свою съ нелюбимымъ, пала ей на голову ночь, потому что сама свою любовь предала.

И эта ночь, эта безпросвѣтность — кара ей...

Дѣти ея, не отъ любви рожденныя, съ ужасомъ, съ отвращеніемъ, съ проклятіями на свѣтъ выведенныя, какъ новая еще обуза для ея и безъ того опутанной жизни, какъ петля, туже, все крѣпче

затягивающая ей горло, а и безъ того дышать нечѣмъ, дѣти ея — ей совсѣмъ чужія. И та же безпросвѣтность, нѣтъ, еще большая ночь.

И эта ночь, эта безпросвѣтность — кара ей.

Жалко ей было дѣтей, а вѣдь и котятъ слѣпыхъ жалко, всякую безпомощную и беззащитную тварь жалко, но любить она не могла ихъ. И когда захотѣла дѣтей полюбить, вотъ когда отъ мужа рѣшила уѣхать съ дѣтьми, въ дѣтяхъ думала найти себѣ свѣтъ и покой, не нашла она свѣта — какъ такъ полюбишь? — а безъ любви одна ей ночь.

И эта ночь, эта безпросвѣтность — кара ей.

Какъ же это такъ? Что же это она сдѣлала? Зачѣмъ она такъ сдѣлала? Зачѣмъ наперекоръ своему сердцу поступила тогда, въ комокъ сдавила свое живое сердце, свою любовь предала?

Или отъ отчаянія? Вѣры не стало, потеряла вѣру? Повѣрила Горбову, который сыновней покорностью своей крѣпко обидѣлъ ее, повѣрила Лебедеву, учителю своему, который клялся ей помнить вѣчно и, малодушный, даже не написалъ ни строчки? И опустѣло сердце. Да пусть бы и этотъ художникъ также обманулъ ее, любовь-то зачѣмъ предала?

Ужъ если въ самой тайнѣ своей она никому не вѣрила, во всѣхъ отчаялась, и только себѣ вѣрила, такъ бросила бъ домъ, Москву, въ Петербургъ переѣхала бы. Отецъ далъ ей образованіе, въ нѣмецкую школу опредѣлилъ: умный былъ старикъ, цѣнилъ знаніе. Въ Петербургѣ она не пропала бы. Начала бы тамъ новую жизнь самостоятельную

и вышло бы изъ нея что-нибудь настоящее. А не захотѣли бы опекуны приданое ей выдать, что наперекоръ идетъ, а имъ всѣмъ хотѣлось, чтобы замужъ она вышла, Богъ съ ними, Богъ съ нимъ, съ приданымъ и со всѣми деньгами отцовскими. А то и деньги на рукахъ и все — домъ, свои лошади, все, что хочешь, ни въ чемъ нѣтъ недостатка, а какая жизнь! Одна ночь.

И эта ночь — кара ей.

Или въ самой тайнѣ своей, отчаявшись и въ себѣ, надѣялась она, что свыкнется и забудетъ, притерпится, и тогда сама собой пойдетъ какая-то новая жизнь? Кто-нибудь и свыкнется, кто-нибудь и притерпится, да она-то не свыклась, не притерпѣлась, ничего не забыла, не могла забыть.

И въ этой жгучей ея памятливости кара ей.

Или еще на что надѣялась?

Нѣтъ, какая еще можетъ быть надежда? Да если и была хоть какая-нибудь надежда, въ первую же ночь, какъ осталась она одна съ мужемъ съ-глазу-на-глазъ, тутъ и конецъ. Любовь свою предала! И ночь изъ всѣхъ оконъ глянула на нее.

И эта ночь — кара ей.

Вотъ она распяла себя, и распятая тянула свои безцѣльные отчаянные дни и еще живетъ: и пьетъ и ѣстъ, читаетъ по утрамъ Московскій Листокъ, плачетъ, безъ мысли, безъ памяти, съ погасшей и вдругъ вспыхивающей памятью и ужасомъ безцѣльной своей распятости, судьбы своей, о которой шепни ей тогда въ ея послѣднюю пасхальную ночь, когда вся въ бѣломъ съ алымъ шарфомъ цѣловала она

горячими губами тяжелый кованный крестъ, показавшійся ей тогда холоднымъ, какъ ледъ, и она въ минуту посѣдѣла бы.

Настасья старуха тоже распятая. Настасья сама тоже распяла себя: невиновная, она чужую вину взяла на себя, грѣхъ на-душу приняла мужнинъ изъ любви къ мужу, суженому своему, который обманулъ ее, изъ жалости къ дѣтямъ его, изъ жалости къ той покинутой женѣ его. И для нея все свѣтится, она вся свѣтомъ покровенная, сама, какъ живой свѣтъ.

А тутъ одна ночь.

Кто это, что это, что обрекло ее — вѣдь была она курносенькой Полинькой, и была она длинноногой болотной птичкой Полинькой, и полненькой барышней-невѣстой Полинькой, и вѣдь это она стояла вся въ бѣломъ съ алымъ шарфомъ, вся, какъ одна любовь, — кто это, что это, что назначило ей такую безцѣльную муку, распяло такъ жестоко?

А, бывало, въ годы замужества, когда съ мужемъ жила еще, бывало, ночью увидитъ она во снѣ его. Проснется утромъ... Боже мой, и не просыпаться бы ей вовсе.

„Саша!" — тихо покличетъ, вся душа заноетъ.

И потомъ день-деньской мѣста себѣ не найдетъ, да куда-нибудь забьется въ уголъ, уткнется въ подушку.

„Саша!.. никогда... я тебя никогда не увижу! А тебя люблю, только тебя!" — вся душа зарыдаетъ.

Зачѣмъ это? И зачѣмъ ей такая тяжкая кара — ночь до вѣка, мука до гроба?

Всю въ бѣломъ съ алымъ шарфомъ кинуло ее изъ церкви съ пасхальной обѣдни на Хиву въ переулокъ доживать свой долгій, невыносимый, безпросвѣтный вѣкъ.

И зачѣмъ она такъ жестоко распяла себя?

Палагея Сергѣевна подняла съ пола зеленую тетрадь, положила тетрадь въ комодъ и совсѣмъ тихо, необычно тихо пошла изъ комнаты въ кухню къ Настасьѣ.

Страшно ли ей стало, что одна она въ комнатѣ — въ цѣломъ мірѣ одна, или отъ какой-то внезапно блеснувшей мысли страшно ей стало, и страхъ этотъ, сковалъ ея шагъ? Или еще что задумала?

Тихо, совсѣмъ тихо вошла она въ кухню.

Передъ пречистымъ образомъ, передъ Покровомъ темнымъ съ ясной лампадкой, стояла Настасья, вся въ тихомъ, въ молитвенномъ озареніи.

— Христосъ воскресъ, Палагея Сергѣевна!

Стоитъ Палагея Сергѣевна передъ Настасьей, — такъ еще недавно Настасья стояла передъ пречистымъ образомъ Покровомъ заступающимъ, и слезы бѣгутъ изъ глазъ, а кривящіяся мокрыя губы тянутся къ старухѣ, и голосомъ загубленнаго сердца беззвучно шепчетъ она изъ тьмы своей, изъ своей отчаянной ночи потрясенной души воистину, а изъ кривящихся безпомощныхъ губъ безпомощно просится...

— Веревку, — проситъ она, и слезы давятъ ее, — веревку!

А за окномъ по церквамъ идетъ перезвонъ.

„Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово. Се бѣ искони отъ Бога. Вся тѣмъ быша, и безъ Него ничто же не бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объятъ."

Вся Москва перезванивала: вонъ у Семеона Столпника, вонъ у Сергія въ Рогожской, вонъ у мартына Исповѣдника, вонъ у Воскресенія въ Гончарахъ...

Скоро станетъ свѣтать. Приложатся къ кресту, освятитъ батюшка пасхи, и понесутъ изъ церквей куличи, пасхи да красныя яйца по домамъ, всякъ въ свой домъ, разговляться. А тамъ заиграетъ и солнце, воскресное красное солнце надъ златоглавой Москвой.

1912 г.

БИСЕРЪ МАЛЫЙ.

Михаилу Ивановичу Терещенко.

1.

ПИРЪ У СЫНА ЦАРЕВА.

— Грядите на вечерю, яко вся готова суть!

— Какъ мы пойдемъ: наша свадьба нынче.

— Никакъ не могу: дѣла по горло.

— Я не могу, обѣщалъ къ другому, далъ слово.

И многимъ слышенъ былъ голосъ, еще многіе слышали призывающій голосъ и даже не отозвались.

И ангелы пошли совсѣмъ по другимъ улицамъ, ангелы пошли по закоулкамъ, въ переулки, совсѣмъ по другимъ улицамъ, совсѣмъ къ другимъ людямъ.

И царскіе чертоги наполнились.

И полонъ былъ пиръ странными гостями.

Много званыхъ, да мало откликается.

2.

ОБОЮДНЫЙ.

Привязанный къ столбу по рукамъ и ногамъ, я стою у столба передъ лицомъ рая, на грани мѣста мучнаго.

Солнце я вижу, неслышно идетъ оно къ райскому саду, и опадаютъ листья и весенніе, другіе, выходятъ на сплетшихся теплыхъ вѣтвяхъ. Землю я вижу, зеленая, въ росной травѣ горитъ земля въ звѣздахъ.

Тихо дышитъ отовсюду зефиръ, подыхаетъ въ лицо мнѣ, наполняя цвѣтами воздухъ.

А въ спину мнѣ пышетъ и жжетъ.

И я застоналъ въ сокрушеніи сердца.

– Милосердія ради, — сказалъ мнѣ ангелъ Божій, — ты избавленъ отъ вѣчныя муки, блуда же ради лишенъ царства небеснаго, въ садъ не войдешь, благихъ не насладишься и радости святыхъ не узришь.

И, вздохнувъ отъ глубины моего сердца, я вспомнилъ весь блудъ, сотворенный мною, но дѣлъ милосердія, ни одного, никакого не вспомнилъ.

И видѣніе скрылось.

3.

ЗАБЫТЫЕ БОГОМЪ.

Въ хожденіи своемъ по мукамъ, увидѣла Богородица страшное мучное мѣсто — тьму великую, муку неизрекомую.

И не разошлась тьма по слову Богородицы. И ничего не разглядѣла во тьмѣ той Богородица.

Ангелы, стерегущіе муку, говорятъ Богородицѣ:

— Заказано намъ, да не увидятъ тамъ свѣта, пока не придетъ Сынъ Твой, свѣтлѣе семи солнцъ.

Опечалилась Богородица и взмолилась къ Отцу, къ невидимому престолу Его, да разсѣется тьма, чтобы видѣть Ей всѣхъ, мучащихся темной мукою.

И вотъ до седьмого неба разверзъ великую тьму свѣтъ неиздаемый, и увидѣла Богородица грѣшниковъ, мужей и женъ, кинутыхъ Богомъ во тьму — въ отчаяніе.

— Что несчастные, сдѣлали вы? — воскликнула Богородица къ грѣшнымъ-отчаяннымъ.

И нѣтъ отвѣта. Имъ тяжко, трудно голосъ подать, скорчились.

— Что же молчите, не отвѣчаете? — воззвали ангелы, стерегущіе муку къ отчаяннымъ-грѣшникамъ.

А имъ и терпѣнія нѣтъ, нестерпимо ихъ жжетъ пренебесный свѣтъ: отъ вѣка кинуты Богомъ, вѣкъ вѣчный въ безпросвѣтной тьмѣ, забытые Богомъ, грѣшники-отчаянные.

— Не поднять намъ глазъ, не видимъ ничего! — кричатъ на крикъ со дна муки мученской.

И заплакала Богородица.

И была великая тишина на землѣ и въ воздухѣ.

А тамъ, на днѣ муки, отъ слезъ Ея теплыхъ и неисчетныхъ прозрѣли ослѣпленные тьмою глаза, и на днѣ муки изъ муки мученской увидѣли Богородицу,

Ни Авраамъ, судія надъ грѣшниками, ни Моисей Боговидецъ, ни Іоаннъ Креститель, Предтеча Христовъ на землѣ и во адѣ, ни Павелъ, Христовъ апостолъ, восхищенный на третье небо, никто, ни одинъ изъ сходившихъ во адъ, не приходилъ къ нимъ въ ихъ отчаяніи, Сынъ Божій не приходилъ къ нимъ, и одна посѣтила ихъ въ ихъ мрачной тьмѣ, въ темномъ отчаяніи, въ ихъ мукѣ неизрекомой Пресвятая Богородица.

— Ты одна къ намъ пришла! Ты одна — Ты наша! Заступница наша, стѣна необоримая, покровъ! — и руки, уставшія просить о милости, потянулись руки къ Богородицѣ со дна послѣдняго мученія.

— Вотъ они — тѣ, кто въ Духа Святаго не вѣровалъ, въ Тебя, святая Богородица, не вѣровалъ,

да за то здѣсь и мучатся! — сказалъ Михаилъ архистратигъ силы Господней, водитель по грознымъ мукамъ.

И тьма упала на грѣшниковъ, и свѣтъ до вѣка погасъ.

Богородицу и Матерь свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ!

4.

ЗАБЫВШІЕ БОГА.

— Пойдемъ, походимъ еще, да вижу всѣ муки! — сказала Богородица архистратигу, грозныхъ силъ воеводѣ Михаилу.

И сказалъ Михаилъ:

— Куда хочешь, Благодатная?

— На полночь,—сказала Богородица.

И вметнулись херувимы и серафимы и четыреста ангеловъ, вывели ангелы Богородицу съ полудня на полночь.

А тамъ, въ черной ночи, огнистая грозно распростерлась великая туча съ края на край, и среди тучи, какъ костеръ, стояли одры—великое изъ огня и пламени ложе, и много женъ и мужей лежало на одрахъ тѣхъ—на огненномъ ложѣ, и пламенные языки взвивались надъ ними.

И, увидѣвъ муку огненную, запечалилась Богородица:

— Кто они, несчастные, и за что такъ мучатся?

— Это тѣ, кто подъ Пасху въ Христову ночь къ

заутренѣ не вставалъ; это тѣ, что забыли Святое Воскресеніе,—сказалъ Михаилъ архистратигъ силы Господней.

— А кому если встать не въ мочь, боленъ кто, хворый кто, душа болитъ, душа исходитъ, за что же такъ?—тихо горько спросила Богородица.

И сказалъ Михаилъ:

— Слушай, Пресвятая Богородица: если домъ у кого загорится и охватитъ пламя съ четырехъ концовъ—вся душа, весь міръ его запылаетъ огнемъ, и сгоритъ тотъ, а не встанетъ, не попомнитъ о Христовой ночи, забудетъ Воскресеніе Христа, на томъ нѣтъ грѣха.

И вздохнула Богородица:

— На томъ нѣтъ грѣха.

Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ!

5.

СТРАХЪ СМЕРТНЫЙ.

Занозилъ себѣ левъ лапу, а старецъ святой Герасимъ вытащилъ у льва занозу. И благодарный левъ не только что не съѣлъ старца, а съ безмолвіемъ сталъ служить святому старцу.

Въ мясопустные дни левъ служилъ старцу съ утра весь день: и воду ему возилъ, и всѣ работы исполнялъ, какія надо, и къ вечеру водилъ коня его на водопой и, напоивъ коня, приводилъ къ хижинѣ.

Такъ втроемъ и жили: старецъ конь и левъ.

Старецъ, видя такую къ себѣ милость Божью, благодарилъ Бога, а левъ, помня о помощи старца, изъ всѣхъ силъ старался угодить святому старцу. Но каково было коню, что испытывалъ конь, когда левъ на водопой водилъ его и обратно къ хижинѣ!

Былъ этотъ конь—добрый конь, рыжій, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, Просвѣтъ-конь, звонко топалъ копытомъ, игралъ, а тутъ тише воды, ниже травы: со львомъ-то жизнь какая — ни тебѣ травы

пощипать вольно, ни тебѣ побѣгать вольготно, левъ такъ въ оба и смотритъ, а на умѣ—чуть что, и съѣстъ. Вѣдь и человѣкъ, если что стараться очень начнетъ дѣлать, и то жди — наоборотъ, а левъ — звѣрь. И вода не вкусна коню, и трава не сладка коню.

И никто не зналъ, какъ плохо коню!

Старецъ зналъ, для чего ему левъ служитъ, и левъ зналъ, для чего онъ старцу служитъ, а конь ничего не зналъ, для коня старецъ—старецъ, левъ—левъ. И это тоже никто не зналъ, ни старецъ, ни левъ.

И возненавидѣлъ конь льва, а пуще старца святого. И одного ужъ ждалъ конь и объ одномъ по своему, по кониному, творилъ Богу молитву и утреннюю и вечернюю, чтобы освободилъ его Богъ отъ льва, прибралъ старца.

6.

СТРАХЪ ПЕРВОРОДНЫЙ.

Сотворивъ изъ Адама Еву, жену Адама, Богъ положилъ завѣтъ:

Все, что вы видите здѣсь,—сказалъ Господь,—для васъ уготовано, всякое дерево на ваше наслажденіе, отъ всѣхъ насыщайтесь и лишь одно разумное дерево на погибель вамъ; бѣгайте его и не касайтесь до него: прикосновеніе къ нему принесетъ вамъ тлю и горечь желчи вкушеніе. Вкусите — паденіемъ великимъ падете: горекъ плодъ его, и смерть прозябаетъ въ немъ. Сохранитесь—и жала смертнаго избѣгнете, и пространства наслѣдите живота вѣчнаго!

Сказалъ Господь, и вошелъ страхъ въ сердца первозданныхъ.

Разумное дерево — мать деревамъ посреди рая стояло широколистое, прекраснѣе всѣхъ деревъ, и отъ корней его истекалъ источникъ — великій Океанъ-рѣка, раздѣляясь на четыре рѣки: Ѳисонъ, Геонъ, Тигръ, и Ефратъ, насыщая весь рай. И всѣ звѣри, и всѣ птицы, и всѣ гады, весь рай, всѣ собирались подъ дерево наслаждаться красотою его.

„Бѣгите, не касайтесь, бѣгите, не вкусите!" — билъ по сердцу, по первозданному сердцу глаголъ Господенъ.

И въ сердцѣ росъ страхъ.

Каждую минуту зорко слѣди за собой, чтобы невольно, нечаянно какъ не коснуться запретнаго — матери райскихъ деревъ, каждую минуту насторожѣ быть: ступишь неловко — пропалъ.

Въ сердцѣ выросталъ страхъ, страхъ грѣха, страхъ потерять душу, — страхъ передъ самимъ собой. И уйти некуда — отъ себя куда уйдешь!

Устрашились первозданные, и садъ имъ враждебенъ сталъ и отъ души всѣмъ сердцемъ возненавидѣли они прекрасный Божій рай и прокляли они свою постылую жизнь.

7.

ПОКАЯНІЕ.

Отъ пролога.

Въ нѣкоемъ городѣ по дьяволову дѣйству впалъ въ блудъ епископъ.

Въ одинъ изъ дней, когда онъ былъ на соборномъ богослуженіи въ церкви, и грѣхъ его былъ тайной для всѣхъ, передъ всѣмъ собравшимся народомъ, всему народу онъ исповѣдался.

— Азъ въ блудъ впадохъ! — сказалъ онъ и, взявъ одръ свой, положилъ его у алтаря, — отнынѣ не могу быть епископомъ вашимъ.

И возопили всѣ люди съ плачемъ непокоримо:

— Грѣхъ твой пусть на насъ будетъ, отче, останься съ нами!

И много молили его.

И послѣ многихъ моленій сказалъ епископъ:

— Если хотите, чтобы я остался, сдѣлайте со мною то, что я скажу вамъ, — и приказалъ запереть двери.

И когда всѣ двери были заперты, повергнулся онъ у дверей на лицо свое и сказалъ людямъ:

— Не имѣю части съ Богомъ, если кто, проходя, не попретъ меня ногами своими.

И сотворили по словамъ его.

И когда послѣдній, попирая его, проходилъ по его хребту, слышенъ былъ голосъ съ небесъ:

— Многаго ради смиренія его, я простилъ его отъ грѣха.

И это слышали всѣ люди и прославили Бога.

8.

ПОКРОВЕННЫЙ ГРѢХЪ.

Отъ пролога.

Рано по утру, лишь только ударили къ заутренѣ, въ келью къ игумену вломилась братія, и въ великомъ волненіи, съ плачемъ и ожесточеніемъ донесли игумену, что въ кельѣ одного юнаго брата блудница сидитъ, и всю ночь онъ творилъ съ нею блудъ.

— Пріиди и виждь! — вопіяла братія къ игумену.

И съ игуменомъ двинулись всѣ въ ту келью, къ юному брату, гдѣ сидѣла блудница. На стукъ братъ отворилъ двери, и келья его наполнилась иноками.

Святой же Аммонъ, игуменъ, уразумѣвъ, гдѣ схоронилъ братъ жену подъ спудомъ, какъ вошелъ, такъ и сѣлъ на то мѣсто, прикрывая собой блудницу, а братіи велѣлъ обыскать келью.

И много трудились иноки, всѣ колѣни исшмыгали, и рясы исшаркали, заползали къ тайнымъ щелямъ, за печку лазили, подъ печку лазили, а нѣтъ и нѣтъ никого.

И сказалъ игуменъ:

— Богъ да проститъ! Какъ мало вы вѣрите ближнему! — и, посрамляя иноковъ, отпустилъ ихъ.

И когда въ кельѣ не осталось ни одного инока, святой Аммонъ всталъ и, взявъ за руку брата, сказалъ:

— Подумай, братъ, о душѣ своей! — сказалъ брату и вышелъ.

И умилился братъ и вниде въ страхъ Божій и сотвори дѣло души своей.

9.

ЧЕЛОВѢКЪ БОЖІЙ.

Отъ пролога.

Бѣ нѣкто мнихъ, именемъ Филагрій, жилъ онъ въ Іерусалимѣ, занимаясь рукодѣліемъ, и отъ своего труда ѣлъ хлѣбъ.

Однажды онъ стоялъ на торжищѣ, продавая рукодѣліе свое, и забылъ нѣкто влагалище, имѣвшее тысячу златникъ.

Старецъ нашелъ влагалище и, ставъ на мѣстѣ своемъ съ сумою въ рукахъ, сказалъ:

„Кто потерялъ, придетъ".

И тотъ пришелъ, разстроенный, въ слезахъ.

Видя его, старецъ поцѣловалъ его и передалъ ему находку. И былъ радъ потерявшій и хотѣлъ отдать часть старцу, но Филагрій отказался.

И началъ тотъ вопить на все торжище:

— Пріидите и видите человѣка Божія, какъ поступилъ онъ.

Старецъ же, сбѣжавъ украдкой, вышелъ вонъ изъ города, чтобы какъ не узнали о немъ. А поступилъ старецъ такъ потому, да не воздадудъ ему почестей.

10.

ИСПЫТАНІЕ.

Рече авва Іоаннъ Коловъ.

Бысть въ день тотъ молитва многихъ и припаде съ плачемъ къ ногамъ моимъ нѣкая мірская жена, молода и лепообразна, прося защиты мужа своего, сокрушающаго ее и дѣтей и хотящаго продать ее нѣкоему татарину.

Стоящій подлѣ меня послушникъ мой Василій плѣненъ былъ добротой жены и, похотью гибнущу, по уходѣ ея въ покаяніи сердечномъ открылся мнѣ.

— Отче, — сказалъ онъ, — развѣ не видѣлъ ты, сколь лепокудра жена сія и какъ могъ ты устоять противъ красоты такой?

Я же стоялъ безстрастный, творя молитву Іисусову: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!

— И меня коснулось вожделѣніе,—сказалъ я,— и разжигалась душа моя, но я смирилъ ее молитвой. Такъ и ты, сынъ мой, зря разженіе плоти своей, не бѣги, а смиряй ее, испытуя испытаніемъ великимъ.

Ночью того дня по очищеніи покаяніемъ я возлегъ и увидѣлъ въ видѣніи красную поляну, осѣненную древомъ высокимъ со многими густолиственными вѣтвями и подъ древомъ человѣка, сидящаго въ уединеніи.

А изъ пустыни приближались къ нему звѣри лѣсные и гады всякіе: львы зіяющіе, медвѣди грозоокіе, волки поджарые, рысь простирающаяся, змѣи ехидныя, василиски лютые, скорпія усатая и многоножецъ нѣкій, имѣя ногъ до тысячи и усы, рогамъ подобные.

Когда легіонъ сей лукавый приблизился къ человѣку тому, не захотѣлъ человѣкъ ратититься съ нимъ и, оставивъ посохъ свой, спасаясь отъ врага, забрался на вершину дерева. И, укрѣпившись стопами своими на вѣтвяхъ и охвативъ руками стволъ, позиралъ сверху на сметенное воинство чудовищъ, раскрывавшихъ пасти и всуе казавшихъ ему смертоносныя жала и зубы и роги свои.

И услышалъ я голосъ:

— Что есть человѣкъ? Трость вѣтромъ колеблемая, былина въ полѣ міра сего! И всякій, укрѣпляя душу свою испытаніемъ, да знаетъ мѣру свою и предѣлъ силъ своихъ.

11.

ВЛАСТЬ.

Отъ лимониса.

Повѣдалъ нѣкто сарацинъ.

Однажды вышелъ я поохотиться на гору отца Антонія. И вотъ на дорогѣ я увидѣлъ монаха: монахъ сидѣлъ за книгой и читалъ. Я сталъ къ нему подыматься, думалъ искусить его и убить.

И когда былъ я совсѣмъ близко отъ него, монахъ простеръ ко мнѣ свою правую руку и сказалъ:

— Стань!

И было такъ.

И два дня и двѣ ночи стоялъ я и не могъ двинуться съ мѣста.

И сказалъ я:

— Заклинаю тебя Богомъ, Котораго ты чтешь пусти меня!

— Иди съ миромъ! — сказалъ монахъ.

И тогда только могъ отойти я отъ мѣста, на которомъ стоялъ я два дня и двѣ ночи.

12.

ВСЯКОМУ СВОЕ.

Отъ Іоанна Лѣствичника.

Былъ нѣкто старецъ, общему житію отецъ, и не мало черноризцевъ проходило путь свой въ послушаніи подъ его началомъ. А былъ этотъ старецъ всякой добродѣтелью украшенъ, большой подвижникъ, подвизался воздержаніемъ, трудился смиреніемъ, и особенно былъ милостивъ къ нищимъ.

— Господи, — молился онъ, — я грѣшникъ, но надѣюсь на щедроты Твои и уповаю спастись милосердіемъ Твоимъ, молю Тебя, о, Владыко мой, о Твоей благости, не разлучи меня отъ дружины моей, отъ братіи ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, сподоби и ихъ со мною вѣчныхъ Твоихъ благъ!

И часто такъ молился святой старецъ.

Неподалеку въ сосѣднемъ монастырѣ былъ праздникъ. И званъ былъ на этотъ праздникъ старецъ и черноризцы его. Старецъ сперва отказался, но, во снѣ услышавъ голосъ, повелѣвавшій итти ему, пошелъ.

Впереди — братія, за братіей — старецъ.

И на большой конецъ обогнала братія старца.

Идутъ они, спѣшатъ, не опоздать бы, къ празднику поспѣть хотятъ, а на пути имъ нищій—нищій лежитъ, разслабленный, въ язвахъ.

Пріостановились они, стали разспрашивать нищаго.

Онъ же съ плачемъ сказалъ имъ:

— Боленъ я, звѣрь сокрушилъ меня и ушелъ. Кто же возьметъ меня и отнесетъ въ село!

— Что намъ съ тобою дѣлать, — отвѣчали они, — пѣши мы и осляти не имамы! — и, покинувъ нищаго, отошли: спѣшили, къ празднику хотѣли поспѣть.

А вскорѣ подошелъ и старецъ къ мѣсту тому, гдѣ лежалъ больной, и, увидѣвъ его, лежащаго на пути, сказалъ:

— Или не проходили тутъ монахи, развѣ они не видѣли тебя?

— Стояли они около меня, — отвѣчалъ больной, — и видѣли и отошли. „Ничего, говорятъ, подѣлать не можемъ, пѣши мы!"

— Ты понемножку можешь со мной итти? — спросилъ старецъ.

— Нѣтъ, не могу, — отвѣчалъ разслабленный.

— Ну, тогда я возьму тебя, съ Божьей помощью донесу.

— Что ты, одинъ, донесешь... такъ далеко! Ты пойди лучше и пошли за мной, — возразилъ нищій.

— Я тебя не оставлю! — сказалъ старецъ и возложилъ его къ себѣ на плечи и понесъ.

И вотъ сначала тяжесть показалась старцу тяжеле тяжести человѣка, но потомъ съ каждымъ шагомъ становилась все легче. И недоумѣвалъ о семъ старецъ.

Внезапно невидимъ былъ носимый, и бысть къ старцу гласъ, глаголя:

— Вотъ ты все молишься о ученикахъ твоихъ, да сподобятся съ тобою вѣчной жизни, а ино дѣло твое, ино дѣло ихъ, повинуй же ихъ притти въ дѣло твое. Праведно судя, надлежитъ каждому воздавать по дѣламъ его.

13.

КОЗЛИЩЕ.

Отъ патерика.

Нѣкогда прошелъ въ Ѳиваиду къ старцу Агафону эллинъ, имѣвшій съ собою бѣсноватаго, чтобы исцѣлилъ его старецъ.

Старецъ долго молился и послѣ многой молитвы сказалъ демону:

— Изыде отъ Божіей твари!

И сказалъ лукавый старцу:

— Уйду, только прошу тебя, скажи напередъ мнѣ одно только слово: кто суть козлища и кто агнецъ?

И старецъ сказалъ:

— Козлище, это — я, а кто агнецъ — Богъ вѣсть.

И, услышавъ слова старца, возопилъ демонъ гласомъ великимъ:

— Се за смиреніе твое изыду!

И изыде въ тотъ же часъ.

14.

НЕВѢРА.

Отъ лимониса.

Бѣ нѣкто мнихъ, именемъ Кононъ, саномъ — попъ. И лежало на немъ дѣло крещенія, крестилъ онъ тѣхъ, кто отъ невѣрныхъ приходилъ въ монастырь креститься. Во время же крещенія, помазывая женъ, попъ сосблазнялся, и оттого не разъ хотѣлъ покинуть монастырь. И всякій разъ, когда готовъ ужъ былъ уйти, къ нему являлся Иванъ Креститель.

— Не отходи, — говорилъ Иванъ Креститель, — облегчу тебя отъ брани той!

И попъ оставался въ монастырѣ.

Однажды пришла креститься въ монастырь нѣкая дѣвица персянка и была она добра тѣломъ и столь красна, что Кононъ не въ силахъ былъ помазать ее и совершить надъ ней крещеніе.

Услышалъ архіепископъ Петръ и, чудясь о бывшемъ, задумалъ избрать для сего діакониссу, но это ему не удалось: не захотѣла братія.

А Кононъ взялъ да и ушелъ.

— Пропадешь совсѣмъ! — сказалъ и пошелъ.

И вотъ, когда подымался Кононъ въ гору, оставляя монастырь, встрѣтилъ его Иванъ Креститель.

Тихимъ гласомъ сказалъ Креститель:

— Возвратись, попъ, въ монастырь свой, ужъ облегчу я тебя отъ брани!

Съ гнѣвомъ отвѣтилъ Кононъ:

— Нѣтъ ужъ, не возвращусь я. И сколько разъ обѣщалъ ты мнѣ облегчить, и не сотворилъ.

Тогда Креститель усадилъ попа и, открывъ ризы его, крестнымъ знаменемъ перекрестилъ его.

— Вѣруй мнѣ, пресвитере, — сказалъ онъ, — хотѣлъ я, чтобы за твое борение мзду ты имѣлъ, но ты не хочешь, и вотъ я облегчилъ тебѣ, но ужъ мзды тебѣ не будетъ отъ вещи той.

И возвратился пресвитеръ въ монастырь.

На утро онъ окрестилъ персянку и помазалъ, вовсе не разумѣя, что естествомъ — жена.

И двѣнадцать лѣтъ, крещая и помазуя, даже и помысла не имѣлъ Кононъ о женахъ, и такъ преставился съ миромъ.

15.

ВОШИНОЕ НАСЛАНІЕ.

Былъ нѣкто человѣкъ, нарицаемый праведенъ... Ушелъ онъ отъ міра, отъ его суетныхъ хотѣній въ пустыню, и, творя дѣло души своей, въ великомъ уединеніи жестоко жилъ и молился въ пустынѣ.

По вся дни и въ самый зной полуденный собиралъ онъ камни въ пустынѣ, страдами мучилъ и истлѣвалъ свое тѣло, и зарывался въ болото, и пекъ себя на солнцѣ, и садился въ муравейникъ, а въ морозы погружался въ прорубь, пилъ и ѣлъ въ мѣру хлѣбъ сухъ да воду, и до утра ночами стоялъ на чтеніи словесъ Божіихъ, да не утолстѣютъ мысли, и былъ Богу послухъ.

А дьяволъ не отступалъ отъ человѣка и, казалось, все, что бы ни сдѣлалъ праведный, все только дьяволу въ смѣхъ.

И горько было праведному и просилъ онъ у Бога просвѣтить умъ его и смыслъ свѣтомъ разума Господня, открыть ему сердечныя очи.

И бысть человѣку видѣніе: разверзлись передъ

нимъ райскія врата, и вошелъ онъ въ обители праведнаго града и сопричененъ былъ блаженнымъ, но когда въ веселіи наслаждались праведники райскимъ блаженствомъ, увидѣлъ онъ себя покрытымъ съ головы до ногъ вшами.

Послѣ видѣнія того, возставъ отъ сна, уразумѣлъ онъ перстъ Божій и усердно молилъ Бога, да пошлетъ ему Богъ въ мірѣ семъ отъ вши претерпѣніе.

И по многомъ моленіи, услышалъ Господь молитву его.

И бысть наслана на него вошь, мышамъ подобная, великое стадо.

И возскорбѣлъ праведный со скорбящими и восплакался съ плачущими.

И тогда въ посрамленіи отступилъ отъ него дьяволъ.

16.

НАГОЙ ИНОКЪ.

Въ одномъ монастырѣ спасалось два угодныхъ инока: о. Даніилъ и о. Палладій, учаше слову Божію и въ повелѣніи его ходя день и ночь. И случалось однажды, шли они на нѣкоторую духовную работу и увидѣли юношу совершенно нагого: вышелъ юноша изъ бани.

Старцы нагнали юношу и о. Даніилъ сказалъ ему:

— Чадо, не подобаетъ тебѣ, будучи столь юнымъ и здоровымъ, мыться въ банѣ и угождать тѣлу.

Кротко отвѣтилъ юноша старцу:

— Если бы тѣлу угождалъ, то Христу не былъ бы рабомъ.

Тогда о. Даніилъ поклонился ему говоря:

— Прости меня, чадо, ради Господа, ибо я по человѣчеству согрѣшилъ.

Старцы пошли своимъ путемъ, юноша своимъ.

И всю-то дорогу до мѣста назначеннаго былъ о. Даніилъ самъ не свой, и кряхтѣлъ-то старецъ и стоналъ и охалъ: то молитву творитъ, то отплевывается.

— Что съ тобой, отче, боленъ ты? — спросилъ о. Палладій спутника своего.

Старецъ же Даніилъ, вздохнувъ, сказалъ съ горечью:

— Горе намъ, любимый мой братъ, поругано будетъ всѣми изъ-за безстыжаго инока имя монашеское и великъ будетъ срамъ и укоръ отъ всѣхъ людей. Отче, видѣлъ я мурина, сидящаго на плечѣ его и лобызающаго его, и другого мурина, передъ нимъ шедшаго и поучавшаго его безстыдію, а по стопамъ его многое множество бѣсовъ шло. Не будь блудолюбивъ онъ и плотолюбивъ, не ходилъ бы нагой въ баню мыться, на другихъ нагихъ безстыдно не взиралъ бы, много душъ оскверняетъ онъ блудомъ своимъ. А бѣсамъ отъ того великое веселіе, безстыдный этотъ младой инокъ! Не подобаетъ бо инокамъ за самой нужной потребой обнажать свое тѣло.

И долго не могъ успокоиться старецъ, и духовное дѣло его не дѣлалось.

Вскорѣ послѣ этого юноша тотъ сотворилъ блудъ съ женой губернатора (эпарха) и былъ схваченъ слугами его и ближайшими сосѣдями и жестокимъ наказанъ наказаніемъ: истязая, отрѣзали ему все тайное.

И боленъ былъ юноша и страждалъ много и черезъ три дня въ мукахъ скончался.

И въ тотъ часъ, когда кончался юноша, явился старцу Даніилу ангелъ съ душой согрѣшившаго и сказалъ старцу:

— Вотъ душа осужденнаго тобой юноши, онъ умеръ. Ты судія праведнымъ и грѣшнымъ, суди его,

что велишь, то и сдѣлаю: мукамъ предашь — въ муку понесу, а помилуешь, блаженство назначишь — въ царство понесу.

Ужасомъ объятый, взмолился о. Даніилъ:

— Господи, пощади меня, согрѣшилъ! Господи, прости меня за раба Твоего!

И всю ночь не подымая глазъ, молился старецъ: ибо есть ли страшнѣе тяжести и тяжеле что суда надъ душой человѣческой.

На утро, когда поднялъ старецъ глаза, ангелъ съ душой былъ невидимъ.

17.

ІАКОВЪ ПОСТНИКЪ.

Отъ пролога.

Былъ Іаковъ отходникъ отъ міра и жилъ въ пещерѣ одиннадцать лѣтъ близъ самарейскаго града. Столь много просвѣтивъ себя добродѣтелями и успѣвъ въ постѣ, пріялъ онъ власть на бѣсы изгонять ихъ.

И многіе того ради приходили къ нему.

Завистникъ же дьяволъ, хотя погибели, возревновалъ. И попустилъ Богъ впасть ему въ нѣкое паденіе.

Вошелъ дьяволъ въ дочь одного богатаго человѣка.

И родители ея понуждали Іакова, испытавъ, исцѣлить ее. Припалъ къ нему отецъ ея, молясь изгнать изъ нея бѣса.

И помолился Іаковъ.

И вышелъ бѣсъ изъ отроковицы.

Но убоялся великій постникъ, вотъ снова возвратится въ нее бѣсъ. И оставилъ ее у себя, пока до конца не исцѣлѣетъ.

По семъ снидеся на смѣшеніе съ дѣвицей.

А сойдясь съ ней, убилъ ее и бѣжалъ.

И каясь, вниде въ гробъ, и живя въ гробѣ, столь очистился отъ своего грѣха, что въ бездождіе по молитвѣ его былъ дождь.

И такъ скончался великій постникъ семидесяти и пяти лѣтъ.

18.

СВЯТАЯ ПРОСФОРА.

Отъ Ефрема.

Нѣкто мнихъ поруганъ былъ дьяволомъ, помысливъ, глаголя себѣ:

„Тѣло и кровь, имъ же іереи служатъ въ церкви, не тѣло и кровь, а просто хлѣбъ и вино".

И такъ помысливъ, не пошелъ въ церьковь по обычаю.

Братія же, не видя его въ церкви, послала за нимъ, и его привели,

— Почему не пришелъ ты принять причастіе? — спросили его.

Онъ же исповѣдалъ имъ все помышленіе свое.

Тогда поставили его посреди церкви, и сотворила братія молитву о немъ, да откроется ему божественныхъ тайнъ сила, а іерей началъ божественную литургію.

По окончаніи службы, поруганный дьяволомъ монахъ со слезами повѣдалъ братіи, что открылъ ему Богъ о святой просфорѣ.

— Когда дьяконъ взялъ просфору и началъ ее рѣзать, — разсказывалъ монахъ, — я увидѣлъ двухъ ангеловъ, снесшихъ младого отрока, и зарѣзали они отрока, кровь его источили въ потиръ, а тѣло его положили на блюдо. Когда же начали пѣть „иже херувимъ", я увидѣлъ множество ангеловъ, обступили они іерея, принося дары ему. А когда сказалъ іерей: „святая святымъ", я видѣлъ, какъ ангелы начали дробить положенное на блюдѣ тѣло для всѣхъ причастниковъ. И мнѣ, приступившему, положили на руку сырое мясо. И не могъ я поднести сырого мяса къ устамъ. Тогда услышалъ я голосъ: „Человѣче, чего ради не вложилъ сіе въ уста свои?" И отвѣтилъ я: „Милостивъ буди ко мнѣ, не могу ѣсть мяса сырого!" И снова былъ голосъ ко мнѣ: „Не твоего ради невѣрія бысть се, но молитвами преподобныхъ, отнынѣ вѣруй, яко тѣло Сына Божія въ хлѣбъ прелагается всѣмъ вѣрнымъ на освѣщенія пріемлющимъ его, понеже не можетъ человѣкъ сыра мяса ясти". И я увидѣлъ на рукѣ моей просфору и вложилъ въ уста мои и съѣлъ.

И слышавъ братія слово брата, восхвалила Бога, открывшаго имъ тайну на вѣру всѣмъ слышащимъ.

19.

ДѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ.

Отъ патерика.

Рече старецъ Арсеній.

Нѣкій старецъ, пребывая въ затворѣ, много трудился, расточая душу свою — отдавалъ онъ Богу дары Его, чтобы въ свое свободное чистое сердце Бога принять.

И былъ ему гласъ, призывавшій его:

— Приди, покажу тебѣ дѣла человѣческія.

И возставъ, вышелъ старецъ изъ затвора своего и отведенъ былъ силою духа на мѣсто, гдѣ увидѣлъ человѣка, рубящаго дрова.

Рубилъ человѣкъ дрова и, нарубивъ дровъ, захватилъ большую охапку, чтобы нести. И не могъ. Бросилъ охапку и снова принялся рубить. И опять захватилъ охапку и опять не подъ силу. И такъ многократно творилъ, а перенести не могъ.

— Вотъ человѣкъ, поднявшій большой грѣхъ, но по малодушію не можетъ перенести его, а вмѣсто

покаянія беззаконіе прилагаетъ сверхъ беззаконія — грѣхъ на грѣхъ, какъ дрова.

И отведенъ былъ старецъ въ иное мѣсто, и увидѣлъ человѣка у колодца, черпающаго воду.

У колодца стоялъ человѣкъ, черпалъ воду въ утлый сосудъ и вода проливалась въ колодецъ.

— Добрыя дѣла человѣка, но душа его ничтожна и мелка. И вотъ и добрыя никого не утоляютъ, а льются сквозь душу, какъ вода.

И отведенъ былъ старецъ въ третье мѣсто къ вратамъ церкви.

У вратъ церкви увидѣлъ онъ двухъ мужей, сидящихъ на коняхъ: держали они дерево поперекъ, хотѣли ввезти и не могли.

— Вотъ иго правды, но въ рукахъ гордыхъ. Ни одинъ не хочетъ смириться и переложить дерево, не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ, исправить себя въ путяхъ Христовыхъ, и остаются за вратами.

И возвратился старецъ въ свою келью — въ затворъ свой и горко заплакалъ о душѣ своей.

20.

СИМОНЪ ВОЛХВЪ.

Когда апостолъ Петръ пришелъ въ Римъ изъ Антіохіи и жилъ близъ рынка у нѣкоего Климента корабельщика, поучая слову Божію всѣхъ приходящихъ къ нему, нѣкоторые изъ нихъ извѣстили его, что изъ Египта пришелъ Симонъ, нарицающій себя Христомъ: творитъ Симонъ чудеса многія, и народъ слушается, не наслушается словамъ его.

И возгорѣлся Петръ духомъ и пошелъ туда, гдѣ жилъ Симонъ, и засталъ тамъ многихъ, стоящихъ у воротъ дома его, и возбраняли ему войти въ домъ.

— Почто возбраняете мнѣ войти къ льстивому волхву? — сказалъ Петръ.

Они же возразили Петру:

— Не волхвъ, онъ сильный богъ, Христосъ, великая божія сила пребываетъ въ немъ; вотъ поставилъ онъ у воротъ стража, вѣдующаго всѣ помышленія человѣческія, — и указали Петру на чернаго пса, лежащаго въ воротахъ: — умерщвляетъ

песъ всѣхъ, помышляющихъ о Симонѣ неправду.

— Я правду говорю о немъ, — сказалъ Петръ,— и клянусь, не Христосъ, не отъ Христа, отъ бѣса Симонъ, — и приступивъ, сказалъ псу, — иди и скажи Симону: „Петръ, апостолъ Христовъ, хочетъ войти къ тебѣ!"

Поднялся песъ, пошелъ въ домъ и по-человѣчьи страшнымъ гласомъ сказалъ Симону повелѣнное Петромъ.

И ужаснулся народъ о Симонѣ.

Симонъ же, выслушавъ пса, послалъ его къ Петру сказать, чтобы вошелъ къ нему.

И, когда Петръ вошелъ въ домъ Симона, началъ Симонъ творить волхованіе, Петръ же Христовой силой показалъ еще большія чудеса.

И дивился народъ Симону и Петру.

Пошла молва по Риму, обошла весь Римъ, дошла до царя.

И повелѣлъ царь Тиверій привести ихъ къ себѣ, Симона-христа и Петра, апостола Христова.

Спросилъ Тиверій царь Симона:

— Ты ли Христосъ?

— Да, я Христосъ, — отвѣтилъ волхвъ.

— Нѣтъ! Я ученикъ Христовъ, — возразилъ Петръ, — въ Іерусалимѣ передъ нами былъ распятъ Христосъ, въ третій день Онъ воскресъ, а въ четыредесятый на небо вознесся.

Тогда Тиверій царь приказалъ призвать Пилата, и сказалъ царь Пилату, указуя на Симона:

— Тотъ ли это Христосъ, Котораго нѣкогда неправдой осудилъ ты на распятіе?

— Нѣтъ, царь, не тотъ, — отвѣчалъ Пилатъ, — Христосъ былъ смуглъ лицомъ, съ доброю брадою, очи свѣтлы, а этотъ черенъ и голоусъ, стищенъ бровями, зорокъ глазомъ. Нѣтъ, слова его ложь.

— А этотъ, — царь показалъ на Петра, — ты этого видѣлъ съ Христомъ: называетъ себя ученикомъ Христа.

— Знаю, — отвѣтилъ Пилатъ, — этого приводили ко мнѣ, но онъ отъ Христа отрекся, сказалъ: „Не знаю его".

И повелѣлъ царь Тиверій изгнать ихъ обоихъ изъ палатъ своихъ: Симона, какъ солгавшаго, Петра, какъ отвергшагося отъ Христа.

И ужаснулся народъ о Симонѣ-христѣ и о Петрѣ, апостолѣ Христовѣ.

И былъ между Петромъ и Симономъ великій споръ.

Симонъ сказалъ:

— Прикажи, чтобы зарубили меня, и я воскресну въ третій день.

И въ волхованіи подставилъ волхвъ вмѣсто себя овна, и усѣкнули не Симону, а овну голову.

Петръ же обличилъ его.

Тогда приказалъ Симонъ поставить столпъ: онъ взойдетъ на столпъ, вознесется на небо и опятъ, живъ, во славѣ, сойдетъ на землю.

Такъ и случилось, влѣзъ волхвъ на столпъ, взяли его бѣсы и вознесли на воздухъ, а пользы не имѣлъ, но великую пріобрѣлъ погибель.

Петръ, уповая на Христову силу, запретилъ бѣсамъ, и бѣсы бросили волхва на землю.

Исполненный горькой желчи и въ узахъ неправды разбился Симонъ на смерть о камень.

И дивился народъ Петру.

1912 г.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАЙЧИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Всякій день бабушкѣ Аннѣ Михайловнѣ зайчикъ конфеты носитъ, а бабушка ихъ Олѣ отдаетъ. Только такой строгій зайчикъ: хоть бы разъ принесъ конфетъ до обѣда! И сколько разъ по утрамъ забѣгала Оля въ бабушкину комнату справиться, не приходилъ ли зайчикъ, и всегда былъ одинъ отвѣтъ:

— Нѣтъ еще.

А какъ кончатъ обѣдать, побѣжитъ Оля къ бабушкѣ, а бабушка прямо ей въ ручку конфетъ, былъ, значитъ, зайчикъ. Сама Оля этого зайчика никогда не видала, а только отъ бабушки слышала и не сомнѣвается, что зайчикъ ходитъ и носитъ конфеты — доказательство налицо: всякій день конфеты есть и не только послѣ обѣда, но и по вечерамъ.

Бабушка Анна Михайловна старая, изъ комнаты не выходитъ, сидитъ у себя на постели: ноги у нея больныя. Оля это знаетъ и всегда осторожна: никогда бабушку за ноги не тронетъ.

Въ комнатѣ у бабушки жарко, такъ жарко, какъ въ банѣ. Бабушка въ бѣломъ чепчикѣ, сама маленькая, а надъ кроватью виситъ портретъ, когда бабушка была молодая — тамъ она румяная и большая и на ней шаль красивая, вся въ цвѣточкахъ. И не вѣрится, что и на портретѣ и на кровати бабушка. Но Оля вѣритъ, — бабушка ей объяснила: тамъ, на портретѣ, она была мама и была большая и румяная, а теперь она бабушка и стала маленькая и старая.

Бабушка цѣлыми днями молится, а вечерами разсказываетъ Олѣ сказки про сѣраго волка и про лисицу и про лягушку-холоденушку, какъ пѣсни лягушка поетъ. И еще разсказываетъ бабушка, какъ Оля была маленькая и что она тогда дѣлала: какъ въ девять мѣсяцевъ Оля ножками ходить начала и очень рано проситься стала; какъ раздѣвали Олю и пускали голышкомъ по комнатѣ бѣгать — все тѣльце было словно перевязанное, все въ перевязочкахъ; какъ Оля хорошо цѣловалась и какъ хорошо плевалась — дядя Алексѣй Ивановичъ за каждый поцѣлуй и за каждый плевокъ по золотому дарилъ.

Разсказывала бабушка и о отцѣ Оли — Александрѣ Павловичѣ, какъ онъ былъ маленькій, какъ учился, какъ поступилъ въ полкъ принца Карла Прусскаго и на войну пошелъ, и какъ было тогда землетрясеніе и лампадка передъ образами тряслась, и о прадѣдушкѣ Оли — Петрѣ Михайловичѣ — большой силы и отваги былъ: бѣшенаго волка разорвалъ, вотъ какой! — и о дѣдушкѣ —

своемъ мужѣ Павлѣ Петровичѣ, какой онъ строгій былъ: какъ ему ѣхать, бывало, въ городъ на службу, всякій разъ требуетъ, бывало, чтобы къ его возвращенію на столѣ тарелка съ супомъ стояла, — и бѣда, если супа нѣтъ или не горячъ супъ! — и какъ для безопаски отъ дома до города на пятнадцать верстъ верховыхъ ставили и какъ потомъ Павелъ Петровичъ вдругъ разстроился мыслями.

— И горе, — вспоминаетъ бабушка, — несчастная болѣзнь его была непостижима. Всегда печаленъ, задумчивъ, не любитъ ни съ кѣмъ ничего говорить, нигдѣ бывать, никого къ себѣ принимать и всегда и всѣмъ, бывало, говоритъ, что для него нѣтъ ничего милаго и занимательнаго и что для него жизнь несносна. Всякая малость его безпокоила и тревожила, очень мало спалъ, но никакой боли не чувствовалъ, никакой слабости и всегда и всѣмъ, бывало, говоритъ, что здоровъ. И доктора отказались пользовать, сказали, что его время выпользуетъ: у его болѣзнь и скорбь душевная, которой выпользовать имъ не можно.

И еще разсказываетъ бабушка, какъ страшно умеръ дѣдушка Павелъ Петровичъ, и тогда она шесть недѣль проспала и проснулась оттого, что дочь ея Лизочка ее ручками тронула. Лизочка тоже умерла и остался у ней одинъ папа, а потомъ появилась Оля: Олю лебедь принесъ, постучалъ въ окно крылышкомъ и положилъ подъ часы у камина.

— Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ на восходѣ солнца четвертаго дня въ день святого Андрея Критскаго

и явленія Пресвятыя Богородицы Голанскія, яже въ Пергіи.

Бабушка четырнадцати лѣтъ замужъ вышла и было у бабушки четырнадцать дѣтей, а въ приданое бабушкѣ дали четырнадцать окованныхъ устюжскихъ сундуковъ съ добромъ.

— Званіе всѣхъ вещей не перечислишь, — любила разсказывать бабушка, — пальцевъ для счета не хватитъ: ну, иконъ двѣ—одна Спасителя, а другая Богородична съ шатами, денегъ три сундука, дукатъ серебряный вызолоченный, ложекъ серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ по три дюжины, подносовъ серебряныхъ дюжина, на подносажъ по семи чарокъ: шесть вызолоченныхъ, а одна нѣтъ, кольцо золотое, три блюда, три чашки съ крышкою, шуба лисичая крытая гарнитуромъ капуциновымъ, сподница гарнитуровая, кофта атласная, халатъ гарнитуровый кепуциноваго цвѣту, сподница съ кофтой волнистой тафты, сподница дрезетовая вишневая, шуба заячая крытая красною кафою, кунтушъ суконный вишневаго цвѣту, другой суконный голубого цвѣту, шуба баранковая крытая вишневымъ сукномъ, шубенка баранковая крытая голубымъ сукномъ, халатъ камлотный, кофта и сподница репишовыя зеленыя, сподница венецкой каламанки, полуштаметовыхъ двѣ, полотняныхъ двѣ, запаска полутабейковая одна и тафтяная бѣлая одна, кофта байковая сѣрая, кофта байковая вишневая съ мушками, кофта красной кафы, платокъ шелковый бытевой бѣлый полосатый, другой гарнитуровый, третій штофной красный, четвертый тафтяной алый, пятый тафтяной

зеленый, бумажныхъ приношенныхъ два, корсетовъ тафтяныхъ два, три сундука скатертей тканыхъ взоромъ и заполочью, ручники шитые заполочью, хустки тканыя, платки бѣлые, фартуки, рубашекъ женскихъ тридцать двѣ, мужескихъ восемь, три сундука полотна кужольнаго и коноплянаго, запона, наволочки большія, маленькія наволочки, простыни полотняныя, одна простыня шитая заполочью, намитки, килимы, коверъ, а въ четырнадцатомъ и послѣднемъ сундукѣ ковдра набойчатая, плахотъ закладныхъ съ шелкомъ двадцать двѣ да еще плахотъ шесть, запасокъ филяшевыхъ десять, перина, подушекъ двѣ большихъ, меньшихъ двѣ, еще меньшихъ двѣ, намиста краснаго десять низокъ и десять жемчужнаго, запасокъ валеныхъ три, поясъ крапковый, основа пляная, клубковъ девять, рушниковъ сыровыхъ семь, четырнадцать дойныхъ коровъ съ назимкомъ.

Слушаетъ Оля, мимо ушей слова не проронитъ,—и раскрывается передъ ней сундукъ за сундукомъ верхъ добра, а послѣдній четырнадцатый съ коровами, — всѣ четырнадцать дойныхъ коровъ съ назимкомъ.

— Пошли доить, — вспоминаетъ бабушка, — а вмѣсто молока кровь. А какъ стали искать, вѣдьму на топчакѣ и поймали съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ, совсѣмъ дѣвочка.

Иногда бабушка беретъ рѣзную шкатулку и показываетъ Олѣ драгоцѣнности.

Олѣ больше всего нравится золотая кольцами цѣпь съ изумрудами, но еще больше — такъ сейчасъ на шейку и надѣла бы—золодой медальонъ

сердцемъ съ картинкою: два страшныхъ льва разинули пасти, а изъ пасти пламя. И каждый разъ Оля проситъ отдать ей и цѣпь съ изумрудами и медальонъ съ страшными львами.

Но бабушка драгоцѣнности кладетъ обратно въ шкатулку.

— Когда вырастешь большая, — говоритъ бабушка, — папа тебѣ все отдастъ, все будетъ твое. Пуще глаза береги медальонъ, другого такого нѣтъ, фамильный Ильменевскій съ папинымъ гербомъ: голова львова, сѣра, космата, съ огненной пастью, въ полѣ блакитномъ.

— Голова львова, сѣра, космата, съ огненною пастью, въ полѣ блакитномъ,—повторяетъ каждый разъ Оля.

Какъ-то у бабушки зубъ выпалъ.

— Положи этотъ зубъ въ ящикъ, что подъ образами,—сказала бабушка Олѣ.

А Олѣ захотѣлось поиграть съ зубомъ, стала она его на рукахъ перебрасывать и вертѣть, какъ кубарикъ, во всѣ стороны.

— Зубъ мнѣ надо будетъ въ гробъ положить,— остановила бабушка, — когда воскресну, чтобы недолго по землѣ ползать—свои кости собирать. Все вмѣстѣ должно быть.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вечерами Наталья Ивановна — мать Оли — часто играетъ на фортепіанахъ, и такъ хорошо играетъ: Оля не пошевельнется, слушаетъ. А когда Наталья Ивановна кончитъ играть, подходитъ къ фортепіанамъ Оля, натащитъ себѣ цѣлую гору нотъ на стулъ, усядется и давай сама наигрывать.

— Она у насъ будетъ музыкантшей, — говоритъ Наталья Ивановна про Олю.

Послѣ обѣда по обыкновенію Оля зашла къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, но бабушка ничего не отвѣтила и конфетъ не дала. Оля поняла, что бабушка нездорова, и не стала надоѣдать. И вечеромъ не пошла къ бабушкѣ спросить о зайчикѣ, а сѣла за фортепіано подбирать пальчиками ноты и такъ занялась, что даже о зайчикѣ забыла.

И вдругъ на порогѣ въ залу появилась бабушка: она подползла къ двери и сказала такимъ тихимъ глухимъ голосомъ, что у Оли всѣ пальчики вздрогнули.

— Оля, позови папу!

Долго и послѣ Оля боялась той двери, изъ которой выползла бабушка. А какъ тогда ей страшно было, какъ замирало и тукало сердце!

Наканунѣ возили дѣтей на вечеръ къ сосѣдямъ Лупичевымъ — у Лупичевыхъ всякій годъ на Петра и Павла устраивали вечеръ, справляли день рожденья и имянины двухъ сыновей-близнецовъ Петра и Павла, — наканунѣ Оля поздно легла, но и въ эту ночь долго не могла заснуть.

Ей все мерещилось: то будто дѣдушка Павелъ Петровичъ такой, какъ на портретѣ, въ красномъ мундирѣ ходитъ, то будто вѣдьма съ длинными волосами въ бѣлой рубахѣ совсѣмъ дѣвченка прибѣжала на дворъ и на топчакѣ руками что-то дѣлаетъ, то будто сундукъ, а изъ сундука четырнадцать дойныхъ коровъ съ назимкомъ — рога высунули, то промелькнетъ зайчикъ съ конфетами, а за нимъ голова львова, сѣра, космата, съ огненною пастью въ полѣ блакитномъ, и опять, какъ вечеромъ, подползаетъ къ двери бабушка и говоритъ тихимъ глухимъ голосомъ:

„Оля, позови папу!"

И сонъ ей нехорошій приснился: ей приснилось, будто весной идетъ она по саду къ пруду, а въ высокой травѣ, въ очеретѣ мужикъ стоитъ — коса на плечѣ, лохматый, одинъ глазъ съ бѣльмомъ, и вотъ показалось Олѣ, что сейчасъ бросится изъ травы на нее мужикъ съ косой... Тутъ она и проснулась отъ страха.

Послѣ едва ужъ заснула: все боялась — все ей казался лохматый мужикъ, коса на плечѣ, глазъ съ бѣльмомъ.

А чуть только утро забрезжило, отецъ разбудилъ Олю и повелъ въ комнату къ бабушкѣ. Тамъ ужъ была Ирина, Лена и братъ Миша и еще былъ батюшка о. Евдокимъ и дьячекъ. Бабушка сидѣла на постели бѣлая, вся въ бѣломъ, держала въ рукахъ свѣчку.

— Поцѣлуй, Оля, руку у бабушки! — сказалъ отецъ.

Бабушка дрожащей рукой перекрестила Олю.

Отецъ сѣлъ на кровать рядомъ съ бабушкой и, поддерживая свѣчку въ рукѣ ея, сказалъ:

— Въ руки твои, Господи, предаю духъ мой!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Среди дня, когда дѣти играли въ свою любимую игру — лѣпили изъ песку пасочки, ихъ позвали изъ сада и повели въ залу поклониться бабушкѣ, которая померла.

Вся въ бѣломъ лежала бабушка на столѣ наискось отъ камина съ часами противъ чудотворной Ильменевской Божьей Матери, въ рукахъ — крестъ, а лицо кисеей закрыто. Мухи садились на руки и на лицо бабушки, а нянька Фатевна отгоняла мухъ.

Весной, когда умерла младшая сестра Таня, Оля никакъ не могла понять и все спрашивала: какъ это такъ бабушка старая и живетъ, а Таня маленькая и умерла? Но вотъ и бабушкинъ, значитъ, пришелъ чередъ, — рѣшаетъ Оля, — только лежитъ бабушка въ бѣломъ, а не въ голубомъ платьицѣ, какъ Таня, и нѣтъ на глазахъ пятачковъ, а у Тани пятачки клали.

Золотой быстрый зайчикъ бѣгалъ по бабушкѣ, игралъ на крестѣ и по вѣнчику и только на закатѣ

вдругъ ускакалъ на каминъ, юркнулъ въ часы и больше ужъ не показывался.

Нянька Фатевна положила къ бабушкѣ подъ головы всѣ ея зубы и поставила стаканъ съ водой возлѣ головы бабушки.

— Чтобы бабушкина душа купалась,—объяснила нянька Олѣ.

Оля не сводила глазъ со стакана — бульбульки подымались въ стаканѣ — и ей представлялось: бабушкина душа купается, ишь, ныряетъ въ стаканѣ, какъ лягушка-холоденушка!

Много народу съѣхалось въ Ватагино, полнымъ полно въ Ильменевскихъ флигеляхъ, всѣ комнаты заняли. Пріѣхала изъ Подсолнечнаго любимая бабушка Татьяна Алексѣевна, а изъ города дядя Алексѣй Ивановичъ — братъ Натальи Ивановны — судья, пріѣхали тетки — сестры Александра Павловича — Людмила Павловна и Надежда Павловна и сосѣди Боровые, Лупичевы, Сахновскіе, Грачи и чудной лубенецкій старикъ Ксаверей Матвѣевичъ съ Александриной Кенсориновной на своихъ на апостолахъ, какъ величалъ чудакъ своихъ золовъ, и такіе родственники и такіе знакомые, которыхъ Оля съ роду не видывала и о которыхъ ничего не слышала.

И унесли бабушку въ церковь.

А какъ несли, всю дорогу звонили: звонъ такой точно плачетъ, а все бъ его слушалъ, такъ за сердце хватаетъ.

Поставили бабушку посреди церкви и ушли, а церковь заперли.

Оля все безпокоилась и все просила, чтобы скорѣе бабушку въ могилу зарыли, а то бабушкѣ страшно одной ночевать въ пустой церкви.

На слѣдующій день хоронили бабушку.

Оля плакала, ей жалко было бабушку.

— Не плачь, Олюшка, — утѣшала нянька Фатевна, — увидишь ты бабушку обязательно, какъ сама помрешь, придетъ и твой чередъ, и бабушка тебѣ обрадуется, а пока что бабушка станетъ о тебѣ Богу молиться.

Оля успокаивалась и переставала плакать.

— Что же ты не плачешь, — замѣчала нянька Фатевна, — поплачь, Олюшка, обязательно, а то душа бабушкина увидитъ, что ты не плачешь, и подумаетъ, что тебѣ не жалко ея, и ей станетъ обидно.

И Оля много плакала, старалась не развлекаться.

Похоронили бабушку рядомъ съ дѣдушкой возлѣ церкви на цвинтарѣ тамъ, гдѣ много крестовъ — крестъ ко кресту — Ильменевскіе.

Не было бабушки — пусто было въ ея комнатѣ, не приходилъ зайчикъ, не приносилъ конфетъ. Не было и стола, на которомъ бабушка лежала бѣлая, вся въ бѣломъ, и бѣлымъ было закрыто зеркало надъ каминомъ. Горѣла лампадка передъ чудотворной Ильменевской Божьей Матерью, да часы на каминѣ ходили.

— Въ день смерти бабушки, — разсказывала нянька Фатевна, — приснился бабушкѣ сонъ, будто входитъ къ ней въ комнату дѣвочка — въ рукахъ

бѣлый платочекъ, и знаетъ бабушка: пришла она къ ней, чтобы въ бѣломъ платочкѣ унести ея душу.

— Каждый человѣкъ всякую минуту умереть можетъ,— сказалъ отецъ Олѣ.

И Олѣ страшно стало, смерти страшно.

Придетъ чередъ, придетъ дѣвочка — у дѣвочки въ рукахъ бѣлый платочекъ, унесетъ дѣвочка всѣ души и опустѣютъ всѣ комнаты, всѣ флигеля, весь ильменевскій домъ.

Старая была бабушка Анна Михайловна, изъ комнаты не выходила, все сидѣла у себя на постели, а нянька Фатевна еще старше, хоть и ходитъ всякое лѣто на богомолье.

Оля слушается няньку Фатевну: говорили, что Фатевна все знаетъ.

По субботамъ нянька Фатевна моетъ дѣтей въ ваннѣ. Когда она мылитъ голову Олѣ, что-нибудь непремѣнно разскажетъ: разсказывала нянька, что сама она шестьдесятъ ужъ лѣтъ головы не моетъ, потому что не полагается мыть головы, когда замужъ выйдешь, — грѣхъ замужней женщинѣ хоть на одинъ часъ простоволосой остаться, и еще разсказывала, что живетъ она такъ долго и еще проживетъ много, потому что почитала своихъ родителей.

— А ты, Оля, — говоритъ нянька Фатевна, — такъ долго не будешь жить: мамы ты не слушаешься, все-то на мельницу бѣгаешь.

— Седьмой годъ живу на бѣломъ свѣтѣ! — воз-

ражаетъ Оля и, кулачками протирая замыленные глаза, говоритъ ужъ пресѣкающимся голоскомъ: — а зайчикъ... который бабушкѣ конфеты носилъ... тоже померъ?

1909 г.

СЪ ОЧЕЙ НА ОЧИ.

Сны.

1.

ЗМѢЯ-КОШКА.

Лежитъ змѣя бурая — одна шкура осталась — вся высохла. Я ее потрогалъ за горлышко, а внутри у нея, въ горлѣ, копѣйка стоитъ: застряла. Такъ вотъ отчего змѣя высохла: копѣйкой подавилась,

Бѣжитъ кошка, какъ змѣя бурая, усы сѣдые, глаза горятъ зеленые и прямо въ пасть къ змѣѣ, только хвостъ стелется. Вижу хвостъ, но и хвостъ въ змѣю ушелъ, — закружилась, завертѣлась змѣя съ кошкою, такъ и кидаетъ со стороны на сторону и пыркомъ, и швыркомъ.

Я отскочилъ поскорѣе, хоронюсь, самъ думаю:

„Злыя времена! Змѣя не тронула, змѣя — сохлая, а вотъ кошка въ змѣиной шкурѣ...!“ — и не успѣлъ я опомниться, какъ что-то вцѣпилось въ меня, и я закружился клубкомъ...

2.

ЧОРТЪ И СЛЕЗЫ.

Я не дома, не въ городѣ, живу я гдѣ-то на дачѣ у моря, и не одинъ я живу, со мною Т. Всякій день мы купаемся въ морѣ: сперва онъ, потомъ я.

Карасьевна, кухарка наша петербургская, разсказываетъ:

— Я послѣ этого барина выловила маленькихъ чертенятъ, а послѣ васъ, баринъ, такого вотъ чорта!

Я не знаю, что отвѣтить Карасьевнѣ, — старуха руки растопырила, все показываетъ мнѣ, все показываетъ мнѣ, какого такого чорта она выловила послѣ меня,—и отвожу глаза къ березѣ: старая береза какъ разъ противъ дома.

У березы бѣлый конь стоитъ. Смотрю на коня. Воробей пролеталъ, порхнулъ на коня, сталъ коню глазъ клевать. И выклевалъ — изъ глаза кровь потекла.

У березы бѣлый конь стоитъ, кровь течетъ. А я плачу, и слезы, какъ кровь, текутъ.

3.

ЛЕВЪ.

Закутка-клѣтка. Въ клѣткѣ левъ. Клѣтка щелястая, льва самого не видно, только лапы. Лапы, какъ ленты: кисти — рисунокъ львиный, а плоскія, какъ у слизня. Въ нижнюю щель лапы просовываются быстро-быстро...

— Ой, какія! — и зарябило у меня въ глазахъ.

4.

КАРЛИЦА.

Идемъ мы по площади мимо собора Богородицы (Frauenkirche). Со мною мой знакомый придворный музыкантъ въ малиновомъ кафтанѣ. Я музыканту Нюренбергъ показываю, башни черныя, какъ чугунъ самый черный, и зданія лиловыя, будто пепломъ покрытыя.

Идемъ, разговариваемъ. Весело мнѣ, трепетно мнѣ. Тихимъ золотомъ свѣтится прекрасный источникъ (Schöner Brunnen). И вдругъ вспоминаю, что домой мнѣ надо: дома я забылъ что-то, только не помню что... Оставилъ я музыканта и домой. И ужъ не по Нюренбергу шелъ я, а въ Петербургѣ по Таврической.

Еще въ прихожей слышу шумъ и разговоры въ комнатахъ. Догадываюсь: это та самая, которой я позволилъ всего одинъ часъ просидѣть въ моей комнатѣ, это она до сихъ поръ сидитъ у меня.

„Неудобно, думаю, въ глаза сказать ей, чтобы уходила, скажу ласково, я умѣю говорить такъ", —

и вхожу въ мою комнату, а комната большая, совсѣмъ не какъ моя настоящая.

Но дѣло ужъ совсѣмъ не въ комнатѣ, я чувствую, какъ все во мнѣ перевертывается. Какъ же: я позволилъ одной, а ихъ ужъ трое, и всѣ онѣ расположились у меня и не на часъ, а навсегда.

Та, которую я самъ оставилъ у себя, пишетъ на моей бумагѣ, другая, мнѣ совсѣмъ незнакомая, сѣдяя, старая карлица на диванѣ лежитъ, и еще какая-то третья — на кровати, лица не вижу.

— Какое вы имѣете право, — говорю я, — поселиться въ моей комнатѣ, я вамъ позволилъ всего на часъ и только вамъ!

— А куда же мнѣ дѣваться? — говоритъ моя назойливая гостья, не отрываясь отъ бумаги.

— Это меня совсѣмъ не касается, я только не могу, чтобы у меня жили, понимаете?

А та сѣдая старая карлица руку протягиваетъ съ дивана, да какъ хватитъ меня за полу.

— Я понимаю, въ чемъ дѣло! — сказала карлица и крѣпко, со злостью вывернувъ, потянула къ себѣ.

И отъ злобы ея, отъ этой ненависти ея, я, какъ обожженный, рванулся, но рука ея крѣпко держала меня.

5.

ЛИСИЦА.

Осеннее поле. Поле: хлѣбъ въ снопы сложенъ, только ячмень стоитъ — усы торчатъ, да нѣжно и ласково стелется горохъ. Откуда ни возьмись лисица, да такая большущая, здоровенная, хвостъ одинъ — шуба.

„Бросится на насъ лисица, съѣстъ!" — такъ я подумалъ, такъ подумалъ и спутникъ мой, и, ни слова не говоря, пустились мы догонять лисицу.

И догнали, повалили лисицу на землю и стали душить. Не очень-то легко было и способно, да справились, придушили таки бурнастую. И мертвая, такая большущая, красная, мягкая, лежала на землѣ лисица.

Содрали мы съ лисицы шкуру, разложили костеръ, подпалили шкуру и стали ѣсть. Невкусно и лисой пахнетъ, а все-таки ѣдимъ. И съѣли всю шкуру. А какъ съѣли, я такъ и ахнулъ:

— Господи! — говорю, — да что же это я надѣлалъ: какая вышла бы муфта, какая шуба!

А ужъ поздно, — съѣдено и костеръ погасъ, чадитъ.

6.

НАПОЛЕОНЪ.

Пасмурный вечеръ въ маѣ. Вѣчевымъ звономъ звонятъ у св. Сюльпиція. Но я иду не въ церковь, иду я съ народомъ на набережную. Насъ очень много и всѣ мы въ черномъ. На мосту намъ на встрѣчу показались всадники: они тоже въ черномъ, а въ рукахъ метлы, — цѣлый лѣсъ метелъ.

„Революція, — думаю, — вотъ она, революція!" — и слышу, какъ бьютъ часы въ Notre-Dame, часъ за часомъ одиннадцать, словно птичка выпархиваетъ — лиловыя перышки, сердце перестукиваетъ и таетъ на сердцѣ.

— Sursum corda! (Горѣ имѣемъ сердца!)

Но я ужъ далеко, въ Сенъ-Клю. Солнечно, теплый день. Пестрая праздничная толпа. Мы стоимъ вокругъ эстрады, на эстрадѣ пожарные — пожарный духовой оркестръ. Всѣ мы ждемъ чего-то, и пожарные, приставивъ трубы къ губамъ, насторожились.

И вотъ туманно, но все таки видно, я вижу — Наполеонъ: Наполеонъ на эстрадѣ, въ рукѣ палочка, сейчасъ взмахнетъ онъ этой палочкой и грянетъ музыка.

„Наполеонъ,—думаю,—вотъ онъ Наполеонъ!"— и смотрю, не отрываясь, все хочу увидѣть лицо, въ глаза заглянуть, но онъ стоитъ, какъ прикованный, не обернется.

И слышу вѣчевой звонъ у св. Сюльпиція, а сквозь звоны бьютъ часы въ Notre-Dame, часъ за часомъ одиннадцать, словно птичка выпархиваетъ — лиловыя перышки, сердце перестукиваетъ и таетъ на сердцѣ.

— Sursum corda! (Горѣ имѣемъ сердца!)

7.

БЕЗЪ ШАПКИ.

Я въ сараѣ. Сарай на постояломъ дворѣ въ Парижѣ. Постоялый дворъ Вселенная (Hôtel de l'Univers). Въ сараѣ тѣсно, — яшикъ на ящикѣ, солома, опилки, — и темно. Всматриваюсь и вижу философа Ш.: философъ сидитъ на сломанной клѣткѣ у самыхъ дверей, на немъ шуба съ барашковымъ воротникомъ, безъ шапки.

„Конечно, — думаю, — такъ и должно быть: шапку онъ потерялъ, и сидитъ теперь безъ шапки."

Но ужъ мы не въ сараѣ, мы идемъ по полю. Поле пусто, безнарядье, кости и могилы, — огорченная земля.

„Русская земля! Бѣдная Русь! Черные люди, возставшіе на сильныхъ! Вотъ тебѣ истинный и праведный судъ!"

Философъ нагнулся къ могилѣ:

— Вотъ для примѣра! — и подаетъ мнѣ какія-то закрученныя кишки.

И молча идемъ мы отъ могилы къ могилѣ. Могилы раскрыты. Я не вижу, я чую, какъ тамъ шевелится кто-то и шуршитъ тяжелая парча. И мнѣ хочется заглянуть въ могилу и страхъ беретъ.

— Ты всей крови заводчикъ, — вдругъ закричалъ кто-то изъ могилы, — ты врагъ проклятый, христопродавецъ, злой, пронырливый злодѣй, врагъ Божій!

„Московская тьма!" — подумалъ я и вижу: по полю странникъ идетъ, ну какъ нашъ Вася Босой, поверхъ тряпокъ фракъ, на груди большой каменный крестъ, освятованный странникъ, улыбается.

— Noli eos esse meliores! (Не желай, чтобы они были лучше!) — улыбается.

— Можетъ быть, ты и правъ, — говоритъ философъ.

И мы стоимъ втроемъ у раскрытой могилы. Странникъ улыбается.

„Вотъ и у этого Васи Босого тоже нѣтъ шапки!" — и я снялъ шляпу и проснулся.

1911 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. 183. — Для сочиненія пользовался я рукописнымъ Коломенскимъ прологомъ XVI в. и Лицевымъ рукописнымъ подлинникомъ села Уреня, Варнавинскаго уѣзда Костромской губ. — изъ собранія *П. А. Рязановскаго*, Русскимъ хронографомъ редакціи 1512 года. Изд. Имп. Археографической коммиссіи, т. XXII Спб. 1911 г., и слѣд. книгами: Памятники старинной русской литературы, изд. графомъ Кушелевымъ Безбородко, вып. III, Ложныя и отреченныя книги русской старины, собр. А. Н. Пыпинымъ, Спб., 1862 г., Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. I. Спб. 1863 г., Памятники українсько-руської мови и літератури, видае археографічна комисия Науковаго товариства імени Шевченка, IV у Львові 1906., П. А. Лавровъ, Апокрифическіе тексты, Спб. 1896 г. (оттискъ изъ сборника отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. LXVII). А. И. Яцимирскій, Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности. Извѣст. Отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1910 г., т. XV, кн. 1. Житія изъ великихъ четій-миней Макарія, прилож. къ журн. „Златоструй". М. 1911—1912 гг., Лѣствица Іоанна, изд. Оптиной пустыни, 1901 г.

Стр. 243. — Если кому по душѣ сны придутся, могу указать мою „Бѣдовую долю", тоже сны. *А. Ремизовъ*, собр. соч. изд. Сиринъ, СПб. 1910 — 12 г. т. III.

257

СОДЕРЖАНІЕ

стр.

Пѣтушокъ 11
Пятая язва 43
Покровенная 157
Бисеръ малый 183
Таинственный зайчикъ 227
Съ очей на очи 243
Примѣчанія 255
Содержаніе 259

291

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА.

Въ 8 томахъ, съ портретомъ автора и указателями: азбучнымъ и хронологическими.

1910—12 г.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 руб.

Томъ 1: Неуемный бубенъ, Царевна Мымра, Чортикъ, Судъ Божій, Жертва, Занофа, Слоненокъ.
Томъ 2: Часы, Въ плѣну, Пожаръ.
Томъ 3: Крѣпость, Святой вечеръ, Безъ пяти минутъ баринъ, Придворный ювелиръ, Серебряныя ложки, Музыкантъ, Опера, Казенная дача, Эмаліоль, Новый годъ, Бебка, Бѣдовая доля.
Томъ 4: Прудъ.
Томъ 5: Крестовыя сестры, Чертыханецъ, Галстукъ, Мака.
Томъ 6: Посолонь, Къ Морю-Океану.
Томъ 7: Лимонарь, Паралипоменонъ.
Томъ 8: Бѣсовское дѣйство, Трагедія о Іудѣ принцѣ Искаріотскомъ, Дѣйство о Георгіи Храбромъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИРИНЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗД. „СИРИНЪ"

ЦѢНА 1 Р. 25 К.

PG
3470
R4P58
1913a

Remizov, Aleksei Mikhaĭlovich
Podorozhïe

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 28 08 03 003 7